

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16 № 4
2019

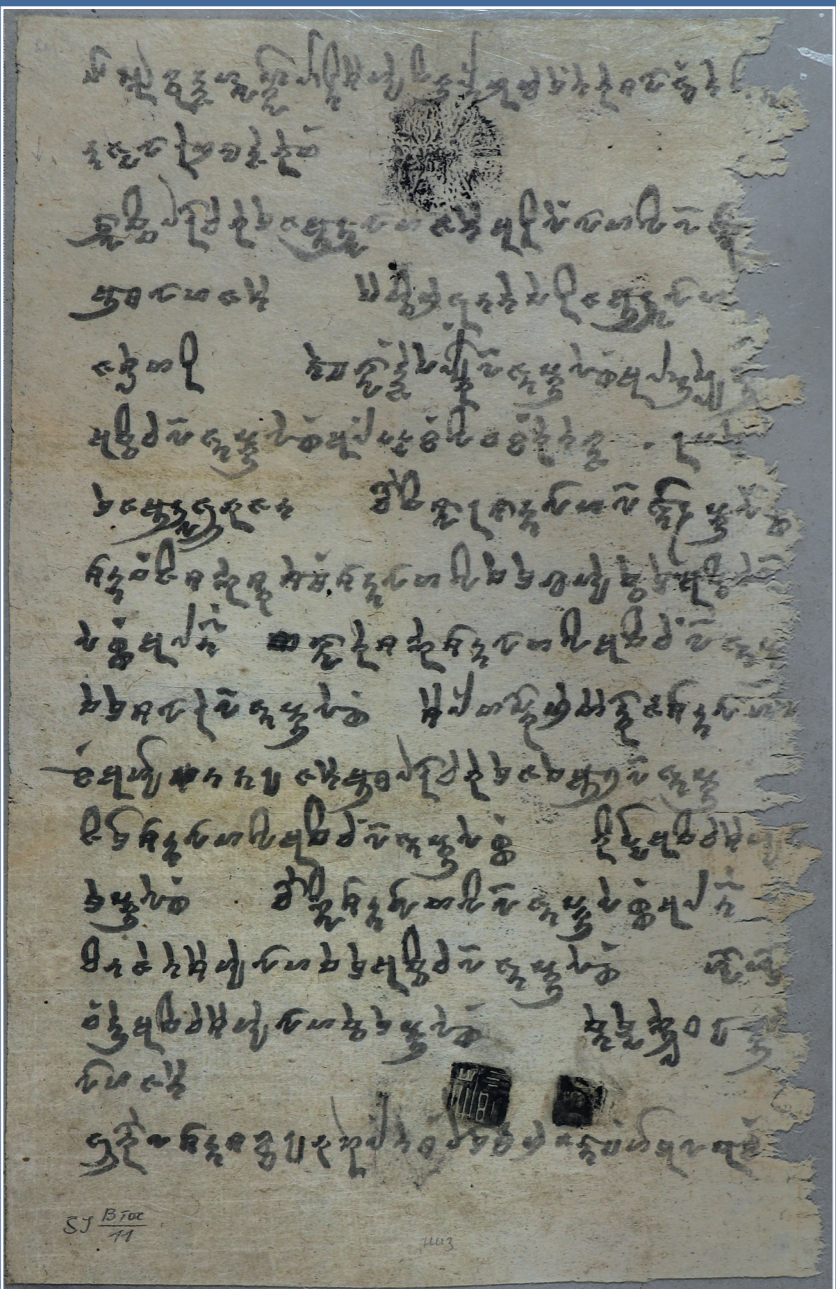
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
- КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
- РЕЦЕНЗИИ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ISSN 1811-8062 ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА, 2019, № 4

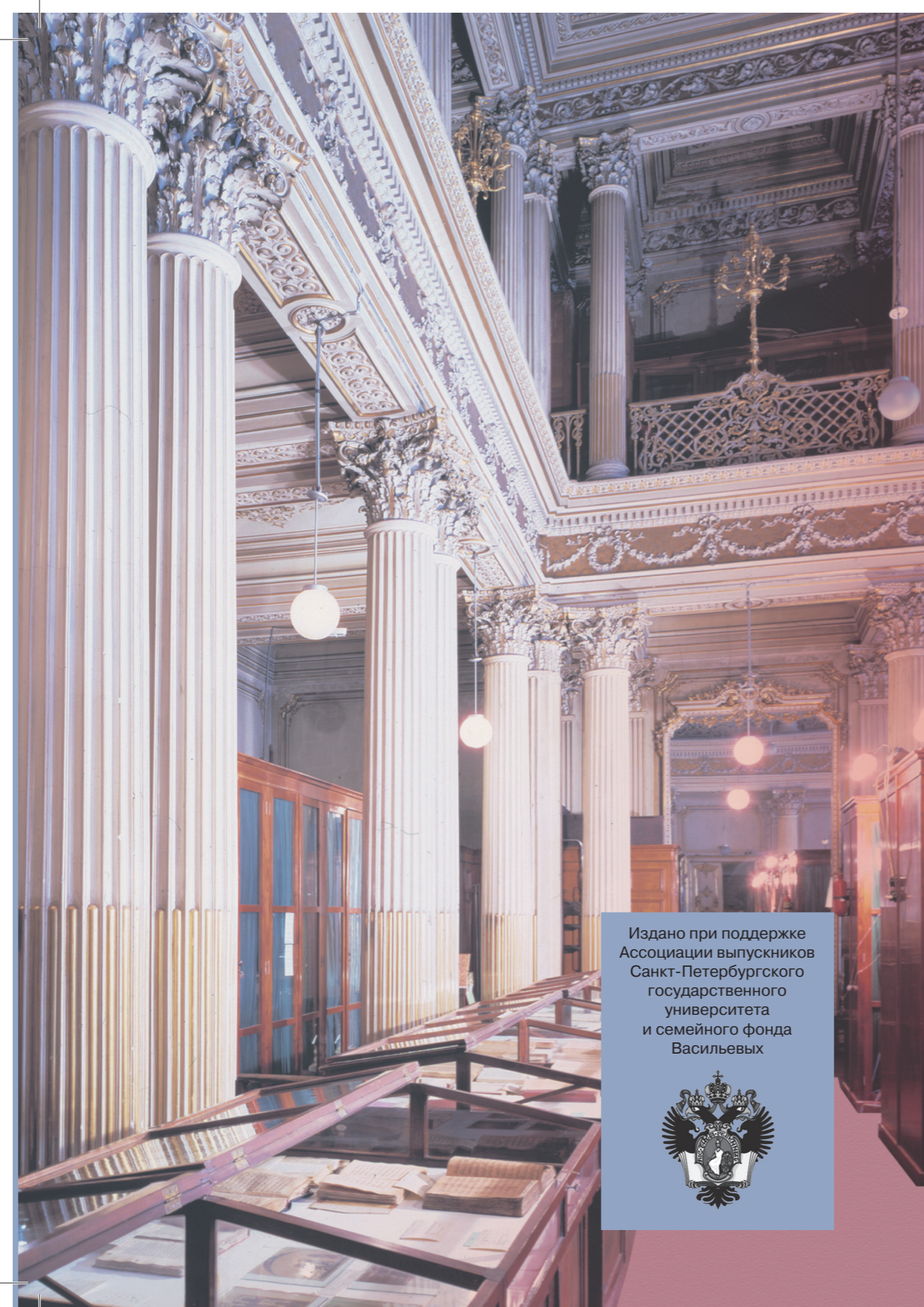
Индекс 11254

2019
4(39)

SJ 1300
71

1113

Издано при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного
университета
и семейного фонда
Васильевых

К авторам журнала «Письменные памятники Востока»

Редакция и редколлегия журнала «Письменные памятники Востока» приглашают российских и зарубежных авторов направлять в журнал статьи, посвященные проблемам изучения памятников письменности Востока, отражающие результаты исследований источников по литературе, религии, культуре, этнографии Азиатского региона, а также содержащие публикации текстов, переводы и исследования письменных памятников из российских и зарубежных собраний рукописей, библиотек, архивов и музеев.

Правила оформления рукописей представлены на сайтах Института восточных рукописей РАН: www.orientalstudies.ru и Издательства «Восточная литература»: www.vostlit.ru

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

Тел.: (812) 315-87-28. Факс: (812) 312-14-65. E-mail: ppv@orientalstudies.ru

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 4

ЗЧМД

2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 39

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ю.А. Иоаннесян.** Колебание гласных [а] и [е] в исходе слов в хорасанских персидских диалектах **5**
- И.А. Алимов.** Заметки о *сяошо*: «Е жэнь сянь хуа» **13**
- С.М. Прозоров.** Истоки, проблемы и задачи российского академического исламоведения **18**
- А.В. Степанова.** Значение и символика берберских татуировок Магриба **34**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.М. Чунакова.** Согдийские фрагменты буддийской сутры **41**
- А.В. Зорин, А.А. Сизова.** О тибетском ксилографе из Хара-Хото в собрании ИВР РАН **60**
- Е.Ю. Харькова.** Основы тибетской лексикографии в словаре «Махавьютпатги» **76**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- С.С. Сабрукова.** Письма В.И. Рассадина из Дархана (по материалам АВ ИВР РАН) **88**
- О.В. Лундышева, Л.И. Крякина.** Лаборатория реставрации ИВР РАН **100**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов.** III Конференция памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока» (Санкт-Петербург, 18–19 марта 2019 г.) **111**
- М.А. Козинцев.** Международный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи из России и Киргизии» (Кыргызстан, Бишкек, 26–27 апреля 2019 г.) **118**
- А.А. Туранская, А.В. Зорин.** 15-й семинар Международной ассоциации тибетологов (Франция, Париж, 7–13 июля 2019 г.) **121**
- А.В. Зорин.** Восьмые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 10 сентября 2019 г.) **124**
- Т.А. Пан.** Научно-практический семинар по маньчжуроведению (Германия, Мюнхен, 17–18 сентября 2019 г.) **129**

РЕЦЕНЗИИ

- С.А. Полхов.** Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы.— М.: Кругъ, 2015 (Новые исследования по японской культуре. Кн. 2). — 648 с. (**В.Ю. Климов**) **133**
- А.В. Беляков.** Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АБДИ Компани, 2019. — 208 с. (серия «Казахи. История и культура») (**Р.Ю. Почекаев**) **138**

На четвертой стороне обложки:

SI 5873 (старый шифр Втох/11). Тохарский документ VII в. из коллекции М.М. Березовского

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Volume 16, No. 4
winter
2019

Founded in 2004
Issued quarterly
Issue 39

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Secretary **Elena V. Tanonova**, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Svetlana M. Anikeeva, Cand. Sci. (Philology) (Nauka Publishers, Moscow)

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude)

Hartmut Walravens, Professor (Staatsbibliothek zu Berlin, Germany)

Olga V. Vasileva (National Library of Russia, St. Petersburg)

Margarita I. Vorob'iova-Desyatovskaya, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Anatoliy P. Derevyanko, Member of RAS (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk)

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Ali I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Alexander B. Kudelin, Member of RAS (Institute of World Literature, RAS, Moscow)

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nie Hongyin, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology, CASS, Beijing, China)

Aliy I. Osmanov, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala)

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nicholas Sims-Williams, Professor (London University, Great Britain)

Takata Tokio, Professor (Kyoto University, Japan)

Nadezhda O. Chekhovich (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nataliya S. Yakhontova, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

IN THIS ISSUE:

RESEARCH WORKS

- Youli A. Ioannesyanyan.* The Vowel Variation [A]–[E] in Word Final Position in the Khorasani Persian Dialects **5**
- Igor A. Alimov.* Notes on the *Xiaoshuo* Genre: *Ye Ren Xian Hua* **13**
- Stanislav M. Prozorov.* The Origins, Problems and Tasks of Russian Academic Islamic Studies **18**
- Anastasia V. Stepanova.* The Meaning and Symbolism of the Berber Tattoos of the Maghreb **34**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Olga M. Chunakova.* Sogdian Fragments of a Buddhist Sutra **41**
- Alexander V. Zorin, Alla A. Sizova.* On the Tibetan Block Print from Khara-Khoto Housed at the Collection of the IOM RAS **60**
- Elena Yu. Kharkova.* Foundations for Tibetan Lexicography in the *Mahāvvyutpatti* **76**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Sytetlana S. Sabrukova.* Letters of V.I. Rassadin from Darkhan (from the Archives of Orientalists in the IOM RAS) **88**
- Olga V. Lundysheva, Liubov I. Kriakina.* The IOM RAS Conservation Laboratory **100**

ACADEMIC LIFE

- Ivan V. Bogdanov.* The Third Academic Conference in Memory of Prof. Dr. Vladimir A. Jakobson “History and Culture of the Ancient Orient” (St. Petersburg, March 18–19, 2019) **111**
- Mark A. Kozintcev.* International Youth Forum “Russia and the Turkic World: The Outlook of Youth from Russia and Kirghizia” (Kyrgyzstan, Bishkek, April 26–27, 2019) **118**
- Anna A. Turanskaia, Alexander V. Zorin.* Report on the 15th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (France, Paris, July 7–13, 2019) **121**
- Alexander V. Zorin.* The Eighth St. Petersburg Tibetological Seminar (St. Petersburg, September 10, 2018) **124**
- Tatiana A. Pang.* Manchu Research Workshop (Germany, München, September 17–18, 2019) **129**

REVIEWS

- Polhov S.A.* *Law Codes of Sengoku daimyo: Researches and Translations.* New Researches on Japanese Culture. Book 2. Moscow: Krug, 2015. 648 pp. (*Vadim Yu. Klimov*) **133**
- A.V. Belyakov.* *Uraz-Muhammad b. Ondan and Isiney Karamyshev, Son of Musait. An Attempt at Joint Biography.* Almaty: ABDI Company, 2019. 208 pp. (*Roman Yu. Pochekaev*) **138**

Колебание гласных [a] и [e] в исходе слов в хорасанских персидских диалектах

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040010

Статья посвящена чередованию [a] и [e] в исходе слов как устойчивой тенденции в хорасанской группе персидских диалектов и одному из ее «промежуточных» признаков между западной и восточной группами. Анализ построен как на материале, собранном автором в процессе полевых исследований в Афганистане, так и почерпнутом из разнообразных источников, включая огласованные и частично транскрибированные диалектные тексты, доступные благодаря интернету. Для анализа привлечены три показательных хорасанских диалекта — гератский (на территории Афганистана), мешхедский и бирджандский (в Иране), что позволило охватить обширный регион распространения данной группы диалектов.

Ключевые слова: иранское языкознание, персидская диалектология, диалектология Афганистана.

Статья поступила в редакцию 15.05.2019.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2019

В предшествующих своих работах по диалектологии персидского и близкородственных ему языков мы обосновывали необходимость выделения хорасанских диалектов в самостоятельную группу в рамках единого персидско-дари-таджикского языкового массива, состоящего, таким образом, из трех, а не двух, как было предложено Р. Фархади (Фархади 1974: 7), групп: западной (персидские диалекты Западного и Центрального Ирана), центральной (хорасанские диалекты, распространенные на северо-востоке Ирана и северо-западе Афганистана) и восточной — афгано-таджикской (диалекты дари без северо-западных и таджикские говоры Средней Азии). Нами указывались признаки, сближающие хорасанские диалекты как с западной, так

и с восточной группами, а также отмечались и отличия между ними. При этом выделение хорасанских диалектов в самостоятельную группу обосновывалось равнозначностью их схождения с двумя другими группами и отличий от них, а также присущими им особыми «чисто хорасанскими» чертами (Иоаннесян 1998; и др.). В последней своей работе нами были определены пять устойчивых дифференцирующих признаков хорасанских диалектов по отношению к говорам афгано-таджикским (Иоаннесян 2019). При этом следует иметь в виду, что срединное положение хорасанских диалектов между западной и восточной группами предопределяет и некоторые свойственные им «промежуточные», или «переходные» черты между двумя этими группами. Вот как выглядит хорасанский ареал на карте диалектов персидско-дари-таджикского массива:

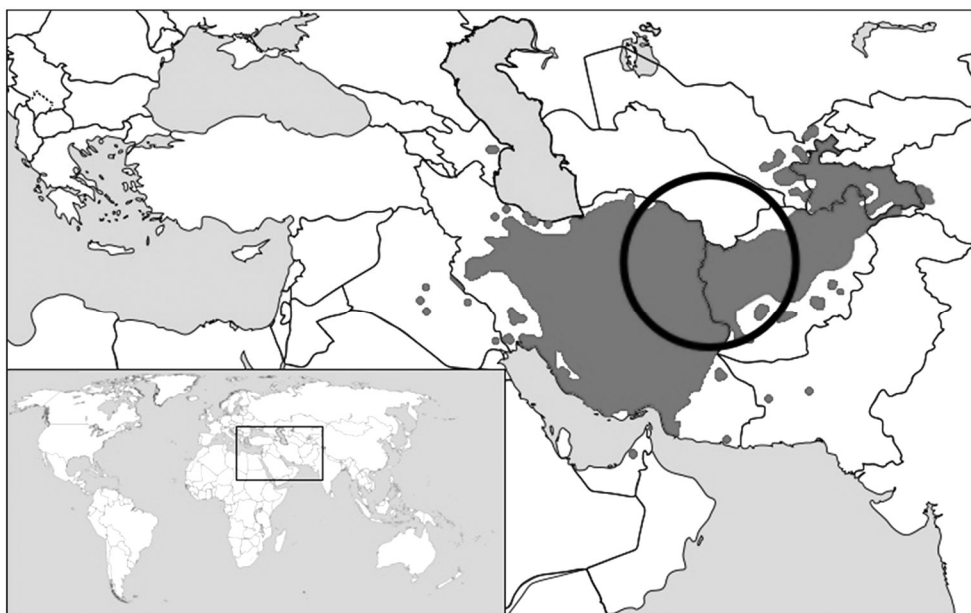

Рис. 1.

Карта массива персидско-дари-таджикских диалектов (выделен темным цветом), кругом обозначен хорасанский диалектный ареал на территории Ирана и Афганистана¹

В настоящей статье будет рассмотрен один такой «переходный» признак в области фонетики. Если в диалектах восточной группы гласный [a] в абсолютном исходе слова, соответствующий историческому [ā], сохраняется, а в западных он перешел в [e], то в хорасанских отмечается регулярное колебание в этой позиции звуков [a] и [e]. Причем с учетом того, что и [a] имеет варианты — [ä/ə], и [e] часто представлено более открытым гласным: [ɛ], в реальности речь идет о колебании в произношении

¹ Автор выражает искреннюю признательность Ф.Д. Богданову за квалифицированную помощь в подготовке этой иллюстрации.

звуков: ä/a/ə/ε/e. Знаком ə обычно обозначают несколько редуцированный и поэтому менее качественно устойчивый вариант [ä/a]. Рассмотрим ситуацию в трех хорасанских диалектах: гератском на территории Афганистана, мешхедском на севере иранской части Хорасана и бирджандском на юге иранского Хорасана. Географический охват территорий, таким образом, включает в себя крайний северо-восток, северо-запад и юг хорасанского лингвистического ареала.

Начнем с рассмотрения гератского диалекта, материалом для которого послужат опубликованные ранее результаты наших полевых исследований (см., в частности, Иоаннесян 1998: 70) и записанные в Афганистане диалектные тексты. В указанном диалекте происходит чередование звуков e/ε/ə/ä/a² в исходе слов, в позиции, в которой они соответствуют [e] литературного персидского и [a] литературного дари, о чем свидетельствуют многочисленные дублетные формы: riša/riše «корень», češmä/češme «родник», golulə/golle «шарик», jujə/juje «цыпленок, птенец; детеныш», šokomba/šokombe «требуха», xunə/xune «дом», rākizə/rākize «чистый». Ср. также фонетические варианты форм третьего лица единственного числа настоящего времени глаголов «говорить», «идти», «становиться» и «класть»: miġā/miġe/miġe, mirā/mire/mire, mišā/miše/miše, miġzāra/miġzāre и причастий прошедшего времени глаголов «бросать», «быть», «иметь», «делать», «идти», «становиться»: andāxta/andāxte/andāxte, buda/bude/bude, dišta/dište/dešte, kardə/kadā/kade, rafta/raftā/rafta, šoda/šodə/šode.

Применительно к мешхедскому диалекту мы не можем опереться на собственные полевые исследования, однако это компенсируется возможностями интернета, обеспечивающего доступ к многочисленным сайтам, посвященным мешхедскому диалекту и предоставляющим широкий спектр разнородных диалектных текстов в транскрипции как арабографичной, так иногда и латинской. Эти тексты вполне адекватны задаче, поставленной в настоящей статье, так как наглядно иллюстрируют колебания [a] и [e] в исходе слов. Из многих таких текстов нами отобран прежде всего весьма показательный стих на мешхедском диалекте поэта-мешхедца — Эмада Хорасани³ (1921–2004), фигурирующий сразу на многих сайтах, что также свидетельствует в пользу его популярности. Одно из достоинств этого текста состоит в том, что арабографичная транскрипция, в которой он представлен, снабжена еще и огласовками, которые практически неизменны от сайта к сайту, что говорит о фиксированном произношении и может указывать на то, что такое произношение (огласовки) установлено самим поэтом. Ниже представлен этот стих в его исконной арабографичной транскрипции с упомянутыми выше огласовками, фиксирующими произношение, за которым следуют наша латинская транскрипция на основе арабографичной и наш русский перевод стиха:

² Различение [e] и [ε] в данной позиции представляется делом нелегким, особенно с учетом того, что и в литературном персидском конечный [e] является звуком более открытым, чем [ε] в других позициях. Не случайно в кириллической транскрипции «Персидско-русского словаря» под редакцией Ю.А. Рубинчика (ПРС 1985) [e] в исходе слов передается посредством «э» обратного. В хорасанских же говорах [e] в абсолютном исходе слова, там, где он не испытывает ассимилирующего воздействия закрытого гласного последующего слова или морфемы, почти всегда представлен наиболее открытым своим вариантом, а передача его знаком [e] или [ε] носит отчасти условный характер и зависит от транскрипции.

³ В персидском написании — عماد خراسانی. Его настоящее имя — عمادالدين حسين برقعی.

بِرّه گه کارِ مو و تو بِرّه بالا می‌گیره ذره ذره بِرّه عشقت تو دلم جا می‌گیره
روز اول به خودم گفتم ايم مثل بقي حالا کم کم می‌بینم کارِ ذره بالا می‌گیره
چن شبه واز مٲ چهل سال پیش ازای مرغ دلم تو زمستون بهنه سبزه و صبرا می‌گیره
چن شبه واز می‌دوزم چشمامه تا صبحه به چخت
یا بیک سم ببخودی مات منه، را می‌گیره
تا سحر جل می‌زنم خواب به سراغم نمیداد هی دلم مثل بچه بهنه بی جا می‌گیره
موگومش هرچی که مرگت چیه کوفتی! نینگه عوضش نق مزنه ذکر خدا یا می‌گیره
پیری و معرکه گیری که مگن کار مویه دفتر عمر داره صفحه پنجاه می‌گیره
اون که عاشق شده پنهون مکنه مثل اویه که سوار شتر و پوشتیشه دولا می‌گیره
دیگه مجنون توی خواب دامن لایلا می‌گیره کتا کردن دامانار تا بیخ رون، مثنی عماد!

Тот же стих в латинской транскрипции:

Yaraga⁴ kâr-e mo-vo to dera bâlâ migire⁵
zera zera dera ešg-et tu del-om jâ migire
Ruz-e aval be xod-om goftom: “i-yam⁶ mesl-e baği”⁷
hâlâ kam-kam mibinom kâr dera bâlâ migire
Čan šab-a vâz⁸ mess-e če(he)l sâl piš az i morġ(-e)⁹ del-om
tu zemestun behana-e sebzo-vo sehrâ migire
Čan šab-a vâz miduzom češmâ-m-e tâ sobh-e¹⁰ be čoxt¹¹
yâ b^eyek sam¹² bixodi mât mena-o (memana-o)¹³, râ migire¹⁴
Tâ sahar jol mizenom¹⁵ xâb be sorâg-om nem(i)yâd
hey¹⁶ del-om mesl-e beča behane bijâ migire
Mogom-eš harci ke: “marg-et či-ya¹⁷ kufti”!
nemega, avaz-eš neġ mezena zekr(-e) xodâyâ migire

⁴ Yaraga — то же, что и лит. перс. yâr «друг, приятель; возлюбленная».

⁵ Dera bâlâ migire — соответствует лит. перс. dârad bâlâ migirad. В грамматическом отношении это — так называемое «настоящее продолженное (определенное) время» с глаголом dâštan. Его активное использование в мешхедском диалекте засвидетельствовано не только этим, но и другими диалектными текстами. О фонетическом аспекте указанной и рифмующихся с ней строк стиха будет сказано ниже.

⁶ I-yam — соответствует лит. перс. in ham.

⁷ Baği — соответствует лит. перс. baġiye (بقيه).

⁸ Čan šab-a vâz — соответствует лит. перс. čand šab-ast (ke) bâz...

⁹ Поскольку в хорасанских, как и в других персидских диалектах, возможно выпадение изафета, а по арабографичной транскрипции без огласовки (*кесры* под конечным согласным) определить его наличие нельзя, мы здесь и ниже в скобках подставляем изафет как вариант прочтения.

¹⁰ Tâ sobh-e — очевидно, «-e» здесь — диалектный фонетический вариант послелога -râ (в хорасанских диалектах обычно в форме -re/-e), присоединяющийся к именам, перед которыми стоит предлог tâ. В диалектах дари Афганистана присоединение послелога (-ra/-a) в подобных случаях происходит крайне часто.

¹¹ Čoxt — «потолок».

¹² Sam — соответствует лит. перс. samt «сторона, направление».

¹³ Mât mena — очевидно, стяженная форма mât memuna (memânad).

¹⁴ Râ migire — очевидно, соответствует лит. перс. râh migirad.

¹⁵ Jol mizenom — соответствует в данном контексте лит. перс. takân miġoram. Jol встречается также и в дари в значении «суетливые движения», а с редупликацией: joljol означает «копшение (насекомых)».

¹⁶ Heu в устной персидской речи и в диалектах указывает на повторяющееся действие или действие в процессе совершения, наподобие русского «всё» или «знай себе»: всё ест и ест, знай себе ухмыляется, и т.п.

¹⁷ Ср. «چه مرگته (مرگت است)؟», фраза, переводимая в «Персидско-русском словаре» под ред. Ю.А. Рубинчика (в статье مرگ) как «в чем дело?», «чего ты хочешь?», «чего тебе не хватает?».

Piri-vo ma'rekegiri ke megan kâr-e mo-ya
 deftar(-e) omr dâra safha pinjâh migire
 Un ke âšeg šoda penhun mekena mesl-e u-ya
 ke sevâr šotor-a va pušt-eš-e dolâ migire
 Diga Mejnun tu-ye xâb dâman(-e) Leylâ migire
 kotâ kerdan¹⁸ dâmenâ-re tâ bix-e run, mašti Emâd!

Перевод

Друг мой, дело наше принимает серьезный оборот,
 Любовь к тебе проникает постепенно (букв.: по крупнице) все глубже в мое сердце.
 В первый день я сказал себе: «Все так же, как всегда (букв.: это то же, что и другое)»,
 Теперь понемногу вижу, как оно (т.е. чувство) возрастает.
 Уже несколько ночей птица сердца моего снова, как и сорок лет назад,
 Зимой томится по зелени и полю.
 Уже несколько ночей снова взор мой устремлен до утра к потолку
 Или бессмысленно застывает, обращенный в одну сторону, и [затем] блуждает.
 Ворочаюсь до раннего утра, [но] сон не приходит ко мне (букв.: не навещает меня),
 Сердце мое, как ребенок, все томится по несбыточному.
 Сколько ни говорю ему: «Что с тобой, негодник?»,
 Молчит (букв.: не говорит), вместо того [чтобы сказать], хнычет и поминает Бога.
 «Седина в бороду, бес — в ребро» — это сказано (букв.: говорят) обо мне,
 В книге жизни переворачивается пятидесятая страница.
 Тот, кто влюблен, скрывает [это], как тот,
 Кто верхом на верблюде сгибает в три (букв.: в две) погибели спину.
 Меджнун же во сне держится за подол Лейли,
 Укоротили подол по самое колено, о Мешхеде Эмад!

Переходя к фонетическому аспекту стиха, можно констатировать, что уже первая его строка демонстрирует чередование [a] и [e] в исходе слов (в глагольных формах), о чем со всей очевидностью свидетельствуют огласовки. Причем вся рифма стиха строится на повторяющейся форме *migire* с четко указанной *кесрой* вниз у конечного согласного «ر» (می‌گیره). Таким образом, несоблюдение этого принципа — произнесения [e] в конце глагольной формы даже в одном случае нарушит рифму. При этом в аналогичной позиции над «ر» в слове *dera* (دِره) четко выписана *фатха*: *دِره بالا می‌گیره* *dera bâlâ migire*. То, что конечный гласный в *می‌گیره* именно [e], подтверждается и арабграфичной и латинской транскрипциями другой строки данного стиха, представленной на другом сайте, посвященном мешхедскому диалекту: *حالا کم کم می‌بینم کار* *میزنه* *دِره بالا می‌گیره* *Hâlâ kam kam mibinom kâr dera bâlâ migire*¹⁹. При этом не только отмеченное ранее *دِره*, но и некоторые другие глагольные формы и существительные в приведенном выше стихе в абсолютном исходе слова огласованы фатхой: *میزنه* *mezena*, *می‌کنه* *mekena*, и т.п.

¹⁸ Kotâ kerdan соответствует лит. перс. *kutâh kardand*.

¹⁹ <https://en.wiktionary.org/wiki/%D8%AF%D8%B1> (27.04.19).

Обратимся к другому стиху на мешхедском диалекте, представленному на одном из сайтов²⁰:

با پَلْخْمون نِگَاهت چُوگه دِلومه زدی
 آی یَره یَره یَره — یَارُم کَله پا مره
 ای گِرُونی هم که هر روز قوز بالا قوز مره
 نِمِئُوم چیزی بُگَم — ای درد دل کُشته مو ره

Теперь тот же стих в нашей транскрипции с переводом:

Bâ palaxmun-e negâh-et čoguk-a delom-e zedi
 Ây, yara, yara, yara — yâr-om kallepâ mere²¹
 Ey geruni ham ke har ruz ğuz bâlâ ğuz mere²²
 Nemetenom čiz-i bogom-a — i dard-e del košta mo-re!

Пращей взгляда своего ты сразила воробушка моего сердца.

О друг мой, моя возлюбленная ходит на голове.

Вот незадача, каждый день час от часу не легче

(букв.: горб возникает на горбу).

Не могу вымолвить ни слова — эта сердечная боль убила меня!

В этом стихе рифма строится на форме третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *raftan* «идти», который в мешхедском диалекте выступает еще синонимом *šodan* «становиться»: *mere* (соответствует литературному персидскому *miravad*). При этом буква «ر» огласована четко указанной *кесрой* под «ха немь»: *مره*, чтобы исключить любое другое произношение. Слово *mere* рифмуется в последней строке с *مو ره mo-re* (личным местоимением первого числа единственного числа с послелогом прямого объекта), соответствующим литературному персидскому: *ma(n)-râ*. Послелог обычно произносится в мешхедском диалекте как *-re*, о чем также свидетельствует огласовка (*кесра*). То, что глагольное окончание третьего лица единственного числа нередко имеет в мешхедском диалекте форму *-e*, подтверждается примерами на других сайтах, посвященных данному диалекту, из которых приведем один: *خوش میگذره؟* (*khosh megzere*) = *خوش میگذرد؟* «[тебе, ему и т.п.] весело?». Может создаться впечатление, что возникновение конечного *-e* в приведенных примерах связано с явлением ассимиляции и влиянием гласного [e] или [i] предшествующего слога на слог конечный, ср. *migire, mere, megzere*. Однако, как явствует из стиха Эмада Хорасани, в других аналогичных случаях такое «влияние» не наблюдается, ср.

²⁰ <http://www.parsaveh.com/posts/tag/%D9%84%D9%87%D8%AC%D9%87-%D9%85%D8%B4%D9%87%D8%AF%DB%8C> (27.04.19).

²¹ Сложная многозначная персидская идиома, означающая «переворачиваться вниз головой», «лишаться сознания» и пр. В каком значении она употреблена здесь, остается лишь догадываться. Также неясно, использован ли глагол *raftan* здесь в своем прямом значении «ходить» или в сугубо диалектном — как синоним *šodan*.

²² Персидская пословица.

²³ http://www.wikiwand.com/fa/%D9%84%D9%87%D8%AC%D9%87_%D9%85%D8%B4%D9%87%D8%AF%DB%8C (27.04.19). Сохранена арабиграфическая и латинская транскрипция оригинала.

dera, mezena, mekena (см. выше). Следовательно, нет оснований считать решающим фактором возникновения конечного -е ассимиляцию. Вместо этого нужно констатировать чередование [a] и [e] в исходе слов. Этот вывод подтверждается и материалом другого хорасанского говора — бирджандского, к которому мы переходим сейчас.

Начало изучению бирджандского диалекта положил известный иранист прошлого века В.А. Иванов, прежде всего своей пространной работой “Persian as Spoken in Birjand” (Ivanow 1928). Этому и другим трудам данного выдающегося ученого мы уделили немало внимания в наших предшествующих публикациях, а здесь сошлемся на значительно более позднее подробное исследование бирджандского говора, осуществленное Дж. Резаи. В его книге все диалектные слова и фразы приводятся в двух транскрипциях — арабографичной и латинской, что выявляет довольно полную и наглядную картину фонетических черт говора. Хотя большинство лексем в этой книге содержит в рассматриваемой нами конечной позиции [ə] (вариант гласного [a]), в ней немало примеров и слов с исходом на [e], а также чередования [ə] и [e]. Приведем дублетные формы, начиная с gorbe/gorbə «кошка» в двух фразах с близким значением: gorbe muš rə bogorof «кошка схватила мышь», ср.: gorbə muš rə boxord «кошка съела мышь» (Rezaee 1998: 188, 322), ср. также: raxaxne/pāraxnə (соответствует литературному персидскому rāberehne) «босоногий» (Там же: 115, 128), yakke yakke/yakkə yakkə «каждый по отдельности» (Там же: 205, 218, также 211, 213), hame/hamə «все» (Там же: 223, 226), basse/bassə «ребенок, детеныш» (Там же: 235, 248–249, 340), madrese/madresə «школа» (Там же: 236, 318, 333), boborde/bobordə — причастие прошедшего времени глагола «уносить» с префиксом (Там же: 264), gazande/gazandə «кусающий» (Там же: 147, 198). Ср. также: az injə tā unjə «отсюда дотуда» (Там же: 234).

Проведенный в статье анализ примеров из трех диалектов, распространенных в разных частях Хорасана, основанный на достоверных материалах, подводит к выводу о чередовании вариантов гласных [a] и [e] в исходе слов в хорасанских диалектах как устойчивой тенденции.

Литература

- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы Востока. Памяти А.Л. Грюнберга / Под общ. ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXX. С. 62–82.
- Иоаннесян 2019 — *Иоаннесян Ю.А.* Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы // Письменные памятники Востока. 2019. Том 16. № 1 (вып. 36). С. 50–74.
- ПРС 1985 — Персидско-русский словарь. В 2 томах / Ред. Ю.А. Рубинчик. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985.
- Фархади 1974 — *Фархади [А.]Р.* Разговорный фарси в Афганистане / Пер. с франц. Б.Я. Островского. М.: Наука, 1974.
- Ivanow 1928 — *Ivanow W.* Persian as Spoken in Birjand // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. P. 235–351.
- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vājshenāsi-Dastur. Be Ehtemām-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.

References

- Farhadi, Abdu'l-Ghafur. *Razgovornyi farsi v Afghanistanane* [Colloquial Persian in Afghanistan]. Tr. from French by B.I. Ostrovskii. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. "Izuchenie i osnovnye spetsificheskie cherty khorasanskoi gruppy dialektного mas-siva iazykov persidskogo, dari i tadjhikskogo" [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects]. *Strany i Narody Vostoka*, vol. 30. Pamiati A.L. Gryunberga. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 62–82 (in Russian).
- Ioannesyan Y.A. "Nekotorye vazhnye otlichitel'nye cherty khorasanskoi gruppy persidskikh dialektov ot govorov afgano-tadjhikskoi dialektnoi gruppy" [Some Important Differentiating Features between the Khorasani Group of Persian Dialects and the Varieties of the Afghan-Tajiki Group]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 1 (issue 36), pp. 50–74 (in Russian).
- Ivanow, Vladimir. "Persian as Spoken in Birjand". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, N.S., vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).
- Persidsko-Russkii slovar'* [A Persian-Russian Dictionary]. In 2 vols. Ed. by I.I. Rubinchik. 3rd edition. Moscow: Russkii iazyk, 1985 (in Russian).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vajshenâsi-Dastur* [A Study in the Birjandi Dialect: Phonology, Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).

The Vowel Variation [A]–[E] in Word Final Position in the Khorasani Persian Dialects

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 5–12)
Received 15.05.2019.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article considers the variation [a]–[e] in word final position as a constant tendency in the Khorasani Persian dialects as well as one of their features "intermediate" between the Western and Eastern groups of Persian-Dari-Tajiki dialects. The analysis is based on the material collected by the author in the course of his field research in Afghanistan and on data drawn from various sources, including vocalized and partly transcribed dialectal texts available online. Three representative Khorasani dialects are used for this study, namely Herati (spoken in the city of Herat and the Herati province in Afghanistan), Mashhadi and Birjandi (spoken in the Iranian cities of Mashhad and Birjand respectively), which enables the author to cover a wide geographic area in which the dialects of this particular group are located.

Key words: Iranian studies, Persian dialectology, Iranian dialectology, Afghan (Dari) dialectology.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

Заметки о *сяошо*: «Е жэнь сянь хуа»¹

И.А. Алимов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040022

Статья является частью большого продолжающегося исследования под общим названием «Краткая история китайской прозы *сяошо* I–XIII вв.» и посвящена одному из сборников *сяошо* этого времени — «Е жэнь сянь хуа» («Досужие речи живущего в глуши») Гэн Хуаня. Это собрание разнообразных рассказов о необычайном, бытовавших в Шу (совр. пров. Сычуань), а также некоторых неофициальных сведений о тех, кто служил этому царству, и самих шуских правителях. В статье рассматривается история создания текста, анализируется его состав, исследуется вопрос бытования «Е жэнь сянь хуа».

Ключевые слова: Китай, китайская литература, китайская проза *сяошо*, источниковедение, «Е жэнь сянь хуа».

Статья поступила в редакцию 28.07.2019.

Алимов Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом Южной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3 (igor.alimov@kunstkamera.ru).

© Алимов И.А., 2019

«Е жэнь сянь хуа» 野人間話 («Досужие речи живущего в глуши») — сборник, составленный жившим в начале правления Сун литератором и художником Гэн Хуанем 耿煥 (X в.). Про автора известно мало: родом Гэн Хуань был из Чэнду, долгое время находился на службе царства Позднее Шу (934–965), в частности был начальником уезда Байшисянь области Бичжоу (располагалась на территории современной провинции Сычуань), потом ушел со службы и отшельничал в горах Куаншань, тогда и получил прозвание Куаншань чуши 匡山處士 (Куаншаньский отшельник); позднее некоторое время Гэн Хуань обитал в горах Юйлэйшань (Сычуань), где взял себе псевдоним Сяньинь мушу 閒吟牧豎 (Пастушок, праздно декламирующий стихи)². Он славился изображениями драконов, был известен ныне утерянным сочинением «Лун чжэн би цзюэ» 龍證筆訣 («Секреты изображений, свидетельствующих о драконах»), а также сборниками *сяошо* «Е жэнь сянь хуа» и «Му шу сянь тань» 牧豎間談 («Досужие рассказы пастушков»).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00094.

² Источники информации о Гэн Хуане см. (Ли Цзянь-го 1997: 8).

«Е жэнь сянь хуа» числится в каталоге «Чжи чжай шу лу цзе ти» 直齋書錄解題 («Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») Чэнь Чжэнь-суня 陳振孫 (1190–1249): тут сказано о тексте в пяти цзюанях, написанном Цзин Хуанем 景煥 из Чэнду и содержащем записи историй, происходивших при Позднем Шу. Также Чэнь Чжэнь-сунь сообщает о предисловии Гэн Хуаня к «Е жэнь сянь хуа» (Чэнь Чжэнь-сунь 1987: 324). В библиографическом отделе сунской истории (цз. 209) также сказано о пяти цзюанях текста, а в качестве его автора назван уже Гэн Хуань. Позднее, в послеюаньское время, текст сборника Гэн Хуаня оказался утерян и долгое время существовал в виде сохранившихся разрозненных фрагментов — всего до наших дней таковых дошло сорок два. Они и представлены в единственном современном критическом тексте «Е жэнь сянь хуа», подготовленном специалистом по танской прозе Чэнь Шан-цзюнем 陳尚君 (род. 1952) (Гэн Хуань 2004).

Сборник состоит из фрагментов среднего объема — от почти двухсот до шестисот и более иероглифов, все фрагменты имеют разные названия, это обычно имена главных персонажей, гораздо реже — краткие, до пяти знаков, заглавия, раскрывающие основное содержание фрагмента: «Хо лун тэн юэ» 火龍騰躍 («Прыжок огненного дракона»), «Чжу чжэнь жэнь лин янь» 朱真人靈驗 («Чудотворная сила Совершенного человека Чжу»). Прямая датировка есть только одна: 偽蜀建武四五年間 «между четвертым и пятым годами девиза правления „Цзянь-у ложного Шу”» (явная ошибка: при Шу такого девиза правления не было), помимо этого в тексте встречается разве что 王氏建國時 «когда род Ван основал царство» (907), 唐僖宗皇帝翠華西幸之年 «в год, когда императорский штандарт танского государя Си-цзуна осчастливил [посещением] запад» (880). В «Е жэнь сянь хуа» часто упоминается царство Шу (в том числе как 偽蜀 «ложное Шу» и 孟蜀 «Шу рода Мэн»). Говорить о хронологическом расположении материала внутри сборника не приходится.

Среди героев «Е жэнь сянь хуа» — основатель Позднего Шу Мэн Чжи-сян 孟知祥 (874–934, на троне 934) и его ближние соратники и советники Чжао Цзи-лян 趙季良 (883–946), У Чжао-и 毋昭裔 (вторая половина IX — первая половина X в.) и Ли Жэнь-хань 李仁罕 (873–934), а также второй позднешуский монарх, третий сын Мэн Чжи-сяна Мэн Чан 孟昶 (919–965, на троне 934–965), а кроме того знаменитый буддийский монах, поэт и художник Гуань-сю 貫休 (832–912) и не менее знаменитый художник Хуан Цюань 黃筌 (903?–965). Помимо этого, героями выступают разные другие чиновные лица, о которых мы сегодня ничего не знаем, даосские и буддийские монахи и пр.

В предисловии к «Е жэнь сянь хуа» сказано:

«Живущий в глуши — это Цзин Хуань из Чэнду, среди гор и пустынных равнин обитающий, а праздные беседы — разговоры при встрече с душевным другом. [Здесь] рассказы о том, что некогда было услышано и увидено при дворе царства Шу рода Мэн. И среди них — достойные записи истории о знатных сановниках, благовещах знаменьях и установлениях, что приняты были при царском дворе, но если такие [истории] уже оказались занесены в исторические анналы той эпохи, то [я] не записывал их. А записал истории пестрые, разные (хоть стиль мой вульгарен и груб, но и они могут заставить задуматься) и разделил их на пять цзюаней, назвав это «Досужие речи живущего в глуши». В пятнадцатый день третьей луны третьего года под знаками *и-чоу* девиза правления Цянь-дэ Великой Сун [я] написал предисловие» (Гэн Хуань 2004: 5887).

Предисловие, во-первых, дает нам точную авторскую датировку составления сборника — 965 г., во-вторых, указывает на основную хронологию «Е жэнь сянь хуа» — время существования царства Позднее Шу, в-третьих, ненавязчиво сообщает, что, составляя данный сборник, Гэн Хуань преследовал цели назидательные. Наконец, очевидно, что источник всех историй из этого сборника — то, «что было услышано и увидено», а не выписки из чужих сочинений³.

Что касается содержания «Е жэнь сянь хуа», то, несмотря на наличие некоторого количества фрагментов, лишенных необычайного, этот сборник в основном включает записи странных происшествий и описаний поступков удивительных людей. В первую очередь это — разнообразные даосские монахи, обладающие волшебными умениями, маги и предсказатели. В «Е жэнь сянь хуа» подобных персонажей много. Вот довольно типичный фрагмент:

«Уважаемый наставник Чжао 趙 был из Суйчжоу⁴. Прекрасно умел магически амулетами спасать людей от недугов, много лет [занимался этим] в родных местах. А еще превосходно мог обуздывать горных бесов — на сто *ли* вокруг того места, где он жил, оборотни и бесы переставали вредить людям.

У одного крестьянина Жуань Цюна 阮瓊 была дочь, и ее оболстил оборотень. Каждый день ближе к ночи [она] причесывалась и прихорашивалась, словно готовилась к встрече с кем-то, потом начинала радоваться, как будто встреча состоялась, непринужденно болтала и смеялась. [Цюн] стал звать лекарей, но ничего не получалось, тогда [он] поспешил к наставнику с просьбой о помощи.

— Мне самому [к вам] и ездить-то не нужно, — сказал наставник. — Достаточно приклеить мой амулет на дверь или окно, он сам все сделает.

Наставник написал красным на белом тонком шелке большой амулет и отдал [Цюну]. Тот приклеил его на дверь.

Настала первая стража⁵ — раздался звук, словно ударили по чему-то огромному, будто льдина обрушилась на землю. [Цюн] стал смотреть, светя свечой, [и видит] — огромная черепаха корчится на земле! Пока взошла луна, [черепаха] уже издохла. А амулет пропал. Девушка очнулась, пришла в себя, стала в ужасе лить слезы. Цюн отрубил черепахе голову и выбросил в канаву, а потом пришел к наставнику и обо всем подробно рассказал. Чжао утешил и обнадежил его, а еще вручил маленький амулет, велел дать дочери его проглотить, и после этого ничего плохого [с ней больше] не случилось. А большой амулет сам вернулся [наставнику] на стол» (Гэн Хуань 2004: 5996).

Чудеса творил и даос Хуан Вань-ю 黃萬祐, раз в двадцать-тридцать лет выбиравшийся в Чэнду продавать лекарственные снадобья: предсказания его всегда сбывались с необыкновенной точностью. Слава Хуан Вань-ю была так велика, что владыка

³ Ли Цзянь-го полагает, что, несмотря на некоторые выражения, которые имеются в тексте и, кажется, свидетельствуют о том, что «Е жэнь сянь хуа» были закончены уже при Сун, книга все же была завершена совсем незадолго до падения Позднего Шу (Ли Цзянь-го 1997: 9).

⁴ Суйчжоу — область, располагавшаяся на территории современной провинции Сычуань.

⁵ Первая стража — с семи до девяти вечера. Ночное время в старом Китае традиционно разбивалось на пять равных промежутков, которые хотя и колебались в зависимости от времени года, однако в среднем составляли около двух часов каждый. Стражу отбивали в колокола или барабаны; дневное время на стражи не делилось и никак обычно не возвещалось, за исключением полудня, да и то лишь в столичных городах.

Раннего Шу Ван Цзянь даже пригласил его в свой дворец, где оказал ему в высшей степени почтительный прием (Гэн Хуань 2004: 5998). Чудесами прославился также неизвестный: он пришел к храму на горе Тайшань, когда там был праздник, во время которого многочисленные гадатели и лекари демонстрировали свое искусство, и сказал, что в расположенной рядом реке спит дракон. Над ним стали смеяться, тогда в доказательство он нырнул в воду и выплыл, сидя на драконе. «„Все эти люди, что сделали своим ремеслом знахарство да гадание, спасают людей от болезней, умеют узнать их судьбу, [они] так близки к постижению Дао-Пути, но они не могут постичь [сути] бедного и простого книжника и столь легко насмеваются над ним!“ — сказал этот человек» (Гэн Хуань 2004: 5999–6000). Подобных удивительных и часто вовсе не названных персонажей, обычно по виду бедных, в сборнике Гэн Хуаня предостаточно.

Также среди героев «Е жэнь сянь хуа» есть некоторое количество нищих, занимающихся попрошайничеством не от хорошей жизни, а из-за общественного настроения, свойственного тому смутному времени. «Хотя автор и наблюдает эту печальную реальность, но не имеет возможности вызволить таких людей из страданий, и он из сочувствия и симпатии перемещает их в фантазию», — пишет известный историк литературы Хоу Чжун-и 侯忠義 (род. 1936) (Хоу Чжун-и 1990: 348). В результате один из этих изгоев в конце концов обретает бессмертие, другой избегает побоев, третья видит, как те, кто, ничего не подав, ругал ее и силой гнал прочь, в итоге расстаются со всем своим добром. Можно считать, что Гэн Хуань, не получивший, кстати, должного признания и службы, таким вот образом компенсировал несправедливость окружающего мира хотя бы для своих героев, а заодно и преподнес несколько уроков своим читателям.

Есть в «Е жэнь сянь хуа» и записи разных удивительных случаев:

«В Цзычжоу в десяти с чем-то *ли* от [областного] города есть кумирня Чжан Фэя⁶. В ней стоит глиняная фигура — воин-охранник. Однажды в кумирне провела в молениях ночь молодая женщина, а потом родила девочку. Волосы у нее были как киноварь, а глаза и брови, руки и ноги — ровно как у той статуи. Когда она выросла, ее стали бояться. Все те, кто приезжают служить в Цзычжоу, посещают храм и кричат ей, чтобы показала, некоторые оставляют деньги и шелк. И ныне она там» (Гэн Хуань 2004: 6009).

В сборнике содержится также некоторое количество фрагментов, где фигурируют души умерших, описываются случаи воздаяния, есть тигр-оборотень, но главными остаются разного рода удивительные люди и их волшебные навыки, в первую очередь — последователи даосского учения.

Сборник Гэн Хуаня — редкий, он написан простым, хотя и вполне живым языком и не претендует на особую художественность. Сегодня сохранившаяся часть «Е жэнь сянь хуа» в первую очередь интересна как источник разнообразных рассказов о необычайном, бытовавших в Шу, а также некоторых неофициальных сведений о тех, кто служил этому царству (к примеру, в тексте содержатся сведения о более чем десяти ранне- и позднешуских художниках), и самих шуских правителей.

⁶ Цзычжоу — область, располагавшаяся на территории современной провинции Сычуань. Чжан Фэй 張飛 (?–221) — знаменитый военачальник времен Троецарствия.

Литература

- Гэн Хуань 2004 — *Гэн Хуань* 耿煥. Е жэнь сянь хуа 野人間話 (Досужие речи живущего в глуши) / Чэнь Шан-цзюнь цзисяо 陳尚君輯校 (Собрал и сверил Чэнь Шан-цзюнь) // Удай шишу хуэйбянь 五代史書彙編 (Собрание исторических сочинений эпохи Пяти царств). Т. 10. Ханчжоу: Ханчжоу чубаньшэ, 2004.
- Ли Цзянь-го 1997 — *Ли Цзянь-го* 李劍國. Сундай чжигуай чуаньци сюйлу 宋代志怪傳奇敘錄 (Заметки *сяошо* об удивительном и новеллах *чуаньци* эпохи Сун). Тяньцзинь: Нанькай дасюэ чубаньшэ, 1997.
- Хоу Чжун-и 1990 — *Хоу Чжун-и* 侯忠義. Чжунго вэньянь сяошо шигао 中國文言小說史稿 (Черновая история китайской прозы *сяошо* на классическом языке). Т. 1. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1990.
- Чэнь Чжэнь-сунь 1987 — *Чэнь Чжэнь-сунь* 陳振孫. Чжи чжай шу лу цзе ти 直齋書錄解題 (Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая) / Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа дьяньцзяо 徐小蠻, 顧美華點校 (Критический текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1987.

References

- Chen Zhen-sun 陳振孫. *Zhi zhai shu lu jie ti* 直齋書錄解題 [Annotated Bibliography of Books from Zhi-zhai Office]. Xu Xiao-man, Gu Mei-hua dianjiao 徐小蠻, 顧美華點校 [Ed. by Xu Xiao-man and Gu Mei-hua]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1987 (in Chinese).
- Geng Huan 耿煥. “Ye ren xian hua” 野人間話 [Idle Speeches of One Living in the Wilderness]. Chen Shang-jun jixiao 陳尚君輯校 [Ed. by Chen Shang-jun]. In: *Wudai shishu huibian* 五代史書彙編 [The Collection of Historical Writings of the Era of the Five Kingdoms]. Vol. 19. Hangzhou: Hangzhou chubanshe, 2004 (in Chinese).
- Hou Zhong-yi 侯忠義. *Zhongguo wenyan xiaoshuo shigao* 中國文言小說史稿 [A Draft History of Chinese Xiaoshuo Prose in the Classical Language]. Vol. 1. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1990 (in Chinese).
- Li Jian-guo 李劍國. *Songdai zhiguai chuanqi xulu* 宋代志怪傳奇敘錄 [*Xiaoshuo* Notes about the Supernatural and *Chuanqi* Novels of the Song Age]. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 1997 (in Chinese).

Notes on the *Xiaoshuo* Genre: *Ye Ren Xian Hua*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 13–17)

Received 28.07.2019.

Igor A. Alimov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS;
Universitetskaya naberezhnaya 3, St. Petersburg, 190034 Russia Federation.

The article is a part of a large ongoing study under the general title “A Concise History of the 1–13th Century Chinese *Xiaoshuo* Prose”. It is devoted to the *xiaoshuo* collection named “Idle Speeches of One Living in the Wilderness” by Geng Huan. This is a collection of various stories about the supernatural that existed in Shu (now Sichuan), as well as some unofficial information about those who served this kingdom and the Shu rulers themselves. The article considers the history of creation of the text, analyzes its composition, examines the issue of popularity of *Ye Ren Xian Hua*.

Key words: China, Chinese literature, Chinese *Xiaoshuo* prose, textology, *Ye Ren Xian Hua*.

About the author:

Igor A. Alimov, Dr. Sci. (History), Head of South and South-East Department of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Igor.Alimov@kunstkamera.ru).

Истоки, проблемы и задачи российского академического исламоведения¹

С.М. Прозоров

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040034

В статье рассматриваются следующие вопросы: коллекция арабографических рукописей Азиатского Музея Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге как основа для зарождения и дальнейшего развития академического исламоведения в России. «Вестернизация» и «христианизация» исламской лексики на русском языке. Важные вехи в истории российского академического исламоведения: первые переводы Корана на русский язык с языка оригинала (Д.Н. Богуславский, Г.С. Саблуков); первые в России фундаментальные Арабская хрестоматия и арабско-русский «Словарь к Арабской хрестоматии и Корану» (В.Ф. Гиргас и барон В.Р. Розен); исследования лексики Корана (К.С. Кашталёва), исламоведческие труды акад. В.В. Бартольда; учреждение в Петроградском университете специализированной Кафедры исламоведения (ноябрь 1918 г.). Целенаправленная и последовательная линия на создание российской школы академического исламоведения. Комплексная программа по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов. Отсутствие унификации понятийного аппарата, препятствующее повышению уровня профессиональных знаний об исламе в российском обществе как одна из хронических проблем и одновременно слабостей российского академического востоковедения. Коранистика, включая мусульманскую экзегетику и переводы Корана на русский язык, — важнейшая дисциплина академического исламоведения. Стратегические задачи академического исламоведения: коллективная подготовка «базового» перевода Корана на русский язык; объединение усилий руководства академических и образовательных институтов для создания специальных кафедр исламоведения в специализированных вузах; создание академического многопрофильного федерального Института исламоведения.

Ключевые слова: Азиатский Музей, академическое исламоведение, «базовый» перевод Корана, институт исламоведения, ислам, исламоведческое образование, кафедра исламоведения, Коран, переводы Корана на русский язык, подготовка профессиональных исламоведов, толкование Корана, унификация понятийного аппарата ислама и академического исламоведения.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019.

Прозоров Станислав Михайлович, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель научного направления ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (s_prozorov@mail.ru).

© Прозоров С.М., 2019

¹ В основе статьи лежит доклад с этим же названием, озвученный на международном семинаре «Академическое исламоведение в Российской Федерации: проблемы и перспективы», состоявшемся 27 июня 2019 г. в ИВР РАН. Информация о семинаре размещена на официальном сайте ИВР РАН.

Учитывая геополитическое положение Российской империи и этноконфессиональный состав ее населения, представляется закономерным, что именно в имперской столице, в Санкт-Петербурге, в рамках Императорской Академии наук в ноябре 1818 г. было основано первое в России специализированное учреждение — Азиатский Музей, в задачи которого входили сбор, хранение и комплексное исследование «азиатских» артефактов, в том числе рукописей на восточных языках, разными путями поступавших в столицу по мере расширения границ Российской империи на восток. Основание Азиатского Музея свидетельствовало о возрастающем стратегическом интересе России к южным и восточным территориям и населяющим их народам и этносам, символически выраженном в двуглавом орле на гербе Российской империи. Символично также, что формальным поводом к созданию Азиатского Музея в качестве структурного подразделения Императорской Академии наук послужило приобретение имперским правительством частной коллекции арабграфических рукописей в 1818 и 1825 гг. (500+200 единиц). Эта коллекция послужила толчком к зарождению и последующему становлению российского академического востоковедения, в том числе и исламоведения, как самостоятельной научной дисциплины.

Естественно, что представители академического востоковедения обратились к письменному наследию мусульман как богатому и оригинальному источнику информации о пророке Мухаммаде, ниспосланном ему Священном Писании (Коране) и своде мусульманских преданий (*хадисов*) о нем. Объективная трудность в освоении арабграфического письменного наследия мусульман и адекватной передаче исламской лексики академическим языком другой культуры была связана с невлadением понятийным аппаратом ислама, отсутствием специальных арабско-русских словарей и устоявшихся традиций российского академического востоковедения. Этим и объясняется тот факт, что первые переводы оригинальных источников, в том числе Корана, на русский язык были сделаны с переводов их на европейские языки, и как следствие этого в российском востоковедении укоренилась произвольная и неадекватная лексика, связанная с мусульманской тематикой. Первые переводы Корана на русский язык с языка оригинала были сделаны в России профессиональными востоковедами только в последней четверти XIX в., при этом в русской лексике на темы ислама явно прослеживаются следы ее «вестернизации» и «христианизации» (Прозоров 2004: 398–402; 2008: 73–76; 2016: 46–49)².

Первыми в России переводчиками Корана на русский язык с языка оригинала были Д.Н. Богуславский и Г.С. Саблуков.

Дмитрий Николаевич Богуславский (1826–1893) — титулованный и прославленный генерал, кадровый военный-востоковед, основательно владевший арабским языком, первый пристав при Шамиле. Будучи переводчиком Российской миссии в Константинополе, он первым в Российской империи подготовил (завершил в 1871 г.) полный перевод Корана с оригинала на русский язык, который, однако, несмотря на весьма положительную оценку, данную ему бароном В.Р. Розеном, остался в рукописи (вероятно, потому, что в 1878 г. вышел из печати перевод Корана, выполненный также с оригинала известным арабистом Казанской духовной академии Г.С. Саблуковым). Очень точную и сущностную оценку перевода Д.Н. Богуславского дал акад. И.Ю. Крачковский, отметив, что «безукоризненным перевод Богуславского назвать нельзя», однако «свою основную цель — дать представление о понимании Корана

² Разные аспекты этой проблемы рассмотрены также в других моих публикациях.

в мусульманских кругах поздних эпох — он достигает вполне» (Крачковский 1945: 293–301). Позже он напишет, что это «труд, который дает полное право этому генералу на место в истории нашей арабистики» (Там же: 300; Крачковский 1950: 135–136; 1955: 121). Только спустя 124 года (в 1995 г.) состоялась первая публикация перевода Д.Н. Богуславского — это было эксклюзивное («подарочное») издание тиражом всего 100 экз. (издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва, и издательский центр «Петербургское Востоковедение», СПб.). Второе, «публичное» издание (в «карманном» формате) появилось в Стамбуле в 2001 г. и впоследствии переиздавалось еще пять раз (2004, 2005, 2007, 2012, 2013).

Гордий Семенович Саблуков (1804–1880) — питомец Московской духовной академии, известный арабист Казанской духовной академии, автор самого популярного среди российских мусульман перевода Корана на русский язык, выдержавшего многочисленные издания вплоть до наших дней. Этот перевод, опубликованный впервые в 1878 г., когда его автору было уже 74 года, явился плодом нескольких десятилетий изучения Корана на основе, как отметил в свое время акад. И.Ю. Крачковский, «поздней мусульманской традиции». По его мнению, «за семьдесят лет перевод Г.С. Саблукова, конечно, значительно устарел, его основная установка на понимание текста согласно поздней мусульманской традиции едва ли правильна...». Вместе с тем И.Ю. Крачковский считал «полезными» и другие работы Г.С. Саблукова, связанные с изучением Корана, в частности «Приложения к переводу Корана» (1879, 1898) и «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения» (посмертное издание 1884 г.) (Крачковский 1950: 181–184).

Крупнейшими представителями российской школы академического исламоведения последней четверти XIX — первой половины XX в. были: арабист, «основатель новой школы русского дореволюционного востоковедения» (по определению акад. И.Ю. Крачковского) барон В.Р. Розен (1849–1908), его ученики В.В. Бартольд (1869–1930) и А.Э. Шмидт (1871–1939), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Е.Э. Бертельс (1890–1957), И.П. Петрушевский (1898–1977), ученик И.Ю. Крачковского В.И. Беляев (1902–1976) (Винников, Долинина 1972: 3–14)³. Исламоведческие исследования ведущих представителей этой школы и ее последователей отличала опора на контекстно-исторический и историко-филологический подходы к материалам оригинальных арабографических источников.

Начало отечественному академическому исламоведению положили «первый арабист из русских», «основатель новой школы нашей арабистики» (Крачковский 1950: 136, 138) Владимир Федорович Гиргас (1835–1887) и его ученик и друг, профессор Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ныне Восточный факультет СПбГУ) барон Виктор Романович Розен, совместно составившие и опубликовавшие в 1876 г. в Санкт-Петербурге фундаментальную, первую в России «Арабскую хрестоматию», — она приобрела и европейскую известность (Крачковский 1928: 63–90).

Важной вехой в становлении отечественного академического исламоведения стали подготовка и издание специального словаря к этой хрестоматии — «Словаря к Арабской хрестоматии и Корану» В.Ф. Гиргаса (Гиргас 1881), который по праву занял особое место в истории отечественной арабистики и исламоведения. Это — первый

³ Проф. Виктор Иванович Беляев — блестящий знаток арабских рукописей, долгие годы преподававший на Факультете восточных языков / Восточном факультете ЛГУ, составитель «Хрестоматии по истории раннего ислама» (неопубликованный материал) и «Библиографии исламоведческих работ» (1931).

и до сих пор остающийся единственным арабско-русский словарь, составленный на основе классических арабских текстов, прежде всего Корана и мусульманских преданий (*хадисов*) — двух главных источников исламского вероучения и права. Словарь открыл отечественным арабистам доступ к оригинальным арабским текстам, в которых нашли отражение разные стороны духовной жизни и быта мусульманского общества. Образный русский язык «Словаря», его самобытная лексика способствовали более глубокому и конкретному восприятию духовного наследия и культуры в целом арабо-мусульманского мира. К достоинствам «Словаря» относится также то, что в его статьях нередко приводятся антонимы и синонимы, даются переводы целых фраз и *айатов*. Изданный единожды в 1881 г., этот уникальный «Словарь» послужил многим поколениям отечественных арабистов, в том числе исламоведов, но практически сразу же после публикации стал библиографической редкостью⁴.

Следующим шагом в развитии российского академического исламоведения стало учреждение по инициативе Александра Эдуардовича Шмидта (1871–1939) первой не только в России, но и в Европе Кафедры исламоведения на Факультете восточных языков Петроградского университета. В своих воспоминаниях о бароне В.Р. Розене А.Э. Шмидт писал: «Исламоведение в то время не было представлено на факультете восточных языков отдельной кафедрой, но об открытии таковой в будущем В(иктор) Р(оманович) уже тогда подумывал и хлопотал». В ноябре 1918 г. А.Э. Шмидт составил записку с обоснованием необходимости создания специализированной Кафедры исламоведения в Петроградском университете, и 22 ноября 1918 г. на заседании Совета Петроградского университета было принято единогласное решение об учреждении этой кафедры на Факультете восточных языков (Беккин 2018: 235–247). И хотя эта кафедра просуществовала лишь несколько лет и была ликвидирована в ходе создания Факультета общественных наук, тем не менее ее учреждение в условиях смены государственной идеологии стало знаковым явлением и ориентиром в истории отечественного исламоведения.

В деятельности барона В.Р. Розена и А.Э. Шмидта прослеживается целенаправленная и последовательная линия на создание российской школы академического исламоведения. Учитывая смену государственной идеологии, год существования советской власти, бурные политические события в стране, следует признать их действия подвижническими и стратегически верными. В ноябре 2018 г. исполнилось сто лет с момента основания Кафедры исламоведения, но, к сожалению, это важное в истории отечественного исламоведения событие не было официально отмечено на Восточном факультете СПбГУ. Оно было озвучено на Ученом совете ИВР РАН и на заседании Круглого стола «Ислам на территории бывшей Российской империи», проходившего в ИВР РАН в рамках Международного форума «Россия и Восток. К 200-летию российского академического востоковедения», посвященного юбилею Азиатского Музея.

⁴ Только в 2006 г. «Словарь» В.Ф. Гиргаса был переиздан под названием «Арабско-русский словарь к Корану и хадисам» (подготовили С.М. Прозоров и М.Г. Романов) (Гиргас 2006). В Предисловии к переизданию оговорена внесенная в текст корректура: заполнены лакуны, учтены и исправлены опечатки, указанные самим В.Ф. Гиргасом; дополнительно выявлены и исправлены опечатки и дефекты печати, вызванные несовершенством типографского шрифта и набора; имена собственные, названия сочинений, племен, религиозных течений, топонимы и этнонимы приведены в соответствие с современными требованиями научной транслитерации и современного русского языка и т.д.

СЛОВАРЬ
КЪ
АРАБСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ
И
КОРАНУ.

СОСТАВИЛЪ

Проф. В. Гиргасъ.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1881.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Приступая къ составленію словаря къ Арабской Хрестоматіи, изданной мною вмѣстѣ съ Барономъ В. Р. Розеномъ, я рѣшилъ включить также въ него всѣ слова, встрѣчающіяся въ Коранѣ, изученіе котораго необходимо для арабистовъ. Хотя это увеличило объемъ словаря, но за то, надѣюсь, избавитъ студентовъ на первое время отъ нужды въ другихъ словаряхъ. Чтобы нагляднѣе представить происхожденіе словъ, я помѣстилъ всѣ корни, отъ которыхъ происходятъ встрѣчающіяся въ Хрестоматіи и Коранѣ производныя слова.

Несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ избѣжать неизбежныхъ въ трудахъ подобнаго рода опечатокъ. Важнѣйшія изъ нихъ отмѣчены мною особо; но кромѣ нихъ попадаются опечатки, происшедшія отъ несовершенства арабскаго шрифта, въ которомъ различительныя точки легко отскакиваютъ при печатаніи. Эти опечатки легко могутъ быть исправлены при сравненіи подобныхъ словъ съ другими тогоже корня.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую признательность моему товарищу Барону *В. Р. Розену* за ту любезную готовность, съ которой онъ принялъ на себя просмотръ корректурныхъ листовъ, и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ появленію этого словаря въ болѣе совершенномъ видѣ.

Проф. В. Гиргасъ.

По опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ
печатать разрѣшается.

Деканъ В. Васильевъ
22 ноября 1878 года
С.-Петербургъ

Молодое российское академическое исламоведение, не имевшее научных традиций в передаче на русский язык исламской лексики, унаследовало и методологию, и соответствующую терминологию от западных ориенталистов. Отечественное исламоведение еще не до конца освободилось от этого «наследия» и по сей день.

В первые годы советской власти (после учреждения Кафедры исламоведения) появились научно-популярные издания Василия Владимировича Бартольда «Ислам», «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир», «которые много дали и для специалистов и подтолкнули и самого В.В. Бартольда к исламоведческим исследованиям, основанным на тех же источниках, которыми располагали западные ученые, но тем не менее ему удалось показать новые детали, не замеченные ранее западными учеными, давшие основание для построения очень сложного в истории Аравии периода» (Крачковский 1950: 224–225).

Неожиданный для самого автора интерес в российском обществе к этим публикациям по исламу стимулировал его к академическому исследованию истории ислама на основе детальной проработки доступных источников и критического анализа трудов западных ученых. В результате было подготовлено и издано около трех десятков статей и рецензий, посвященных разным аспектам ранней истории ислама. Так, в статье «Мусейлима» В.В. Бартольд реконструирует события важного периода в истории раннего ислама — «отпадение» арабских племен от ислама после смерти пророка Мухаммада (Бартольд 1966: 549–574; Крачковский 1934: 5–18).

Московская арабистка Ксения Савельевна Кашталёва (ум. 15 июля 1939 г.), трагически рано ушедшая, но оставившая образцы глубокого и изящного исследования коранической лексики, успела подготовить и издать 6 законченных эссе о терминологии и хронологии Корана: «О терминах *анба* и *аслама* в Коране» (1926), «К вопросу о хронологии 8-ой, 24-ой и 47-ой сур Корана» (1927), «К переводу 77-го и 78-го стиха 22-й суры Корана» (1927), «О термине *шахида* в Коране» (1927), «О термине *ханиф* в Коране» (1928), «Терминология Корана в новом освещении» (1928). Акад. И.Ю. Крачковский высоко оценил «этюды» рано умершей и не завершившей их арабистики по терминологии Корана: она «внесла много нового не только в смысле реальных результатов, но и обоснования нового приема в изучение коранического языка и стиля». Рассматривая Коран как исторический источник, К.С. Кашталёва «применила к его изучению оригинальный терминологический метод и на ряде этюдов показала значение нового подхода для внутренней истории памятника и фиксации хронологического порядка его частей» (Крачковский 1950: 221–222, 229, 241, 275; Кашталёва 1930: 243–270).

Первостепенной задачей российского академического исламоведения является предоставление российскому обществу непредвзятой и достоверной информации об исламе, при этом лексика пишущего и/или рассуждающего об исламе должна адекватно восприниматься пользователями — читателями и слушателями. Однако приходится констатировать, что одна из хронических проблем и одновременно слабостей российского академического исламоведения — отсутствие унификации его понятийного аппарата, препятствующее повышению уровня профессиональных знаний об исламе прежде всего в среде ученых-гуманитариев, да и в российском обществе в целом. Перманентная полемика внутри мусульманского сообщества, субъективные претензии на «правоверность», многообразие региональных форм бытования ислама и истолкования его догматов и предписаний и другие внешние и внутренние факторы предопределили разноречивой и неадекватностью исламской лексики на русском языке.

На протяжении всей истории ислама мусульманские ученые, последователи разных богословско-правовых школ, пытались в устных диспутах (*маджлис/маджалис, муназара*) и в полемических сочинениях доказать «правоверность» своего учения, своей школы, обвиняя при этом своих оппонентов в «заблуждении», «неверии в единого Бога», «безбожии» и т.д. Полемическая литература стала одним из самых распространенных жанров арабографической словесности. При этом полемика была направлена на «опровержение» учений не столько других религий (иудаизма, зороастризма, христианства), сколько богословско-правовых школ и общин внутри исламского сообщества. Все без исключения исламские богословско-правовые школы и общины черпали свои аргументы из основных источников вероучения и права — Корана и Сунны. Но поскольку сами эти источники содержали в себе неясности и неопределенности, а их интерпретация носила неизбежно субъективный характер, то разногласия внутри мусульманского сообщества стали характерной чертой бытования и истолкования ислама. Обоснование этому мусульманские ученые нашли в приписываемом Мухаммаду предсказании (*хадисе*), согласно которому его община распадется на 73 общины (*милал, фирак*), одна из них спасется (попадет в рай), а остальные погибнут (попадут в ад). По другой версии — 72 спасутся, а одна погибнет.

Констатируя эти перманентные разногласия в истории ислама и претензии последователей многочисленных школ на «правоверность», западные, а вслед за ними и российские исследователи мусульманского Востока также пытались определить «правоверные», или «ортодоксальные» школы, относя другие к категории «еретических», «раскольников» и т.д. В арабском языке нет терминов «правоверие»/«правоверный», «ортодоксия»/«ортодоксальный», допускающих, что есть мусульмане «неправоверные», «неортодоксальные». Ни у мусульманских ученых-богословов, ни у светских исламоведов нет объективных критериев для определения понятия «правоверие» и отнесения той или иной школы к категории «правоверных». Взаимные обвинения в «неверии» последователей разных богословско-правовых школ ислама были и остаются полемическим приемом и штампом. Здесь уместно привести слова известного мусульманского мыслителя аш-Шахрастани (ум. в 548/1153 г.): «Кто слепо привержен своему *мазхабу*, тот обвиняет в неверии других».

При всем многообразии региональных форм бытования ислама и истолкования его догматов и предписаний, порожденном спецификой этой религии, следует признать равноправие, равноценность всех исламских школ и общин, проповедующих основополагающие догматы и предписания «нормативного» ислама и не преступающих «красной» черты путем отрицания общих принципов ислама или насильственного навязывания своей модели их истолкования.

С 80-х годов XX в. начался новый, важный этап в истории академического исламоведения в России: впервые (с «позволения» высших органов советской власти) была разработана комплексная программа по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов. В рамках этой программы были подготовлены и изданы: энциклопедические словари «Ислам» (1991) и «Ислам на территории бывшей Российской империи» (Т. I, 2006; Т. II, 2018), монографии «Коран и его толкования (Тексты, переводы, комментарии)» (2000), «Исторические предания Корана. Слово и образ» (2005), «Ислам как идеологическая система» (Т. I, 2004; Т. II, 2016), сборники исламоведческих статей «Ислам. Религия, общество, государство» (1984) и «Ислам. Историкографические очерки» (1991), исследования и переводы на русский язык оригинальных арабографических источников по исламу, «Хрестоматия по исламу» (1994)

(Хрестоматия 1994)⁵, авторские программы курса лекций «Введение в исламоведение» (для студентов-бакалавров, 2009) и «Ислам как идеологическая система» (для магистрантов), программы стажировки, аспирантуры и кандидатских экзаменов.

Одна из актуальнейших задач российского академического исламоведения — способствование созданию кафедр исламоведения на специализированных факультетах светских вузов. В первую очередь необходимо возродить такую кафедру на Восточном факультете СПбГУ, где 100 лет назад благодаря настойчивости и усилиям проф. А.Э. Шмидта была учреждена первая в России и в Европе кафедра исламоведения. Дело это очень важное, но хлопотное, прежнее руководство Восточного факультета СПбГУ под разными объективными и субъективными предлогами не брало на себя ответственность за решение этой проблемы. Однако при наличии упомянутых выше академических публикаций (энциклопедий, монографических исследований, пособий, специальных программ лекционных курсов) эта задача не представляется неразрешимой. Для реального функционирования такой кафедры для начала хватило бы трех специалистов: ислаоведа-арабиста, ислаоведа-ираниста и ислаоведа-тюрколога/османиста. Такая кафедра могла бы не только обслуживать ближневосточные кафедры Восточного факультета, но и заниматься подготовкой исламоведов (в том числе через стажировку и аспирантуру) для других гуманитарных вузов.

С учетом этноконфессионального состава населения Российского государства и его исторического соседства со странами мусульманского Востока представляется парадоксальным и неоправданным отсутствие в России государственной программы системного исламоведческого образования и подготовки профессиональных исламоведов, потребность в которых во всех сферах общественной жизни, особенно в среде гуманитариев, очевидна и перманентна. Это осознавали еще стоявшие у истоков российского академического исламоведения вышеупомянутые барон В.Р. Розен и А.Э. Шмидт.

Особая роль в просвещении российского общества и повышении профессионального уровня преподавателей и выпускников исламских и светских образовательных гуманитарных учреждений предопределена, на мой взгляд, методологическим подходом к изучению российского ислама, раскрывающим многообразие форм его бытования и исключаящим как прозелитизм, идеализацию, так и предвзятость, исламофобию. Содержащийся в энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи» богатый и разнообразный материал позволяет на его основе подготовить тематические спецкурсы лекций (например, культовые места, суфизм, богословско-правовые школы и т.д.) как в масштабе всей страны, так и в отдельных ее регионах. Позитивным фактором в отношении к материалам Словаря может стать состав авторов: больше половины из них — мусульмане.

⁵ В начале 1980-х годов в нашем Институте по моей инициативе была официально организована межсекторальная Группа исламоведения, члены которой в рамках разработанной комплексной программы по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов по специальности «Историография и источниковедение раннего и средневекового ислама» занимались изданием первых в истории страны энциклопедических словарей по исламу, переводами и исследованиями рукописного наследия народов мусульманского Востока. Тогда же был учрежден регулярно действовавший под моим руководством «Исламоведческий семинар», на котором аспиранты и молодые сотрудники Арабского кабинета обсуждали подготовленные ими переводы оригинальных арабо-исламских текстов разного жанра, тематики и дисциплины и комментарии к ним. Отредактированные материалы заседаний Семинара и легли в основу «Хрестоматии по исламу» в виде Введения и 6 разделов, отражающих основные жанры и дисциплины академического исламоведения: агиография, коранистика, мусульманское предание (*хадисы*), догматика, суфизм, мусульманское право (*ал-фиqh*).

Путь к повышению уровня профессиональных знаний об исламе, прежде всего в среде ученых-гуманитариев, работающих с материалами мусульманского культурного пространства, а также в среде образованной части российского общества, — унификация понятийного аппарата ислама и академического исламоведения. В последние десятилетия тема «ислам» стала настолько актуальной и востребованной в России, что только ленивый не пытается «прославиться» на поприще «научного» исламоведения — будь то в интернете, в СМИ или в книжных изданиях. Но если в интернет, как в мусорную корзину, можно безнаказанно вбросить любую писанину (от элементарно безграмотной до аморальной и социально вредной), а отношение в обществе к суждениям конъюнктурных политологов и публицистов, выступающих в радио- и телепередачах, подобно отношению к одноразовой посуде, то к авторам и издателям книжной продукции («Что написано пером, то не вырубишь топором») об исламе предъявляются особые требования — прежде всего, это профессиональные знания, гражданская ответственность, научная этика. Эти требования обусловлены важной ролью, которую играл и играет ислам во внутренней жизни и внешней политике России.

К сожалению, российский книжный рынок все более наполняется публикациями, подготовленными людьми, не имеющими профессионального востоковедного образования и не стесненными рамками научной этики и элементарной порядочности. В практику вошло не только использование, но и дословное перепечатывание фактического и исследовательского материалов из «анонимных» исламоведческих работ, послуживших новоиспеченным «исламоведам» источником их «вдохновения». «Продвинутые» исламоведы также прибегают к плагиату, но делают это более изощренно: пересказывают (более или менее близко к тексту оригиналов) изданные на русском языке (а кто может — и на западных) исламоведческие исследования или просто переписывают их, вставляя или заменяя в них отдельные слова, а в каком-нибудь малозначащем месте своего «творения» делают (на случай уличения в плагиате?) скромную ссылку на соответствующую монографию или статью, создавая у читателя впечатление, что всё предшествующее изложение (добытый из оригинальных источников материал, сущностные определения, суждения, принципиальные выводы) принадлежит автору предлагаемого труда.

Владение понятийным аппаратом ислама — ключ к адекватному пониманию механизма функционирования этой религиозной системы. Применение к исламу терминов, имеющих в русском языке конкретно-историческое значение (ортодоксия/ортодокс, ортодоксальный, правоверие/правоверный, ересь/еретик, еретический, церковь/храм, институт, секта/учение, организованная группа людей и т.д.), но отсутствующих в арабской лексике, затушевывает специфику этой религии и дает читателю/слушателю, по существу, искаженное представление о ней. Взять, к примеру, широко распространенное в СМИ, особенно среди публицистов и политологов, употребление таких определений, как «исланизм», «ислаμισсты». Попробуйте перевести их на арабский язык, скажем, в разговоре с носителями арабского языка или в письменном тексте, в статье. По-арабски *исламийун* — «последователи»/«приверженцы ислама», т.е. попросту мусульмане. Еще в начале IV/X в. знаменитый арабский доксограф ал-Аш‘ари (ум. в 324/936 г.) назвал свой огромный труд с описанием идейных расхождений в исламе *Макалат ал-исламийин ва ихтилафат ал-мусаллийин* («Учения последователей ислама и расхождения среди молящихся», т.е. «совершающих обязательные молитвы»). Употребление в русском языке этих терминов в значении «экстремисты», «экстремизм» (как делают это доморощенные «исламоведы», а вслед за

ними и конъюнктурные публицисты) абсолютно неверно и вызывающе (иначе получается, что все «последователи ислама» (*исламийун*) — «экстремисты»). Между тем уже в арабо-исламской лексике раннего периода сложилось (и сохраняется до сих пор) понятие «крайние», «придерживающиеся крайних взглядов» — *гулат* (ед.ч. *галий*) в отличие от *исламийун*, т.е. обычных мусульман.

Важнейшей дисциплиной академического исламоведения со времени его зарождения и поныне остается коранистика, включая мусульманскую экзегетику и научный перевод Корана. Вслед за «мусульманской» и «западной» традициями в российском исламоведении сложилась тенденция (в противовес буквальному переводу текста Корана) передавать сокрытые в нем «смыслы». Эту задачу мусульманские авторы решают не только путем внесения в коранический текст дополнений в виде соответствующих определений, но и путем недопустимой подмены текста Корана его расширенным толкованием. В результате такого вмешательства стирается грань между сакральным текстом Священного Писания и его целенаправленной интерпретацией, которая на протяжении веков менялась в зависимости от объективных и субъективных факторов. В мусульманской экзегетике находили отражение новые реалии мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов, региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.

Я разделяю мнение, что при переводе Корана следует в принципе отказаться от употребления арабизмов (и не только арабизмов, — в этом же ряду такие термины, как *намаз*), получивших специальное значение в ходе формирования ислама как идеологической системы. Я убежден, что при переводе Священных текстов следует исходить из исторического контекста, из лексики, которая отражала бы социальное, правовое, религиозное и прочее сознание Мухаммада и его современников. Что касается библейских имен (Моисей, Иисус и др.), то их воспроизведение в христианско-православной традиции представляется некорректным. Во-первых, потому, что коранические образы этих персонажей отличаются от их библейских прототипов, они вобрала в себя иные, аравийские традиции, и ставить между ними абсолютный знак равенства — значит согласиться с утверждением западных востоковедов позапрошлого века, что ислам — это периферийный вариант иудейско-христианского монотеизма. Во-вторых, такой подход противоречит общепринятой традиции передачи пространственных арабских имен Харун, 'Иса, Муса, Ибрахим и т.д. Вместо этого мы должны будем писать Моисей ибн такой-то, Авраам ибн такой-то?!

Что касается определений типа «высокохудожественный перевод Корана», то мы имеем образцы таких «художеств» (лучше бы их не было!). При таком подходе к переводу столь сложного письменного памятника чрезвычайно трудно (если вообще возможно) не впасть в соблазн «красиво» исказить его содержание.

Интерполяции и комментарии, основанные на *тафсирах*, имеют право на существование и по большому счету неизбежны, но при этом пользователи таких «переводов» должны осознавать, что *тафсиры* отражают определенную культурно-языковую среду (персоязычную, тюркоязычную), понимание Корана в конкретном историко-культурном регионе в конкретный исторический период и содержат неизбежные элементы субъективизма (по определению И.Ю. Крачковского, «следуют мусульманской традиции»; ср., например, переводы Д.Н. Богуславского, М.-Н. Османова и др.). В условиях всё возрастающего количества вариантов переводов Корана пользователям всё труднее ориентироваться в выборе «правильного» перевода, что в свою очередь ведет к «нездоровому» соперничеству внутри мусульманского сообщества в России

и «неразберихе» в среде ученых-гуманитариев, особенно работающих с материалами исламского культурного пространства. Полагаю, что в сложившейся ситуации группа профессиональных исламоведов должна взять на себя подготовку «базового» перевода Корана на русский язык, в основу которого должен быть положен контекстно-исторический подход к содержанию Священного Писания мусульман.

Следует указать на отсутствие среди исламоведов единой системы, или алгоритма передачи на русский язык арабо-исламских терминов, понятий, имен, топонимов и т.д. Причиной тому — объективные трудности: в арабском языке три согласных буквы «ха», три «с» и три «з» и только три гласных, отсюда полный разброд, особенно среди представителей гуманитарных наук (политологов, социологов, этнографов, культурологов, историков, религиоведов, философов) и журналистов, пишущих на исламские темы, а также вольная манипуляция такими категориями мусульман, как салафиты, исламисты, фундаменталисты, экстремисты, ортодоксы, правоверные, истинные верующие и т.д.

Потребность в профессиональных исламооведах без преувеличения во всех сферах общественной жизни России очевидна и перманентна. Учитывая специфику истории России, этноконфессиональный состав ее населения и ее геополитическое положение в мире, представляется совершенно необходимым создание академического многопрофильного Института исламоведения, сотрудники которого занимались бы не только исследовательской работой (академическими переводами исламских оригинальных источников, составлением образовательных программ, специальных курсов лекций, учебных пособий и т.д.), но и подготовкой (через стажировку и аспирантуру) профессиональных исламоведов, в том числе из среды молодых мусульман, получивших религиозное образование как в российских исламских университетах, так и в зарубежных исламских центрах. Речь не идет о посягательстве на их вероисповедание, но только о том, чтобы они овладели языком и методологией академического исламоведения, шире смотрели на окружающий их мир и осознавали гражданскую ответственность за свою профессиональную деятельность.

Подводя итог краткого изложения истории и нынешнего состояния российского академического исламоведения и его насущных задач, предлагаю сообществу ученых-исламоведов обсудить следующие мои предложения.

I. В области научно-практической деятельности:

I.1. Федеральный многолетний проект «Глоссарий исламской лексики/терминологии» (концепция, коллектив исполнителей: профессиональные исламоведы, работающие с материалами оригинальных источников).

I.2. Федеральный многолетний проект «„Базовый“ перевод Корана на русский язык» (концепция, методология: контекстно-исторический подход к содержанию Корана, коллектив исполнителей: ученые разной специализации, изучающие период возникновения и формирования Корана).

II. В области научно-организационной деятельности:

II.1. Содействие созданию кафедр исламоведения в специализированных высших учебных заведениях России путем объединения усилий руководства академических и образовательных институтов.

II.2. Содействие созданию в России академического многопрофильного федерального Института исламоведения (обоснование, структура, задачи).

**Приложение:
дополнительная (рекомендуемая) литература по теме.**

- Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи.* Китаб ал-Харадж (Мусульманское налогообложение) / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта, супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступит. ст. и указ. А.А. Хисматулина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 451 с.
- Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.) / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2003. 847 с.
- Бартольд В.В.* Работы по истории ислама и арабского халифата // *Академик В.В. Бартольд.* Сочинения. Т. VI. М.: Наука, 1966.
- Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. I. Общие работы; II. Суфийская терминология; III. Работы, посвященные отдельным суфийским авторам. Т. 3. М.: Изд-во вост. лит., 1965.
- Ислам. Историографические очерки / Под общ. ред. С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 232 с.
- Ислам. Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Ислам. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 312 с.
- Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Том I (2006), 655 с.; Том II (2018), 645 с. М.: Наука, Вост. лит.
- Капиталёва К.С.* К вопросу о хронологии 8-ой, 24-ой и 47-ой сур Корана // ДАН-В. 1927. С. 102–107; К переводу 77-го и 78-го стиха 22-й суры Корана // ДАН-В. 1927. С. 121–124; О терминах *анба* и *аслама* в Коране // ДАН-В. 1926. С. 102–107; О термине *ханиф* в Коране // ДАН-В. 1928. С. 157–162; О термине *шахида* в Коране // ДАН-В. 1927. С. 117–120; Терминология Корана в новом освещении // ДАН-В. 1928. С. 7–12.
- Капиталёва К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник / Записки Коллегии востоковедов, V. Л., 1930. С. 243–270.
- Ал-Муфаддал ал-Джу'фи* (ум. до 183/799 г.): Доказательства Божественного творения и продуманного устройства мира (Китаб ал-адилла 'ала-л-халк ва-т-тадбир) / Факсимиле рукописи, введ. и указ. С.М. Прозорова; Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский Музей). М.: Наука, Вост. лит., 2018. 24+176 с. (Памятники письменности Востока. CLI).
- Ан-Наубахти*, ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты (Фирак аш-ши'а) / Пер. с араб., исслед. и коммент. С.М. Прозорова. М., 1973. 255 с.
- Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций) / Отв. ред. В.И. Беляев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 400 с.
- Пиотровский М.Б.* Исторические предания Корана. Слово и образ. СПб.: Славия, 2005. 159 с.
- Прозоров С.М.* Арабская историческая литература в Иране, Ираке и Средней Азии в VII — середине X в. Шиитская историография. М.: ГРВЛ, 1980. 247 с.
- Резван Е.А.* Коран и его толкования (Тексты, переводы, комментарии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Ал-Фахри*, 'Али б. Мухаммад б. 'Абд Аллах. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер) / Факсимиле рукописи. Издание текста, предисл., краткое изложение содержания и указатели С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Аш-Шахрастани*, Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч. 1. Ислам / Пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 270 с.

Шмидт А.Э. Очерки истории ислама как религии. СПб., 1912.

Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова. Под ред. М.Б. Пиотровского и А.К. Аликберова. М.: Наука, Вост. лит., 2016. 871 с., илл.

Литература

- Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* Мусейлима // *Академик Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966. С. 549–574.
- Беккин 2018 — *Беккин Р.И.* Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) // А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М.: Изд-во «Садра», 2018. С. 235–247.
- Винников, Долинина 1972 — *Винников И.Н., Долинина А.А.* Виктор Иванович Беляев (к семидесятилетию со дня рождения) // Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова. № 374. Серия востоковедческих наук. Востоковедение, I. К 70-летию профессора В.И. Беляева. Л.: Изд-во ЛГУ. 1972. С. 3–14.
- Гиргас 1881 — Словарь къ Арабской хрестоматии и Корану / Составиль Проф. В. Гиргасъ. Казань: Типография Императорскаго университета, 1881.
- Гиргас 2006 — *Гиргас В.Ф.* Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2006.
- Кашталёва 1930 — *Кашталёва К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов, V. Л., 1930. С. 243–270.
- Крачковский 1928 — *Крачковский И.Ю.* В.Ф. Гиргас (К сорокалетию со дня его смерти) // Записки Коллегии востоковедов, III. Вып. I. 1928. С. 63–90.
- Крачковский 1934 — *Крачковский И.Ю.* В.В. Бартольд в истории исламоведения // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1934. С. 5–18.
- Крачковский 1945 — *Крачковский И.Ю.* Перевод Корана Д.Н. Богуславского // Советское востоковедение. 1945. № 3. С. 293–301.
- Крачковский 1950 — *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Крачковский 1955 — *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях (1945) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Прозоров 2004 — *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. Т. I. М.: Наука, Вост. лит., 2004. С. 398–402.
- Прозоров 2008 — *Прозоров С.М.* Методологические подходы к переводу Корана на русский язык // Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Материалы международной научной конференции (Казань, 15–17 мая 2008 г.). Казань: Ин-т истории АН Татарстана, 2008. С. 73–76.
- Прозоров 2016 — *Прозоров С.М.* Научное исламоведение или апология ислама? (Несколько слов об издании комментированного перевода Корана на русском языке) // Ислам как идеологическая система. Т. II. М.: Наука, Вост. лит., 2016. С. 46–49.
- Хрестоматия 1994 — Хрестоматия по исламу / Переводы с арабского, введения и примечания. Сост., отв. ред. и автор «Введения» С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1994.

References

- Bartol'd V.V. "Museylima". In: Akademik V.V. Bartol'd. *Sochineniya. T. VI. Raboty po istorii islama i Arabского khalifata* [Academician V.V. Barthold, The Works. Vol. VI, Works on the History of Islam and the Arab Caliphate]. Moskva: Nauka, GRVL, 1966, pp. 549–574.
- Bekkin R.I. "Kafedra islamovedeniya Petrogradskogo universiteta (Ob odnoy maloizvestnoy stranitse iz biografii A.E. Shmidta)" [The Department of Islamic Studies of Petrograd University (On a

- Little-Known Fact from A.E. Schmidt's Life). In: A.E. Schmidt: *biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannye trudy, bibliografiya* [A.E. Schmidt: His Life, Scholarly Correspondence, Selected Works, Bibliography]. Moskva: Izdatel'stvo "Sadra", 2018, pp. 235–247 (in Russian).
- Vinnikov I.N., Dolinina A.A. "Viktor Ivanovich Beliaev (k semidesiatiletiu so dnia rozhdenia)" [Viktor Ivanovich Beliaev (to His 70th Anniversary)]. In: *Uchionye zapiski LGU imeni A.A. Zhdanova. № 374. Seria vostokovedcheskih nauk. Vostokovedenie, I. K 70-letiiu professor V.I. Beliaeva* [Proceedings of the A.A. Zhdanov Leningrad State University, No. 374. Oriental Studies Series. Oriental Studies I: To the 70th Anniversary of Professor V.I. Beliaev]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1972, pp. 3–14 (in Russian).
- Girgas V.F. *Arabsko-russkiy slovar' k Koranu i hadisam* [An Arabic-Russian Dictionary Covering the Qur'an and the Hadith]. St. Petersburg: Izd-vo "Dilia", 2006 (in Russian).
- Girgas V.F. *Slovar' k Arabskoy khrestomatii i Koranu*. Sostavitel' prof. V. Girgas [A Dictionary for Reading the Arabic Chrestomathy and the Qur'an]. Kazan': Tipografia Imperatorskago universiteta, 1881 (in Russian).
- Kashaliyova K.C. "Podrazhania Koranu' Pushkina i ih pervoistochnik" [Pushkin's "Qur'anic Imitations" and the Source that Inspired Them]. *Zapiski Kollegii vostokovedov, V.* [Proceedings of the Collegium of Orientalists, V]. Leningrad, 1930, pp. 243–270 (in Russian).
- Krakhovskiy I.Iu. "V.F. Girgas (K sorokoletiu so dnia ego smerti)" [V.F. Girgas (to the 40th Anniversary of His Death)]. *Zapiski Kollegii vostokovedov, III. Vyp. I* [Proceedings of the Collegium of Orientalists, III, Issue I]. 1928, pp. 63–90 (in Russian).
- Krakhovskiy I.Iu. "V.V. Bartol'd v istorii islamovedeniia" [V.V. Barthold in the History of Islamic Studies]. *Izvestia Akademii nauk SSSR. Otdelenie obschestvennykh nauk* [The News of the Academy of Sciences of the USSR. The Department of Social Sciences]. Moskva, 1934, pp. 5–18 (in Russian).
- Krakhovskiy I.Iu. "Perevod Korana D.N. Boguslavskogo" [D.N. Boguslavsky's Translation of the Qur'an]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. 1945, № 3, pp. 293–301 (in Russian).
- Krakhovskiy I.Iu. *Ocherki po istorii russkoy arabistiki* [Essays on the History of Arabic Studies in Russia]. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950 (in Russian).
- Krakhovskiy I.Iu. "Nad arabskimi rukopisiami. Listki vospominaniy o knigah i liudiah" (1945) [Porning over Arab Manuscripts: Pages of Reminiscences about Books and People]. In: Krakhovskiy I.Iu. *Izbrannye sochineniia. T. I* [Selected Works, Vol. I]. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955 (in Russian).
- Prozorov S.M. *Islam kak ideologicheskaya sistema. T. I* [Islam as an Ideological System, Vol. I]. Moskva: Nauka, Vost. lit., 2004, pp. 398–402 (in Russian).
- Prozorov S.M. "Metodologicheskii podhod k perevodu Korana na russkiy iazyk" [A Methodological Approach to Translating the Qur'an into Russian]. In: *Shigabutdin Mardjani: nasledie i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kazan', 15–17 maia 2008 g.)* [Shihab al-Din Marjani: Heritage and Modernity. Materials of the International Scholarly Conference (Kazan, May 15–17, 2008)]. Kazan', 2008, pp. 73–76 (in Russian).
- Prozorov S.M. "Nauchnoe islamovedenie ili apologiia islama? (neskol'ko slov ob izdanii kommentirovannogo perevoda Korana na russkiy iazyk)" [The Science of Islamic Studies or an Apology of Islam? (A Few Words on the Publication of a Commented Russian Translation of the Qur'an)]. In: *Islam kak ideologicheskaya sistema. T. II* [Islam as an Ideological System, Vol. II]. Moskva: Nauka, Vost. lit., 2016. S. 46–49 (in Russian).
- Prozorov S.M. *Khrestomatia po islamu. Perevody s arabskogo, vvedeniia i primechaniia*. Sostavitel', otv. redaktor i avtor "Vvedeniia" S.M. Prozorov [A Chrestomathy for Islamic Studies. Translated from Arabic, introduced and supplied with notes. Compiled, edited and prefaced by S.M. Prozorov]. Moskva: Nauka, Izd. firma Vost. lit., 1994 (in Russian).

The Origins, Problems and Tasks of Russian Academic Islamic Studies

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 18–33)

Received 22.10.2019.

Stanislav M. Prozorov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The paper discusses the following issues: the collection of Arabic-script manuscripts of the Asiatic Museum of Imperial Academy of Sciences (St. Petersburg) as a base for the emergence and subsequent development of Academic Islamic studies in Russia. The “Westernization” and “christianization” of Islamic vocabulary in Russia. The important events in the history of Russian Academic Islamic Studies: the first translations of the Qur’an into Russian from the original (D.N. Boguslavsky, G.S. Sablukov); the first Russian, fundamental “Arabic Anthology” and the Arabic-Russian “Dictionary for Reading the “Arabic Chrestomathy and the Qur’an”; the researches of Qur’anic vocabulary (K.S. Kashtaleva), Islamic studies of academician V.V. Barthold; the creation of the Chair of Islamic Studies in Petrograd University (November 1918). The purposeful and consistent course of action aimed at the creation of Russian school of Academic Islamic studies. The complex program of study of Islam and preparation of professional Islamologists. One of the chronic problems and, at the same time, weakness of Russian Academic Islamic studies is the absence of unification of the basic Islamic vocabulary, hindering the advance of professional knowledge about Islam in Russian society. The most important discipline of the Academic Islamic Studies remains until now Qur’anica, including Islamic exegesis and translations of the Qur’an into Russian. The strategic tasks of Academic Islamic Studies are: collective preparation of the “basic” translation of the Qur’an into Russian; joint efforts of leaders of the academic and educational institutes for the creation of special chairs of Islamic Studies; the creation of an Academic Multidiscipline Federal Institute of Islamic Studies.

Key words: Academic Islamic Studies, Asiatic Museum, “Basic” Translation of the Qur’an, Chair of Islamic Studies, Comment of the Qur’an, Institute of Islamic Studies, Islam, Islamological Education, preparation of professional Islamologists, translations of the Qur’an into Russian, unification of basic Islamic vocabulary (terms).

About the author:

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Chief of the Scientific Direction IOM RAS (s_prozorov@mail.ru).

Значение и символика берберских татуировок Магриба

А.В. Степанова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.7868/S1811806219040046

Традиция нанесения татуировок играет важную роль в культуре берберов стран дальнего Магриба. Несмотря на запрет татуировок в Коране, в исламских обществах Северной Африки сильны черты атавистического анимизма, вера в сакральное значение символов и могущество *бараки* — энергии, присущей живым и неживым объектам. Татуировка, ее ингредиенты, иглы, символы — всё это, в глазах берберов, способно повлиять на жизнь людей, защитить их от дурного глаза, превратностей судьбы и злых духов (джиннов). Традиция нанесения татуировок — это часть женского социального пространства, посредством этой практики передаются мудрость и опыт поколений. Статья представляет краткое исследование основных символов, техник и значений берберских татуировок.

Ключевые слова: татуировки, Магриб, Северная Африка, берберы, символы.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019.

Степанова Анастасия Владимировна, преподаватель НИУ ВШЭ, РФ; 190068 г. Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, 123 (Nastia.7373@mail.ru astepanova@hse.ru).

© Степанова А.В., 2019

Татуировки — это особые знаковые системы, зародившиеся в первобытном обществе еще до появления первых письменностей. Их обозначают термином *oucham* («отмечать»)¹. Они до сих пор играют важную роль в некоторых регионах мира, в том числе в Магрибе. Эти узоры использовались как амулеты, символизировали статус их обладателя, подчеркивали его религиозную принадлежность и даже являлись формой наказания. Татуировки были призваны обеспечить защиту и являлись украшением женщин дальнего Магриба (Jereb 1996; Lecestre-Rollier 2014; Westermarck 1926). Многие арабские культуры сохранили веру в магическую силу татуировок. Эстетический аспект узоров на коже вызывает также интерес антропологов. У кочевых и полукочевых берберских племен практика нанесения татуировок исчисляется тысячелетиями.

¹ Здесь и ниже слова, транслитерированные латиницей, относятся к марокканскому диалекту арабского языка, за исключением специально оговоренных случаев.

Традиционные формы татуировок в Северной Африке ассоциируются с коренными жителями — берберами, или амазигами. Амазиги — мусульмане, тем не менее в исламской культуре Западного Магриба сохраняются сильные элементы атавистического анимизма, вера в то, что сверхъестественная энергия — *барака* — присутствует везде. Берберские татуировки несут в себе энергию *бараки*, которая противостоит темным силам.

Несмотря на запрет татуировок в Коране, эта традиция столетиями сохранялась в исламских обществах Северной Африки. Марокканские женщины считают татуировки законными. Хадисы утверждают, что *ghemaza* (татуировка между бровями) и *siyala* (татуировка на подбородке) являются традиционными. Зафиксировано, что татуировки были распространены еще во времена пророка Мухаммада. Все женщины имели татуировки, в частности у Лаллы Фатимы Захры, дочери пророка Мухаммада, была *siyala* (Herber 1921: 69–73). Считалось, что мотивы «пальмовых деревьев» (*nakhla*), часто в форме *siyala*, способствуют фертильности. Происхождение символа иногда связывается с древней карфагенской богиней Тиннит, которая отождествляется с богиней Астартой, а в римском Карфагене ей поклонялись в качестве Юноны Келестис — местной ипостаси римской богини Юноны (Herber 1949: 333–346).

Берберские женщины, как центр племени, хранители чести и репутации семьи, находятся в своей «замкнутой социальной вселенной», которая определяет их значение и статус в обществе. Они ответственны за все магические практики, защищающие членов племени, жизнь их детей.

В племенах амазигов женщины обязаны выполнять все задачи, связанные с защитой «того, что растет», что «зеленое и хрупкое», следить за развитием детей и животных. При этом, однако, считается, что женщины чрезвычайно подвержены проискам злых духов, которые могут украсть жизнь их детей и души их мужей. Согласно убеждениям берберов, марокканские женщины наиболее восприимчивы к влиянию джиннов (Searight 1984).

Джиннов можно контролировать с помощью защитных татуировок, нанесенных на кожу. Джинны не любят острые предметы. Вестермарк отмечает, что железные кинжалы, иглы, мечи часто используются на свадьбах и церемониях для защиты от джиннов. Железо отгоняет злобных существ благодаря его символической ассоциации с кузнецом — повелителем огня (Westermarck 1926: 36–40).

Берберы убеждены, что определенные мотивы в оформлении татуировок, такие как кресты и другие узоры с заостренными элементами, являются магическими и защищают от сглаза. Вестермарк писал, что берберские женщины во многих регионах Магриба носили маленькие крестики, вытатуированные на кончике носа и на лице. Он, однако, полагает, что крестообразные элементы имеют более глубокое значение,

Девушка. Айт Хадду. Марокко.
Открытка из личной коллекции
автора

связанное с идеей о том, что символ рассеивает энергию зла на все «четверти ветра», чтобы защитить человека, на которого смотрят (Westermarck 1926: 62–66). Это мнение получило распространение от Северной Африки до Пенджаба в Индии. Естественно, стоит упомянуть, что крест как символ татуировки предшествует христианству и является явно не только формой украшения. Его можно увидеть и на мумии возрастом пять тысячелетий, найденной в Швейцарских Альпах и известной как «ледяной человек» (iceman), чьи татуировки были, скорее всего, терапевтическими и выполняли целительные и церемониальные функции (Lineberry 2007).

Египетская мумия женщины по имени Амунет, найденная в Дейр эль-Бахри (что напротив современного Луксора), районе, связанном с королевскими захоронениями и гробницами знати, представляет собой останки, датированные 2200 г. до н.э. Вероятно, женщина имела статус жрицы, как это видно из погребальных надписей. Ее руки украшены татуировками: символами алмазов (ромбами), овалами и точками, линиями, а узор из длинных и коротких линий идет вниз от ее пупка. Были найдены и другие мумии с похожими символами (Lineberry 2007).

Символика татуировок часто передавалась от матери к дочери. В Северной Африке человеческая ладонь (*хамса*) является символом творческой активности, власти и доминирования, который обладает магическими свойствами, защищающими человека от сглаза и от джиннов. *Хамса* — это оберегающая рука дочери пророка Фатимы, в татуировках и ювелирных изделиях она принимает различные формы, может быть изображена как реалистично, так и абстрактно, с разомкнутыми или соединенными пальцами.

Ромбы отражают зло. Их часто наносят на переносицу между глазами, на лоб и руки. Этот символ использовался в татуировках ткачих, чтобы сделать тех более искусными и перенести *бараку* в их изделия (Herber 1946: 323–351). В берберских племенах ткачество является исключительно женским занятием. Одним из доказательств этого может служить то, что треугольник (берб. *thanslith*), являющийся символом плодородия, олицетворяет также ткацкий станок, который, как и место, где он находится, считается могущественным защитным апотропным пространством. На ткацком станке женщина как бы связывает жизни членов своего рода, сплетая шерстяные нити. Бурдые объясняет, что работой с шерстью женщина создает благотворную защиту (Bourdieu 1990).

Символы, которые наиболее часто наносятся на лицо, включают солнце (*shams*), глаз куропатки (*'ayn hijla*) или куропатку (*hijla*), цепочку (*cinsla*), мух (*thabanat*) (Herber 1946: 323–351).

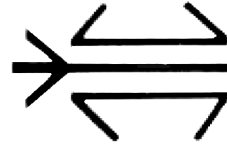
В берберской культуре куропатка считается птицей, олицетворяющей величие, грацию и красоту, и ассоциируется с качествами хорошей жены, а благодаря своему острому зрению она замечает опасность издалека. Но в то же время это и мужской символ, так как он связан с охотой, являющейся мужским занятием.

Оливковое дерево символизирует силу, поскольку соответствующее берберское слово *azemmur* произошло от *tazmat* («сила»). Но это — сила тихая и благотворная, ведь оливковое масло рассматривается как жизненно важный продукт (Gobert 1956: 446–449).

Дерево символизирует центр мира, окруженный существами, предметами и духами. Оно также обозначает «жизнь» (корни) и «знание» (листья). Его использование в татуировке призвано обеспечить легкую жизнь, счастье и плодородие/фертильность.

Оливковое дерево

Дерево

Алмаз/ромб символизирует женственность, фертильность (Cola Alberich 1949).

Вот наиболее часто встречающиеся символы и их значения:

	<i>Quarida</i> (цветок) в форме ромба или алмаза — символ защиты от дурного глаза.		Клюв. Олицетворяет клюв ворона. Наносился на шею ребенка для защиты.
	Глаз — символ защиты от сглаза. Крест в середине рассеивает зло на четыре стороны от носителя татуировки.		Паук. Олицетворяет плодородие, магические силы.
	Пила — символ кузнеца. Металл отгоняет злых духов.		Глаза куропатки — символ красоты и женственности.
	Ножницы — символ кузнеца. Защита от злых духов, огонь и металл.		Зерна — символ мужского начала и фертильности.
	Палец — защитный символ.		Солнце — символ жизни, тепла и света, силы.

Берберские татуировки обычно наносятся вокруг отверстий в теле (глаза, рот, нос, пупок, половые органы) или на частях тела, наиболее уязвимых для зла, например на ступнях, чтобы защитить женщину от земляных джиннов, которые могут попытаться проникнуть в ее тело из земли (Gobert 1924: 57–90).

Символы на лодыжках, ладонях и лице защищают от сглаза. Неудивительно, что многие берберские татуировки называются *jedwel* («талисман»). Татуировки традиционны, и многие символы имеют черты древнего берберского алфавита *тифинаг*. Он состоит из букв, которые в основном представляют собой геометрические линии: углы, точки, прямые линии, круги, дуги окружностей, овалы (Herber 1923: 87–102).

В Северной Африке проживают сотни берберских племен, но методы нанесения татуировок в значительной степени единообразны, как и выбор пигментов. Несмотря

на то что существуют разные способы изготовления пигмента для татуировок, их принцип одинаков. Главным ингредиентом всегда является углерод в виде сажи. Есть верование, что паста для татуировок должна быть разбавлена молоком женщины, кормящей дочь, поскольку обладает магическими свойствами, так как молоко для девочки действует особенно успокаивающе и охлаждающе. В легендах говорится о силе молока и его способности создавать родственные связи, подобные кровным узам (Searight 1984; Kapchan 1993; Herber 1921).

Второй ингредиент — это сок листьев фасоли. По словам берберолога Пьера Бурдые, бобы (берб. *ajedjid*) занимают важное место в ряду символов: во-первых, сушеные бобы — это мужской символ, во-вторых, боб олицетворяет прибежище души, ожидающей воскрешения.

Мази, которые используются для заживления татуировок, имеют различные базовые компоненты: пепел кожуры арбуза, шафран, хна, белладонна, листья капусты, мята и т.д. Иногда эти вещества применяют, чтобы изменить цвет татуировки, иногда же выбор основывается на особом типе *бараки*, которая добавляет силы той или иной татуировке. Сирайг писал, что *барака* содержится также в слюне татуировщика, что придает ей еще большую магическую силу и помогает предотвратить заражение (Bourdieu 1990; Searight 1984; Kapchan 1993).

Инструментами служат обычные швейные или плоские иглы различного количества и размера в зависимости от рисунка и техники работы мастера.

Время нанесения татуировки определяется биологическими и церемониальными факторами. Обычно татуировки делают с утра, потому что позже они сильнее кровоточат. Часто татуировки выполняются в определенный день цикла женщины, в зависимости от цели нанесения татуировки. В своей книге «Макилам, магические знаки и ритуалы женщин Кабилии» Беатрис Лесестр-Ролье подчеркивает тесную аналогию между женщиной и Луной: циклы женщины совпадают с лунным ритмом, ее деятельность воплощает различные проявления жизни Луны (в виде цвета, формы, ритма). Женщина как «лунное существо человеческого царства» участвует в творении. Тайны творения объединяют женщину с цикличностью жизни (Lecestre-Rollier 2014: 296–299).

Эффективность татуировки также может обеспечивать симпатическая магия, которая применяется, когда в момент нанесения татуировки кто-то читает Коран. Таким образом, ритуал татуировки порождает ритмическое переплетение моделей мира людей и духов, связывая женщин, как хранителей семейных традиций, с опытом предков. Это создает особое физическое и социальное пространство (Coop 1931).

Тату-мастерами обычно являются женщины. Тату-мастер сама выбирает символы и узор. Нанесение татуировки — это сакральный процесс приобщения женщины к мудрости предков. Татуировщицы ходят по деревням и племенам, передают слухи, легенды, истории. Эти интимные беседы мастера и клиентки, ее родственников собирали опыт, мысли, воспоминания, иначе говоря — сформировавшийся поколениями взгляд на мир, породивший приверженность существующим институциональным структурам общества, который должна уяснить девушка. Нанесение татуировки — это всегда переход в новый статус или передача *бараки*, гарантирующая тот или иной результат.

Традиция и символизм татуировок передают мудрость поколений и являются важным аспектом культуры и обычаев берберов дальнего Магриба. Всё — от металла

иглы и ингредиентов пасты до дня нанесения татуировки, выбранных символов и опытности тату-мастера — имеет сакральное значение. Это — мудрость, передаваемая через поколения, которая связывает племена и сохраняет культуру берберского народа.

Литература — References

- Bourdieu 1990 — Bourdieu P. *The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press, 1990 (in English).
- Cola Alberich 1949 — Cola Alberich J. *Amuletos y tatuajes marroquíes*. Madrid: Instituto de Estudios Africanos, 1949 (in Spanish).
- Coon 1931 — Coon C.S. *Tribes of the Rif*. Cambridge (MA): Peabody Museum of Harvard University, 1931 (in English).
- Gobert 1924 — Gobert E.-G. “Notes sur les tatouages des indigènes tunisiens”. *L’Anthropologie*, t. 34. Paris, 1924, pp. 57–90 (in French).
- Gobert 1956 — Gobert E.-G. “Remarques sur les tatouages nord-africains”. *Revue Africaine*, t. 100. Algeria, 1956, pp. 446–449 (in French).
- Herber 1921 — Herber J. “Tatouages marocains: tatouage et religion”. *Revue de l’Histoire des Religions*, t. 83. Paris, 1921, pp. 69–83 (in French).
- Herber 1923 — Herber J. “Les tatouages du pied au Maroc”. *L’Anthropologie*, t. 33. Paris, 1923, pp. 87–102 (in French).
- Herber 1946 — Herber J. “Les tatouages de la face chez la Marocaine”. *Hespéris* 33 (3–4). Paris, 1946, pp. 323–351 (in French).
- Herber 1949 — Herber J. “Les tatouages du cou, de la poitrine et du genou chez la Marocaine”. *Hespéris* 36 (3–4). Paris, 1949, pp. 333–346 (in French).
- Jereb 1996 — Jereb J.F. *Arts and Crafts of Morocco*. San Francisco: Chronicle Books, 1996 (in English).
- Kapchan 1993 — Kapchan D. *Moroccan Women’s Body Signs*. Bodylore (K. Young ed.). Knoxville: University of Tennessee Press, 1993 (in English).
- Lecestre-Rollier 2014 — Lecestre-Rollier B. Makilam, Signes et rituels magiques des femmes kabyles. *Clio: Femmes, Genre, Histoire* [<http://clio.revues.org/12218>], 40, 2014 (in French).
- Lineberry 2007 — Lineberry C. *Tattoos. The Ancient and Mysterious History*. January 1, 2007 (<https://www.smithsonianmag.com/history/tattoos-144038580/>). Date of the application 15.09.2019 (in English).
- Searight 1984 — Searight S. *The Use and Function of Tattooing on Moroccan Women*. New Haven (Conn.): Human Relations Area Files, 1984 (in English).
- Westermarck 1926 — Westermarck E. *Ritual and Belief in Morocco*. London: Macmillan and Company, Ltd., 1926 (in English).

The Meaning and Symbolism of the Berber Tattoos of the Maghreb

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 34–40)
Received 09.10.2019.

Anastasia V. Stepanova

National Research University Higher School of Economics;

Naberezhnaia Canal Griboedova 123, St. Petersburg, 190068 Russian Federation.

The tradition of tattooing plays an important role in the Berber culture of the Maghreb countries. Despite the prohibition of tattoos in the Qur'an, the features of atavistic animism, faith in the sacred meaning of symbols and the power of *baraka* inherent in living and non-living objects, are strong in Islamic societies of North Africa. Tattoo, its ingredients, needles, symbols have the power to affect the lives of people, protect them from the evil eye, the vicissitudes of fate and evil spirits (genies). The tradition of tattooing is a part of the female social space, through this practice the wisdom and experience of generations are transmitted. The article provides a brief study of major symbols, techniques and meanings of the Amazigh tattoos' tradition.

Key words: tattoos, Maghreb, North Africa, Berbers, symbolism.

About the author:

Anastasia V. Stepanova, Lecturer of National Research University Higher School of Economics (Nastia.7373@mail.ru astepanova@hse.ru).

Согдийские фрагменты буддийской сутры

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербургский государственный университет

DOI: 10.7868/S1811806219040058

В статье рассматриваются десять согдийских фрагментов из рукописного фонда ИВР РАН. Почерк, внешний вид, сгибы и изломы фрагментов свидетельствуют о том, что они принадлежат одному свитку. Их содержание и сходство с другими буддийскими сочинениями позволяют предположить, что этот свиток является сборником буддийских повествований, подобным известной «Сутре о мудрости и глупости».

Ключевые слова: согдийский язык, буддийские сутры, рукописный фонд Института восточных рукописей.

Статья поступила в редакцию 23.09.2019.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18; профессор кафедры иранской филологии Восточного факультета СПбГУ, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2019

Среди согдийских документов рукописного фонда Института восточных рукописей РАН есть десять фрагментов свитка, написанных одним почерком, оборот которых имеет уйгурский текст. Это девять фрагментов — L 35¹ (SI 5269), L 36 (SI 5318), L 40 (SI 5587), L 49 (SI 5419), L 50 (SI 5477), L 52 (SI 5388), L 55 (SI 5480), L 81 (SI 5838) и L 89 (SI 4014)², изданных А.Н. Рагозой (Рагоза 1980), и фрагмент SI 5609 (старый шифр K_r IV/879), опубликованный В.А. Лившицем (Livshits 1996: 3–8; 2015: 255–260; Лившиц 2008: 333–340) и Ю. Ёсидой (Yoshida 2019: 149–152³). На то, что девять фрагментов относятся к одной рукописи, указали А.Н. Рагоза (Рагоза 1980: 38), Н. Симс-Вильямс (Sims-Williams 1981: 235), В.А. Лившиц (Livshits 1996: 7; 2015: 257, примеч. 1 и 258, примеч. 9; Лившиц 2008: 340) и Ю. Ёсида, который добавил к списку фрагмент L 55 (Yoshida 2019: 148).

Фрагменты написаны одним и тем же каллиграфическим почерком буддийских писцов, высота букв 0,3–0,4 см, расстояние между строками — 1,0–1,3 см. Охаракте-

¹ Этим номером обозначены два фрагмента: а и в.

² В согдологии принято обозначать эти фрагменты номерами, под которыми они опубликованы в издании А. Рагозы. В круглых скобках указаны их новые шифры.

³ Благодарю П.Б. Лурье, предоставившего мне возможность ознакомиться с этой статьей.

ризовать бумагу очень сложно: ее цвет, плотность и структура сильно различаются, что обусловлено не только ее возрастом, но и воздействием влаги и клея, поскольку в процессе проведенных (очевидно, в 50-е годы прошлого века) реставрационных работ почти все фрагменты наклеены на кальку (при этом иногда калька наклеена на обратную сторону, на уйгурский текст, иногда — на согдийский). К тому же зачастую строки и буквы склеены неровно, что очень затрудняет совмещение фрагментов друг с другом. Самый большой фрагмент, SI 5609, во время последней реставрации был заламинирован. Особо следует выделить не прошедшие реставрацию и находящиеся в крайне плохом состоянии фрагменты L 35 (а и b), бумага которых хрупкая и ломкая, и L 81, бумага которого исключительно ветхая, мягкая и рыхлая: эти документы буквально рассыпаются от прикосновения. Тем не менее очевидно, что эти отрывки принадлежат одной рукописи, хотя друг с другом непосредственно не соединяются. Единственный крупный фрагмент — это рукопись SI 5609, все остальные представляют собой обрывки гораздо меньшие по размеру. Из них два фрагмента (L 40 и L 50) — правые части свитка, четыре (L 49, L 52, L 81 и L 89) — левые, что подтверждается полями на оборотной стороне свитка (1,4 см), выполненными красной тушью. Поля согдийской стороны не очерчены, их размер — 0,5 см.

Как и все согдийские фрагменты рукописного фонда ИВР, эти также дошли до нас в плохом состоянии: бумага разорвана, некоторые буквы стерты, сами фрагменты представляют собой обрывки свитка, а согдийский курсив, в котором многие буквы совпадают друг с другом, читается нелегко. Понять содержание отрывков очень сложно. Иногда прочитать буддийский согдийский текст помогает его сравнение с иноязычными буддийскими текстами сходного содержания, но и это удается сделать не всегда, потому что оригинальные (китайские или санскритские) сочинения могли быть изменены и по-своему интерпретированы согдийскими переписчиками и переводчиками.

L 35 (Ил. 1)

Фрагменты под этим номером имеют размеры: а — 8,0×7,5 см; b — 6,0×6,0 см. Эти два фрагмента соединяются друг с другом: третья строка L 35a (правая сторона) соединяется с первой строкой L 35b (левая сторона), вторая соответственно с четвертой и т.д., но тем не менее небольшая кромка (в одну-две буквы) отсутствует. Фрагмент представляет собой отрывок из середины рукописного листа.

a ⁴	b
1] ...цену... [1] вкус и ... [
2] ...после (?) + сразу... [2] +все ⁵ еретики (?) [
3] ...после совершения [3] усилия (?) + начал (?) [
4] ... ⁶ он поклонился [4] так тебе (?) ... ⁷ [
5] ...и ему он сразу [5] ... [
6] он начал... ⁸ [6] ... [
7] ...воды он попросил ... [

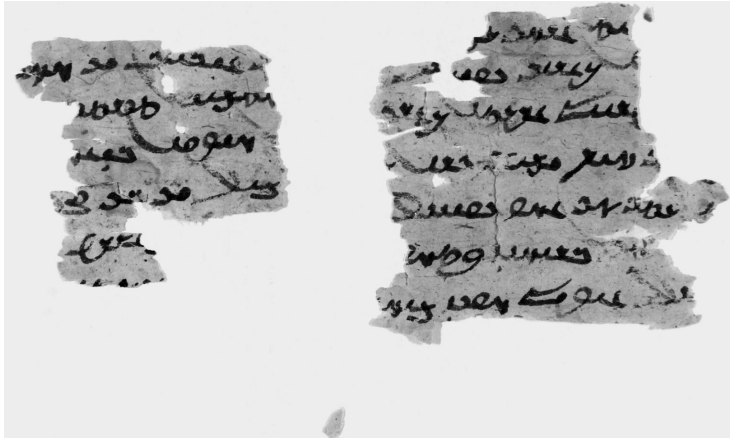
⁴ В переводах квадратные скобки обозначают разрывы листа, круглые — вставки, многоточие — слова или фрагменты слов, перевести которые не удалось, крестик перед словом означает, что слово восстановлено.

⁵ При соединении фрагментов — согд. +s(γ)tm'n.

⁶ Сохранился только предлог направления s'γ.

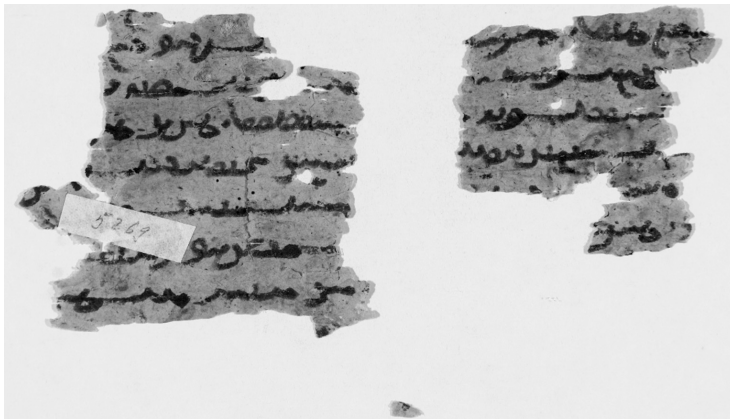
⁷ Как кажется, следующие два знака — цифры «20» и «10», т.е. «30», которые могут начинать любое число — 30, 32, 34 и т.д., популярное в буддизме.

⁸ Согд. rγ(w) может быть начальными слогами некой личной формы глагола (rγwš «слышать»?).

Ил. 1.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5269 R

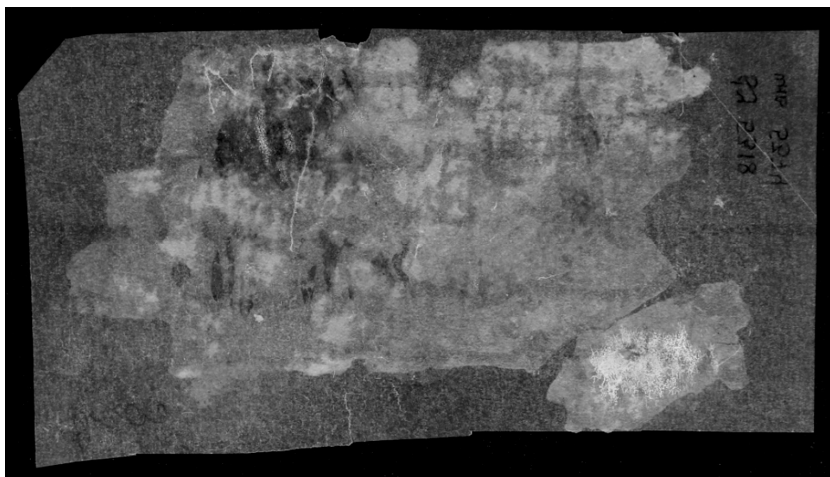
Ил. 2.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5269 V (L 35 b, a)*

L 35 a + L 35 b (Ил. 1)

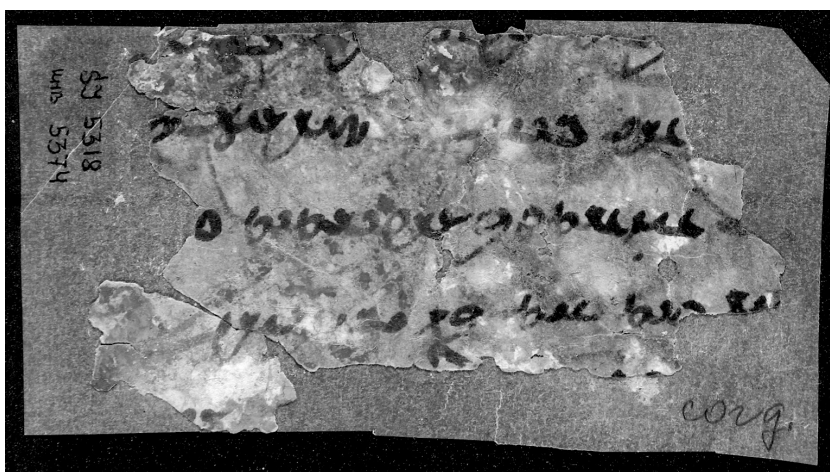
1] ...цену... [	
2] ...после (?) + сразу ... [	
3] ...после совершения	1 вкус и... [
4] ...он поклонился	2 + все еретики (?) [
5] ...и ему он сразу	3 усилия (?) + начал (?) ... [
6] он начал...	4 так тебе (?) ... [
7] ...воды он попросил... [	5] ... [
	6] ... [

* Поскольку строки согдийского текста расположены горизонтально, фотографии уйгурских текстов (ил. 2, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19) также воспроизведены горизонтально. Для их прочтения фотографию необходимо повернуть на 90 градусов против часовой стрелки (уйгурские тексты записаны вертикальными колонками).

Ил. 3.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5318 V

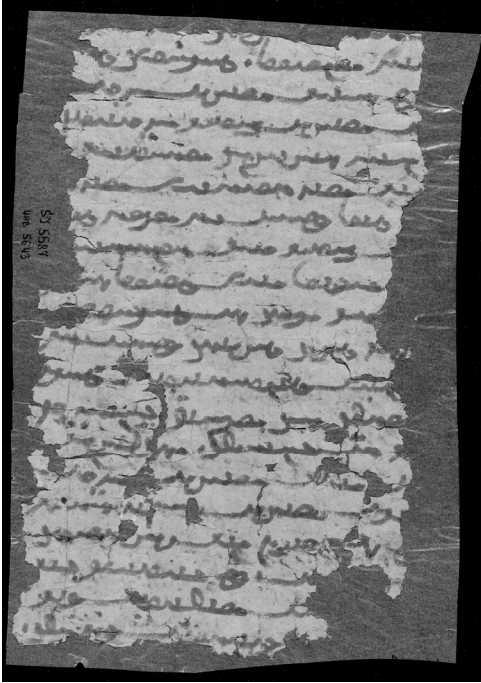
Ил. 4.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5318 R (L 36)

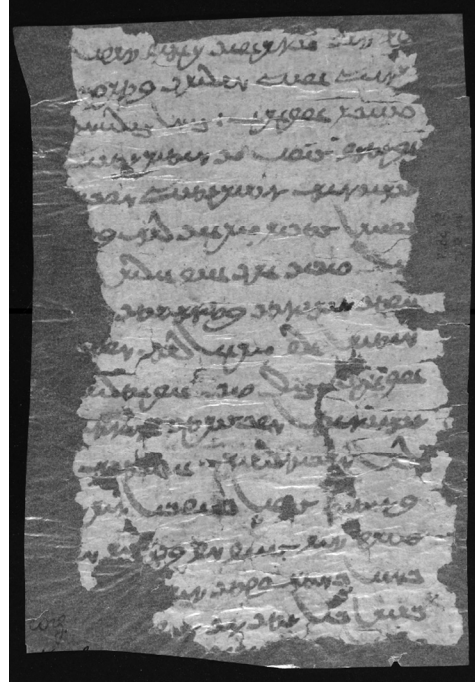
L 36 (Ил. 4)

Фрагмент имеет размеры 6,0×10,0 см. Относится к левому краю свитка, наклеен на кальку.

- 1] ... [
- 2] в монастырь Венувана [
- 3] опечаленными, испуганными стали (?) [
- 4] ... они отправились на совет
- 5] ... [

Ил. 5.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5587 V

Ил. 6.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5587 R (L 40)

L 40 (Ил. 6)

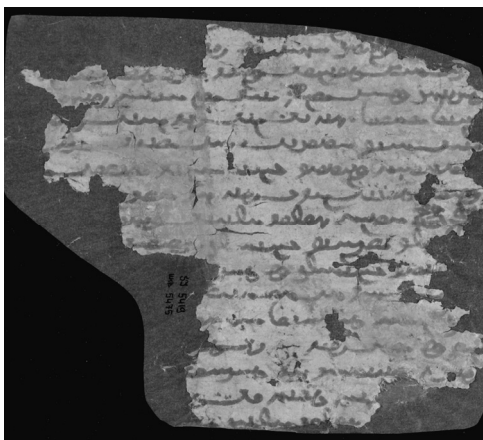
Фрагмент имеет размеры 19,5×12,0 см. Представляет собой правый край свитка, наклеен на кальку.

- 1 в голове (?) я хотел извлечь [
- 2 ...в горле (?) ... [
- 3 сказал Упака: «Наш Татхагата⁹ [
- 4 сначала из-за плохого поступка [
- 5 я осуждаю, хороший поступок⁺ хвалю [
- 6 эти четыре вида дхармы... [
- 7 так говоришь: «Кто-либо другой [
- 8 он сам считается осуждаемым [
- 9 плохими два вида дхармы. Сам (?) [
- 10 Упака так сказал: «Я⁺ думал [
- 11 (если он) осуждает достойных похвалы [
- 12 я не знал... [
- 13 изгнанный из (монастыря) Венувана¹⁰ ... [

⁹ Эпитет (и одно из имен) Будды в буддийской мифологии. Здесь — обращение к Будде.

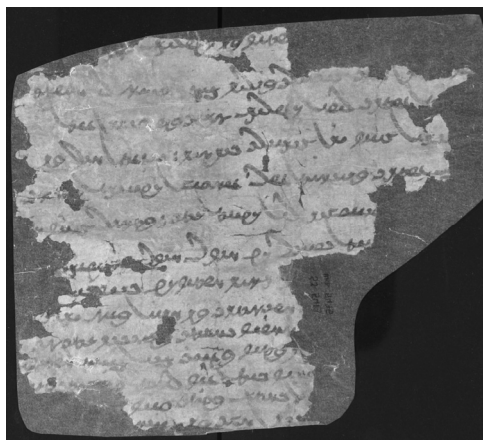
¹⁰ Венувана — роща в окрестностях Раджагрихи, столицы Магадхи, сильного государства в Северной Индии во время жизни Будды.

14 к тому (?). Когда царь Бимбисара... [
 15 наиболее священному из богов Будде [
 16 утро наступило и ему... [
 17 ... [¹¹

Ил. 7.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР
 РАН. Шифр SI 5419 V

Ил. 8.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР
 РАН. Шифр SI 5419 R (L 49)

L49 (Ил. 8)

Фрагмент имеет размеры 16,0×18,5 см. Представляет собой левый край свитка, наклеен на кальку.

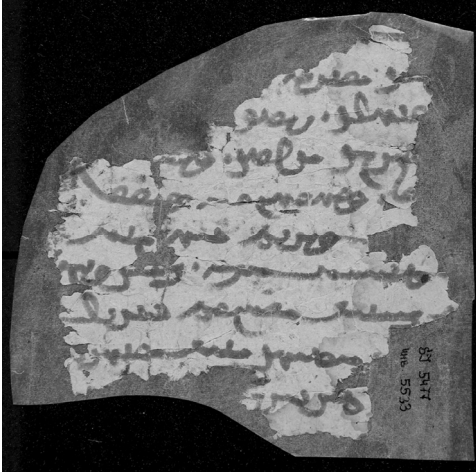
- 1] ...царь (Бимбисара) Гаутаме¹²-аскету [
 2] ...из-за этого он не прислушался к +моему слову
 3] ...в стране с Гаутамой-аскетом, если он... будет
 4] ...когда он выйдет из этого, тогда...
 5] ...он прибудет в страну, там мы сразимся, и ему (?)
 6] ...он не проявит¹³. Потом, когда
 7] ...сразу они в свою обитель...[
 8] Царь Бимбисара в (монастырь) Венувана [
 9] Главе (мира) с большим уважением поклон
 10] речь он подробно пересказал и ему
 11] «Запасись терпением («оставайся терпеливым»), о великий царь!
 12] ... (если) будет, я с...[
 13] наиболее священный (из богов) Будда так...[
 14] ... (он) есть...[¹⁴

¹¹ Как отметил Ёсида (Yoshida 2019: 154), похожая история о беседующем с Буддой Упакке, сыне Мандики, имеется в палийском тексте «Ангуттара-никая» (АН. 4. 188).

¹² Родовым именем «Гаутама» после просветления Будду называют только небуддисты, следовательно, эти строки передают речь последних. Стк. 11–12 — ответ Будды, названного «Главой мира», царю Бимбисаре.

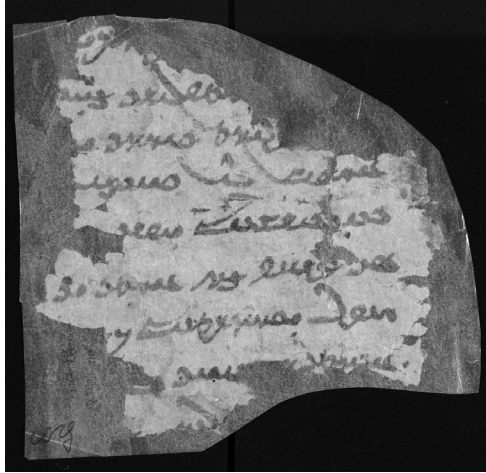
¹³ После глагола L'kwn't — rty: соединительный союз с дуеточием.

¹⁴ Вставки Ёсиды (Yoshida 2019: 153): стк. 1: Царь (Бимбисара); стк. 5: в страну (Кошала); стк. 7: они (вышли) и (вошли в); стк. 8: Царь Бимбисара (пошел) в (монастырь) Венувана.

Ил. 9.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР
РАН. Шифр SI 5477 V

Ил. 10.

Фрагмент свитка. Сериндийский фонд ИВР
РАН. Шифр SI 5477 R (L 50)

L 50 (Ил. 10)

Фрагмент имеет размеры 10,5×10,0 см. Правый край свитка, наклеен на кальку.

- 1] ... [
- 2] ты +сказал (?) большой [
- 3] он (сказал?) речь... [
- 4] мы не сразимся [
- 5] несчастья¹⁵ силу [
- 6] вместе с этим также весь и [
- 7] своих учеников (?) ... [
- 8] дело... [
- 9] ... [

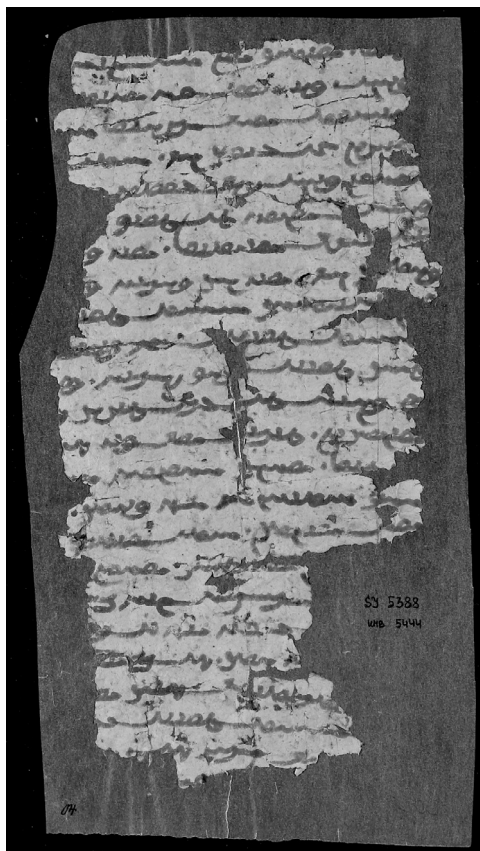
L 52 (Ил. 12)

Фрагмент имеет размеры 24,5×12,0 см. Относится к левому краю списка, наклеен на кальку.

- 1] ... [
- 2] они (?) спросили: «Большое несчастье
- 3] все вместе к матери (?) пришли, что
- 4] ... в городе местные люди
- 5] вы скажите им, что несправедливо (?)
- 6] так они сказали: «О великий царь,
- 7] ... никакой ... и...
- 8] что всю большую ненависть верующие

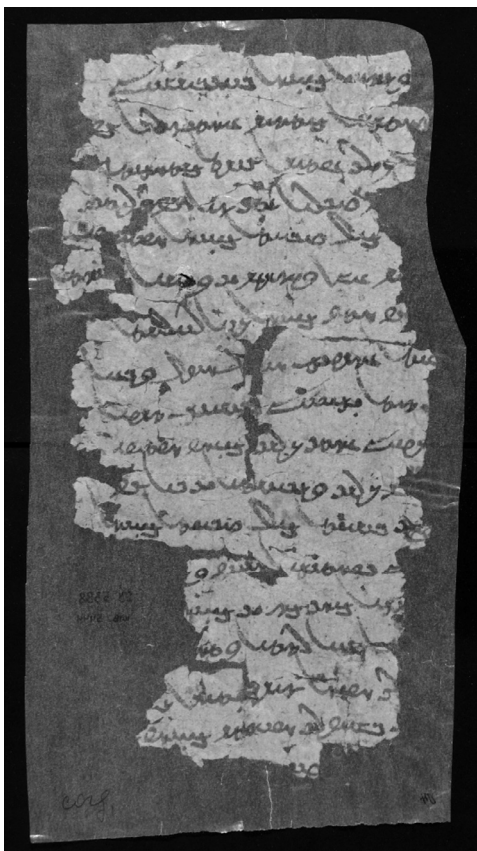
¹⁵ Согд. бузуѳ'рсуѳ.

- 9] ...мы пребываем в своем жилище¹⁶
 10] ...всё время обретаем
 11] ...есть теперь, о великий царь,
 12] ...теперь мы скажем вам, что
 13] ...выказывают, так говорят: «О великий
 14] ...мы сами узнали... [
 15] ...месяц¹⁷ также и большой...[
 16] ...руками (?) ...[
 17] ...⁺любым способом (?) ⁺Шакьяпутра¹⁸ ...[
 18] ...Глава мира большой...[
 19] ...[

Ил. 11.

Фрагмент свитка.
 Сериндийский фонд ИВР РАН.
 Шифр SI 5388 V

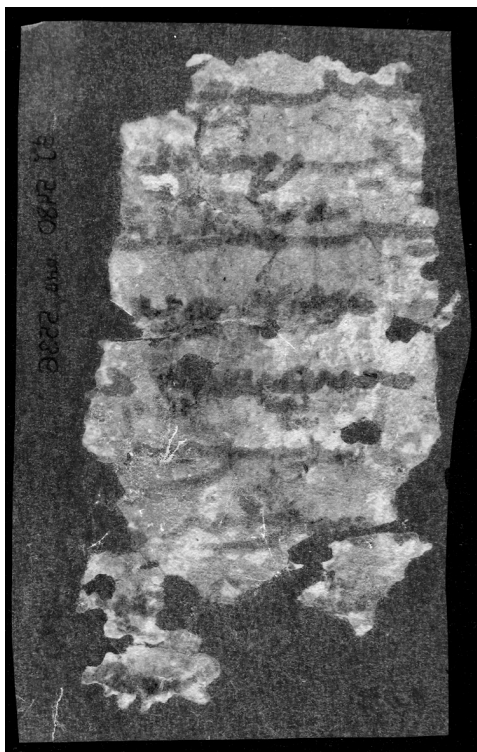
Ил. 12.

Фрагмент свитка.
 Сериндийский фонд ИВР РАН.
 Шифр SI 5388 R (L 52)

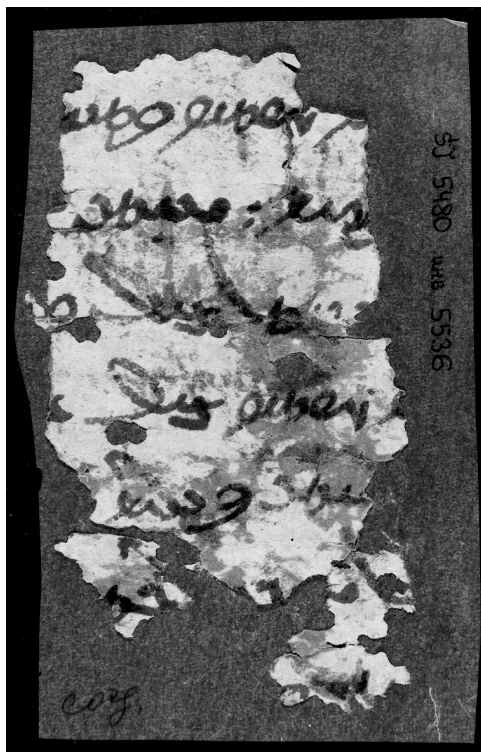
¹⁶ Чтение Ёсиды (Yoshida 2019: 153, примеч. 38).

¹⁷ Согд. m'ху.

¹⁸ Эмэндация Симс-Вильямса (Sims-Williams 1981: 235). Именем «Шакьяпутра» («сын [рода] Шакья») Будду и его приверженцев называли вне общины.

Ил. 13.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5480 V

Ил. 14.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5480 R (L 55)

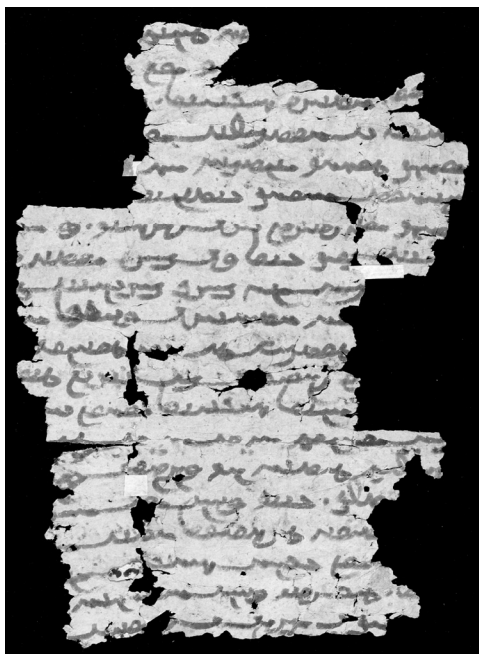
L 55 (Ил. 14)

Размеры фрагмента — 9,2×5,0 см, середина листа.

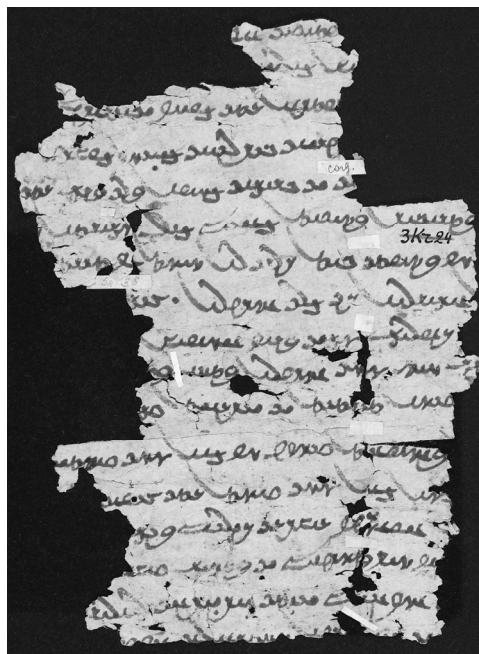
- 1] ...царь¹⁹ ... [
- 2] ...²⁰. Он вышел (?) [
- 3] ...так... [
- 4] царь так... [
- 5] ...для... [
- 6] ... [
- 7] ... [

¹⁹ Возможно, «[Бимбисара] царь», перед *xwt'w* видно окончание знака «г».

²⁰ В конце фразы — послелог, обозначающий направление, и двосточие — *s'r*.

Ил. 15.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5838 V

Ил. 16.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 5838 R (L 81)

L 81 (Ил. 16)

Фрагмент имеет размеры 20,0×13,0 см. Относится к левому краю списка.

- 1] ... [
- 2] ...так ... [
- 3] он станет и такой совет ... [
- 4] ⁺Пурана²¹-еретик, великий учитель... [
- 5] и приказал всем до... (?) и
- 6] жезла (?) (если) он коснется, в душе (?) так думает
- 7] если его коснутся²², тогда не следует ⁺еретикам (?) [
- 8] вместе вы, кто здесь, останьтесь (?)²³. Потому (?) [
- 9] Гаутама-аскет в состязании²⁴ [
- 10]...очень сильно (?) отдалены 20 (?) [
- 11] те ⁺еретики и...²⁵ [
- 12] касаются, все мысль даже («очень») допускают (?)
- 13] ...мысль он даже допускает и оттого... [

²¹ Эмэндация Ёсиды (Yoshida 2019: 148). Пурана — идейный противник Будды.

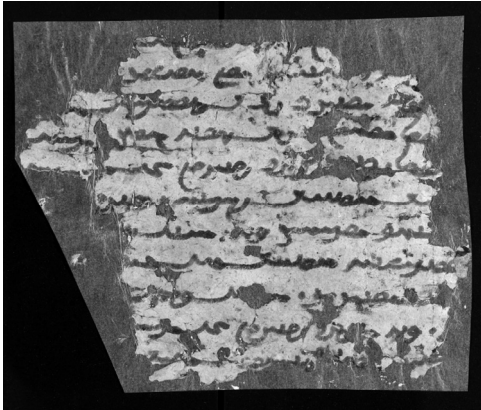
²² Согд. ps'wty β't, 3 Sg. Subj., passive.

²³ Здесь знак препинания представляет собой точку. В остальных фрагментах в качестве знака препинания употреблено двоеточие (L 40, стк. 3; L 49, стк. 4, 6; L 55, стк. 2 и др.).

²⁴ Судя по именованию «Гаутама-аскет», в этой строке передана речь противников Будды.

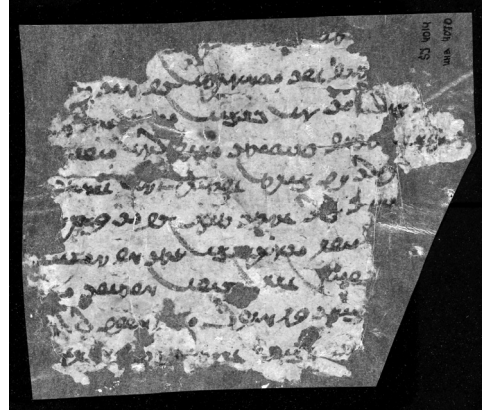
²⁵ Согд. znkr'nt.

- 14]...и он собрался в город Раджагриха, (к) [†]Бимбисаре... [
- 15] ...обращение и весть он послал (?) ... [
- 16] ...возмущение вышло, разные верующие ... [
- 17] ... [

Ил. 17.

Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 4014 V

Ил. 18.

Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН.
Шифр SI 4014 R (L 89)

L 89 (Ил. 18)

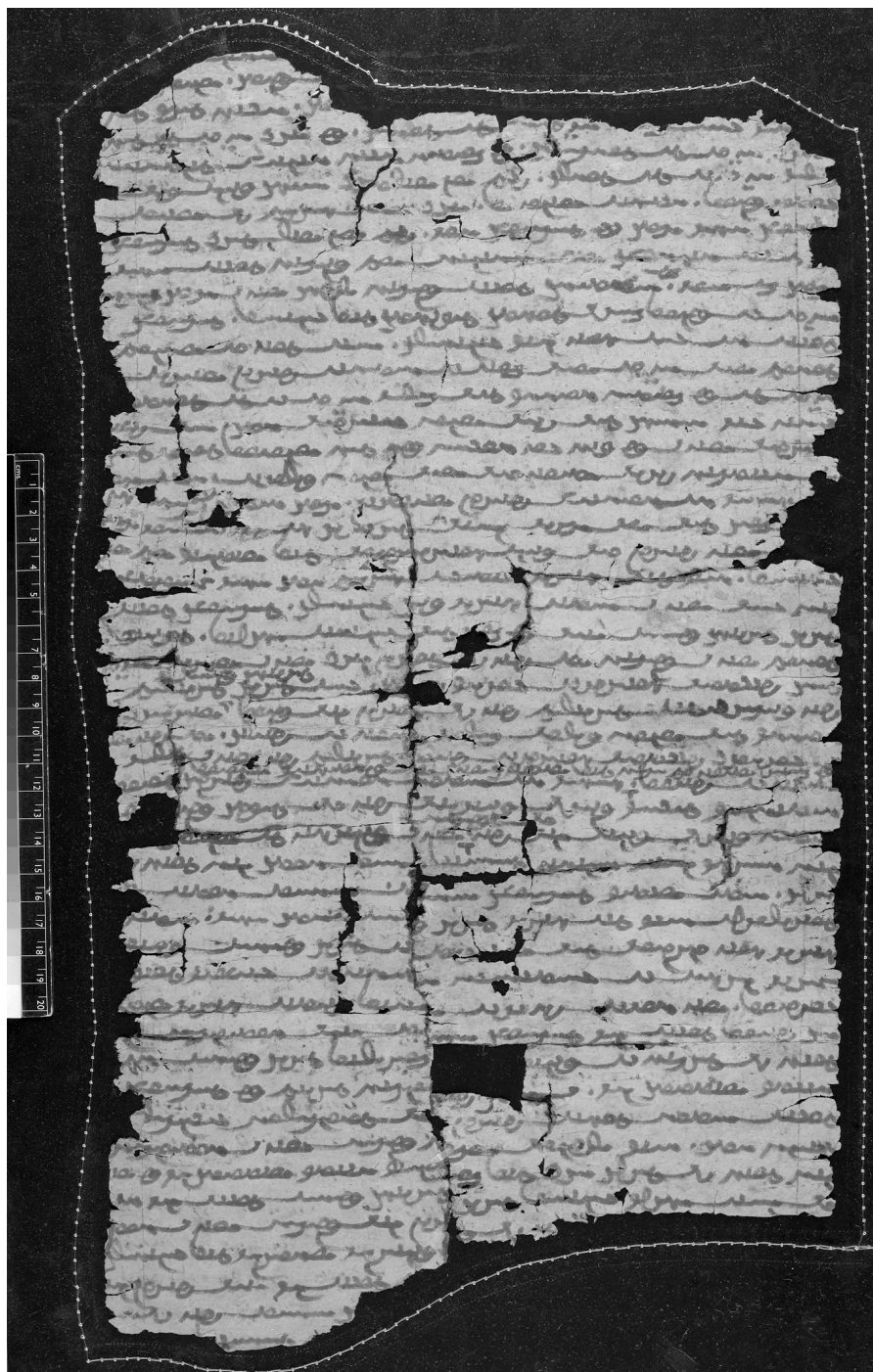
Фрагмент имеет размеры 11,5×14,0 см. Левый край списка, наклеен на кальку.

- 1] ... [
- 2] ...ученикам, которые добродетель (?) ... [
- 3] ...так им предписание²⁶ ... и ... [
- 4] ...и ...в то время десять сил²⁷ ... [
- 5] ...город в области Магадха... [
- 6] здесь есть еще который и... [
- 7] силой (мы) извлекли²⁸ и... [
- 8] такое дело от царя и
- 9] ...в своем [†]и хороший с... [
- 10] ...так дела... [
- 11] ... [

²⁶ Согд. βrmpn'.

²⁷ «Десять сил» — возможно, имеются в виду десять сверхъестественных способностей Будды: способность познавать истинные и ложные состояния сознания; способность познавать карму живых существ; способность знать любые виды самадхи и медитативного транса; способность познавать низшие и высшие способности живых существ; способность познавать, что понимают живые существа; способность познавать природу сознания и деяния всех живых, и т.д. (Избранные сутры 1999: 217, примеч. 38).

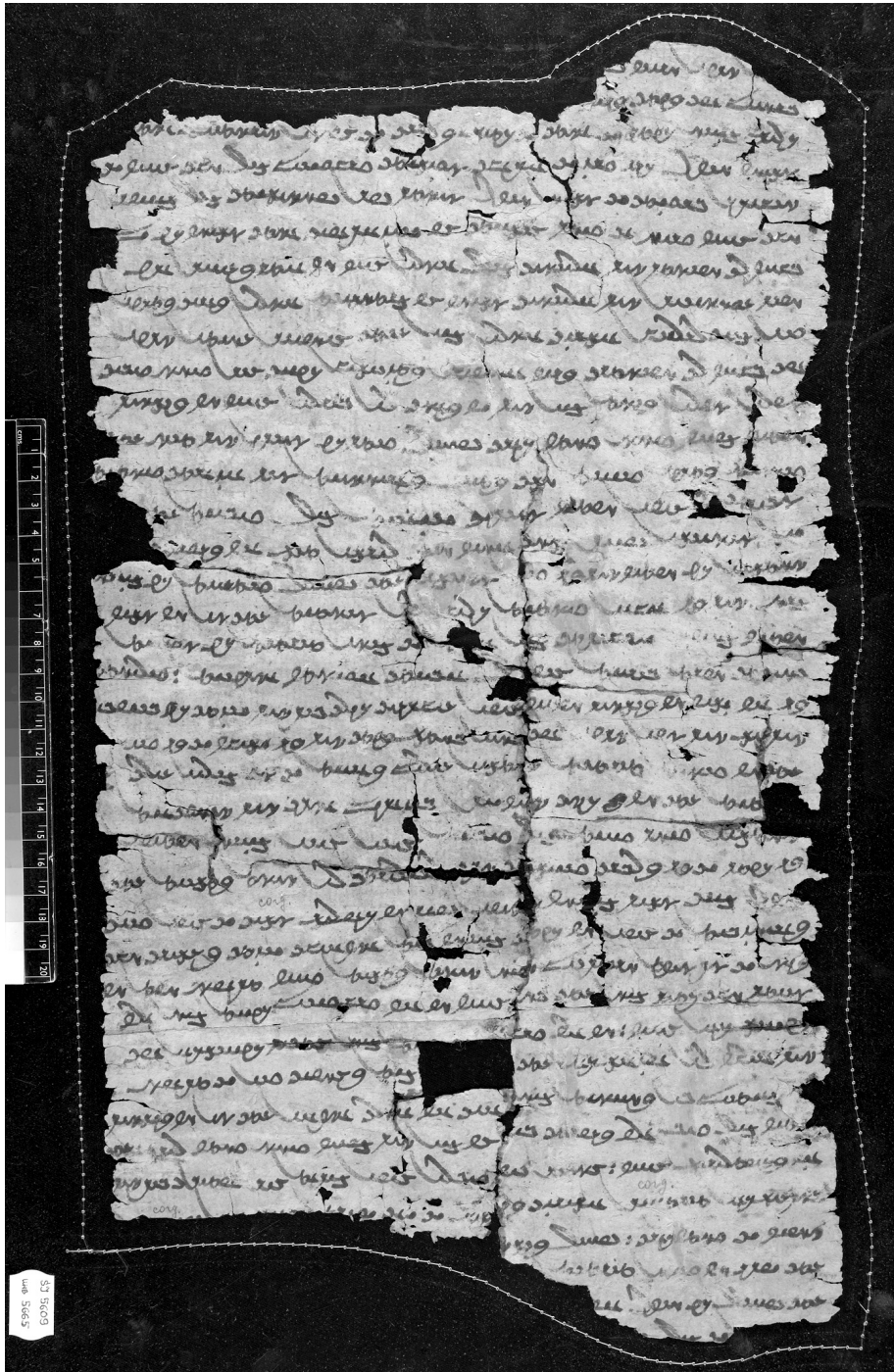
²⁸ Или — «извлекаем», согд. nyšk'wmpn.

Ил. 19.

Фрагмент свитка.

Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5609 V

Ил. 20.
Фрагмент свитка.
Сериндийский фонд ИВР РАН. Шифр SI 5609 R

SI 5609 (Ил. 20)

Самый большой фрагмент списка, размеры — 47,2×27,0 см, заламинирован. Он издан и переведен, как уже упоминалось, В.А. Лившицем и Ю. Ёсидой. Содержит 39 строк, две первые и пять последних — неполные, но в целом текст представляет собой законченное и понятное повествование. Это связный рассказ о еретиках, которые просили царя Бимбисару, правителя страны Магадхи, дать им возможность продемонстрировать свои исключительные способности в деле сотворения чудес, чтобы посрамить Будду. Однако Бимбисара, уверовавший в Будду и его учение, не удовлетворил их просьбу, сравнив их чудеса левитации («хождения на небо») с полетом воробья, их поучения — с карканьем вороны, а их претензии быть наставниками Будды — с утверждением мотылька, объявляющего себя учителем света для солнца. Второй раз еретики обратились к царю, когда он вышел из города Раджагриха и направился в монастырь в роще Венувана. Они опять попросили царя оценить их, обещав, что, если Будда сотворит одно чудо, они сотворят два, а если он сотворит два, то они — четыре. Бимбисара и на этот раз отказал еретикам, пригрозив, что прогонит их из страны, если они осмелятся обратиться к нему с подобной просьбой в третий раз.

В своих публикациях фрагмента SI 5609 издатели атрибутировали рассказ о царе Бимбисаре и еретиках. В.А. Лившиц предположил, что это отрывок из «Шука-сутры» (Лившиц 2008: 336; 2015: 257, 258, примеч. 9). Ёсида отметил, что похожий рассказ о споре между Бимбисарой и еретиками и их претензиях доказать чудесами свое превосходство над Буддой имеется в двенадцатой главе сочинения Дивьявадана, озаглавленной «Пратихарья-сутра» («Сутра о чудесах») (Yoshida 2019: 148–149), в двух китайских текстах — Pusa bensheng manlun и Xianyujiing (Yoshida 2019: 152), известных под названиями «Джатакамала» и «Сутра о мудром и глупом», и в четырех других санскритских и китайских версиях «Сутры о чудесах» (ссылку на статью Накагавы см. Yoshida 2019: 158, примеч. 36). Все эти версии рассказа значительно отличаются от согдийского варианта, и ни один из текстов не является прототипом согдийского, представляющего собой независимый вариант (Yoshida 2019: 153). Близкий по содержанию согдийскому тексту рассказ о шести учителях, желающих утвердиться своими чудесами, имеется также в тринадцатой главе тибетской версии сочинения «Сутра о мудрости и глупости» (оригинальное название — «Дзанлундо»), переведенной Ю. Парфионовичем на русский язык (Парфионович 2002). Тибетская версия сутры включает 51 главу (в некоторых списках — 52), тогда как ее китайская версия состоит из 69 глав. Согласно «Собранию сведений о переводах Трипитаки», составленному Сэн Ю в 506–512 гг., данная китайская сутра была записана буддийскими монахами «в большом монастыре Хотана», где они слушали сутры, записывали услышанное и получили санскритский текст этого сочинения. В Гаочане на основе этого текста и своих записей в 445 г. китайские монахи составили «Сутру о мудрости и глупости», вошедшую позже в китайскую Трипитаку (Парфионович 2002: 9). Сопоставление тибетского и китайского текстов сутры показало, что первый не является переводом китайского: они различаются не только количеством и размерами глав, но и иной компоновкой глав по разделам, деталями изложения того или иного эпизода, несовпадением ряда заголовков и особенностями передачи согдийских имен — в тибетской сутре большинство имен даны в переводе, а в китайской все они даются в транскрипции (Парфионович 2002: 16–18). Очевидно, что ко времени записи сутры существовала не одна китайская вер-

сия сочинения: в основу канонической китайской и тибетской редакции были положены разные версии (Mair 1993: 15–16), а первоначальный текст мог быть составлен на северо-западном пракрыте хотанскими буддистами (Mair 1993: 18).

«Сутра о мудрости и глупости» — один из самых популярных сборников легендарных повествований, джатак и авадан, связанных с именем Будды. В джатаках, составляющих большую часть рассказов, Будда выступает действующим лицом и участником прошедших событий, о которых идет речь. В аваданах демонстрируется причинно-следственная связь между событиями прошлого и настоящего, и к этим событиям Будда отношения не имеет. Повествования, возникшие в результате синтеза добуддийских фольклорных и литературных традиций, впоследствии были использованы проповедниками для изложения буддийской морали и наставления слушателей. Вошедшие в данную сутру рассказы складывались в период раннего буддизма, когда буддийской общине противостоял мощный институт брахманов и представителей добуддийских учений, в первую очередь адживиков и джайнов. Названный в L 81 Пурана, упомянутый в L 40 Упака и еретики из фрагмента SI 5609, имена которых указаны в тибетской версии сутры²⁹, — известные адживики (Basham 1951: 80–89; Шохин 1997: 38, 47), чье соперничество с Буддой вполне реалистично, и оккультистские турниры в то время действительно устраивались и упоминаются во многих буддийских и небуддийских сочинениях (Basham 1951: 84–90; Шохин 1997: 66)³⁰. Так что события, описанные в SI 5609 и других фрагментах, историчны.

Возвращаясь к внешнему виду фрагмента SI 5609 с размерами 47,2×27,0 см, отметим, что он имеет характерные разрывы: посередине свитка видны следы от двух сгибов, расстояние между которыми — 3 см. Небольшие поля справа и слева свитка — 0,5 см, от полей в обе стороны расстояние — около 11 см. Кроме того, этот фрагмент склеен из двух частей, при этом верхняя содержит 29 строк, а нижняя — 10. Вообще размеры китайских свитков довольно стандартны, и в ширину они имеют 26–29 см, а длина зависит от количества подклеиваемых по мере необходимости листов и нередко достигает нескольких метров. Обычно китайский свиток был 8–10 м в длину, и многие дошедшие до нас согдийские свитки довольно значительны по размеру: например, изданные рукописи Британской библиотеки имеют длину 2,91 м; 3,70 м и 5,28 м (MacKenzie 1976). Подклеиваемые листы были шаблонны — свитки той же Британской библиотеки имели листы, на которых умещалось примерно 40 строк. Один из рассматриваемых фрагментов — L 81 (левая сторона), размеры 20,7×13,2 см, семнадцать неполных строк — также склеен из двух частей, верхняя часть, длиной в 13,7 см, имеет 11 строк, нижняя, длиной 7 см, — 5,5 строки. Соответствующий фрагмент правой стороны, который также был бы склеен, отсутствует, и среди данных фрагментов нет такого, который бы восполнял L 81 по количеству строк (сверху или снизу): если учесть, что большая часть основного фрагмента до склейки включает около сорока строк, то фрагмент L 81 с одиннадцатью строками в верхней части должен иметь над ними еще около тридцати строк, а в нижней — почти тридцать пять. Он также не соединяется ни с одним из имеющихся фрагментов и должен располагаться от остальных отрывков на значительном расстоянии.

²⁹ Палийская форма их имен — Аджита Кесакамбала, Пакудха Каччаяна, Маккхали Госала, Санджая Белаттхипутта, Нигантха Натапутта (Шохин 1997: 38).

³⁰ В китайской версии «Сутры о мудрости и глупости» имеется рассказ о состязании с еретиками ученика Будды, Шарипутры (Mair 1993: 38–50).

Большая часть рассматриваемых фрагментов имеет около 11 см в ширину, и, судя по изломам, совпадающим по середине самого большого фрагмента SI 5609 (11,5 см — 3,0 см — 11,5 см), они действительно относятся к одному свитку. Так, с фрагментом SI 5609 сопоставимы и, возможно, соединяются друг с другом фрагменты L 50 (правая сторона) и L 49 (левая): во всяком случае, можно предположить сближение третьей — шестой строк фрагмента L 50 со второй — пятой строками L 49, но не непосредственно, а с разрывом около 1 см.

Еще один отрывок правой стороны свитка, а именно L 40, можно было бы сопоставить с фрагментом L 89. Похоже, что соединяются две самые длинные строки фрагментов, а именно девятая строка L 40 с четвертой строкой L 89³¹, но для непосредственного соединения остальных строк не хватает 1–2 см, и содержание отрывков связного текста не дает.

Исходя из начертания буквы *h* — начало на второй строке фрагмента L 55, окончание на четырнадцатой строке L 52, — можно предположить соединение фрагментов L 55 и L 52: первая строка фрагмента L 55 может предварять тринадцатую строку L 52 (левая часть свитка), более или менее сводятся следующие две строки, остальные сильно разрушены и неровно склеены:

L 55 + L 52 (Ил. 14 + Ил. 12)

- 1 (Бимбисаре)] царю (?)³² + почтение (?)³³ 13 выказывают, так говорят: «Великий
2] Он вышел³⁴, 14 мы сами узнали... [
3] ...так мы видим (?)³⁵ 15 месяц³⁶ также и большой... [

К сожалению, эти соединения не помогают прояснить смысл сохранившихся отрывков, но можно предположить, что фрагменты L 50 и L 49 также содержат отголоски разговора Бимбисары с еретиками, добивающимися возможности встретиться и посоревноваться с Буддой; L 35 и L 36, очевидно, также говорят об этом соревновании. Иные сюжеты, по-видимому, представлены в L 40 (и L 89?), а также в L 81, L 52 и L 55. Возможно, во фрагменте L 52 представлены отголоски некоего буддийского рассказа, упоминающего великого царя, главу мира, некое большое горе и мать, которой о нем сообщают. Подобные рассказы имеются в буддийских сутрах: так, согдийская рукопись L 92 содержит сказку о двух братьях, хорошем и плохом (издания: Rosenberg 1918: 817–842; Рагоза 1980: 62–63)³⁷. В. Маир, изучавший китайскую «Сутру о мудрости и глупости», указал, что в главах 42 и 44 этой версии имеются похожие рассказы (Maig 1993: 32–33, примеч. 87). Кроме того, из колофона одного уйгурского сочинения следует, что оно является переводом согдийского текста *ds' šyr'krtyh* — «Десять благих деяний», восходящего к санскритскому *Daśa-karmapatha-*

³¹ *γnt'k 'dōw znk'n dnm xwz'y-mk'm rty xw wy'wnty zmnw dōs' z'wr(y)* [«длохими два вида дхармы. Я попрошу в то время десять сил...»].

³² Может быть, имя предваряет несохранившийся предлог направления?

³³ При согд. ⁺ptβr-'wy. Просвечивающий через кальку знак для буквы «р» написан более светлыми чернилами и, похоже, оказался в конце слова случайно из-за ошибочного подклеивания.

³⁴ При согд. *nyzty-h*.

³⁵ При согд. ⁺wy-nmn.

³⁶ Согд. *m'xy*.

³⁷ Эта сказка написана на одной стороне листа квадратной формы, так что к обсуждаемым фрагментам не относится.

avadānamālā, а связь дидактических рассказов этого сочинения с китайской версией «Сутры о мудрости и глупости» известна (Maig 1993: 14). Кстати говоря, отголоски истории о царе Канчанасаре, согдийский текст которой недавно опубликован Ёсидой (Yoshida 2019: 155–159), имеются в первых главах тибетской (Парфионович 2002: 23–26) и китайской версии «Сутры» (Maig 1993: 77, таблица). Таким образом, фрагменты этого свитка содержат не только отголоски повествования о соревновании Будды и еретиков, но и, как в сборниках подобных рассказов, отголоски других сюжетов. Это позволяет предположить, что данный согдийский свиток типологически относится к такого рода сочинениям.

Исходя из контекста, Ёсида предложил поместить фрагмент L 81 в начало истории, за ним фрагменты L 52 и L 89, затем — SI 5609, а сразу после него — L 49 (Yoshida 2019: 153)³⁸. Собственно, изломы в центре самого большого фрагмента и ширина остальных сохранившихся листов позволяют расположить их в таком (или несколько ином) порядке, за исключением стоящего особняком, с большим расстоянием от других, фрагмента L 81 (со склейкой). Возможно, однако, что искать логику в последовательности сохранившихся рассказов и не нужно, поскольку версии подобных буддийских сочинений, в том числе «Сутры о мудрости и глупости», отличались одна от другой порядком расположения своих повествований, что следует из сравнения тибетской версии (русский перевод: Парфионович 2002) и китайской (см. таблицу имен китайской редакции, расписанных по 69 главам: Maig 1993: 77–95). Такого рода сочинения являлись лишь сборником рассказов — джатак и авадан — «на тему», при этом многие рассказы могли первоначально иметь хождение в качестве самостоятельных текстов³⁹.

Таким образом, уточнить чтение указанных согдийских фрагментов путем их сложения не удается. Однако их размеры и характер повреждений позволяют утверждать, что они, хотя и не соединяются друг с другом непосредственно, относятся к одному свитку, содержащему сутру, которая могла быть сборником буддийских дидактических сочинений и занимательных рассказов, сравнимым с «Сутрой о мудрости и глупости». Что касается происхождения согдийской версии «Сутры», то она, как и многие другие буддийские сочинения, могла быть переведена с санскрита или праkrita: история сложения китайской версии этого сочинения не позволяет предположить перевод с китайского.

В любом случае речь идет о фрагментах свитка, содержащего уникальную редакцию буддийского сочинения. Изучение подобных текстов дает возможность познакомиться с буддийскими школами, чьи каноны не сохранились: по мнению Ёсиды, согдийские турфанские тексты относятся к школе муласарвастивадинов (Yoshida 2019: 159–160). Десять согдийских фрагментов буддийской сутры из рукописного фонда Института восточных рукописей РАН являются источником как для исследования неканонических буддийских текстов, так и для изучения фольклорных и литературных сюжетов, распространенных на территории Восточного Туркестана.

³⁸ Конечно, определить структуру текста помогло бы чтение уйгурского отрывка на стороне verso, но пока такой возможности нет.

³⁹ По этой причине необязательно ставить рассказ об Упаке (L 40) перед историей о состязании (SI 5609) только на том основании, что в нем назван царь Бимбисара, тогда как в тексте «Ангуттараникая», где также упомянут Упака, последний отправился к царю Аджатасатре, сыну Бимбисары. В тибетской версии «Сутры о мудрости и глупости» рассказ о царе Аджатасатре имеется в шестой главе, а о его отце Бимбисаре — в тринадцатой.

Литература

- Избранные сутры 1999 — Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. Отв. ред. Е.А. Торчинов. СПб.: Наука, 1999.
- Лившиц 2008 — *Лившиц В.А.* Согдийско-буддийский фрагмент Kr IV/879 № 4263 из рукописного собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 335–340.
- Парфионович 2002 — *Парфионович Ю.М.* Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / Пер. с тиб., введение и коммент. Ю.М. Парфионовича. 2-е изд. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2002 (1-е изд. — 1978).
- Рагоза 1980 — *Рагоза А.Н.* Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения / Факсимиле. Издание текстов, чтение, пер., предисл., примеч. и глоссарий. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.
- Шохин 1997 — *Шохин В.К.* Первые философы Индии. М.: Ладомир, 1997.
- Basham 1951 — *Basham A.L.* History and Doctrines of the Ajīvikas, a Vanished Indian Religion. London: Luzac & Company LTD, 1951.
- Livshits 1996 — *Livshits V.A.* Sogdian Buddhist Fragment Kr IV/879 No. 4263 from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // *Manuscripta Orientalia*. Helsinki; St. Petersburg, 1996. Vol. 2. No. 2. P. 3–8.
- Livshits 2015 — *Livshits V.A.* The Sogdian Buddhist Fragment Kr IV/ 879 No. 4263 from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e // *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Part II. Inscriptions of the Seleucid & Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. London, 2015. Vol. III: Sogdian. P. 255–260.
- MacKenzie 1976 — *MacKenzie D.N.* The Buddhist Sogdian Texts of the British Library // *Acta Iranica*. Téhéran; Liège, 1976. Vol. 10.
- Mair 1993 — *Mair V.H.* The Linguistic and Textual Antecedents of *The Sūtra of the Wise and the Foolish* // *Sino-Platonic Papers*. 38. Philadelphia (USA): Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, April 1993.
- Rosenberg 1918 — *Rosenberg F.* Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touenhouang (Mission S. d'Oldenburg 1914–1915). I. Fragment d'un conte // *Известия РАН*. 1918. XII. 9. P. 817–842.
- Sims-Williams 1981 — *Sims-Williams N.* The Sogdian Fragments of Leningrad // *BSOAS*. 1981. 44. P. 231–240.
- Yoshida 2019 — *Yoshida Yu.* On the Sogdian *Prātihārya-sūtra* and the Related Problems. One Aspect of the Buddhist Sogdian Texts from Turfan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2019. Vol. 72 (2). P. 141–163.

References

- Basham A.L. *History and Doctrines of the Ajīvikas, a Vanished Indian Religion*. London: Luzac & Company LTD, 1951 (in English).
- Izbrannyye sutry kitayskogo buddizma* [Selected Sutras of Chinese Buddhism]. Per. s kitayskogo D.V. Polovtzeva, K.Yu. Solonina, E.A. Torchinova. Отв. ред. Е.А. Торчинов. St. Petersburg: Nauka, 1999 (in Russian).
- Livshits V.A. “Sogdian Buddhist Fragment Kr IV/879 No. 4263 from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies”. *Manuscripta Orientalia*. Helsinki–St. Petersburg, 1996, vol. 2, no. 2, pp. 3–8 (in English).
- Livshits V.A. “Sogdiisko-buddiiskii fragment Kr IV/879 No. 4263 iz rukopisnogo sobraniia Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta vostokovedeniia RAN” [Sogdian Buddhist Fragment Kr IV/879

- 4263 from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies RAS]. In: *Sogdiiskaia epigrafika Srednei Asii i Semirech'ia*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008, pp. 335–340 (in Russian).
- Livshits V.A. “The Sogdian Buddhist Fragment Kr IV/879 no. 4263 from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e”. In: *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Part II. Inscriptions of the Seleucid & Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. London, 2015, vol. III: Sogdian, pp. 255–260 (in English).
- MacKenzie D.N. “The Buddhist Sogdian Texts of the British Library”. *Acta Iranica*. Téhéran–Liège 1976, vol. 10 (in English).
- Mair V.H. “The Linguistic and Textual Antecedents of *The Sūtra of the Wise and the Foolish*”. In: *Sino-Platonic Papers*. 38. Philadelphia (USA): Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, April 1993 (in English).
- Parfionovich Yu.M. *Sutra o mudrosti i gluposti (Dzanlundo)* [The Sutra of the Wise and the Foolish]. Perevod s tibetskogo, vvedenie i kommentarii. 2-e izd. Moscow: Vostochnaia Literatura Publishers, 2002 (1st ed. 1978) (in Russian).
- Ragoza A.N. *Sogdiiskie fragmenty central'noaziatskogo sobraniia Instituta vostokovedeniia* [Sogdian Fragments of the Central Asian Fund of the Institute of Oriental Studies Collection]. Moscow: Nauka, Glavnaiia redaktsiia vostochnoi literatury, 1980 (in Russian).
- Rosenberg F. “Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg 1914–1915). I. Fragment d'un conte”. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii Nauk*. 1918, XII, 9, pp. 817–842 (in French).
- Shohin V.K. *Pervye filosofy Indii* [First Philosophers of India]. Moscow: Ladomir, 1997 (in Russian).
- Sims-Williams N. “The Sogdian Fragments of Leningrad”. *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*. 1981, 44, pp. 231–240 (in English).
- Yoshida Yu. “On the Sogdian *Prātihārya-sūtra* and the Related Problems. One Aspect of the Buddhist Sogdian Texts from Turfan”. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2019, vol. 72 (2), pp. 141–163 (in English).

Sogdian Fragments of a Buddhist Sutra

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 3 (issue 39), pp. 41–59)

Received 23.09.2019.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation;
St. Petersburg State University;
Universitetskaia naberezhnaia 7/9, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

The article deals with ten Sogdian fragments from the Department of Manuscripts of IOM RAS. Their handwriting, appearance and specific folds and defects indicate that they are parts of the same manuscript. Their content and similarity to other Buddhist writings suggest that they belong to a collection of Buddhist narratives similar to the famous “The Sutra of the Wise and the Foolish”.

Key words: Sogdian, Buddhist sutra, the Department of Manuscripts of IOM RAS.

About the author:

Olga M. Chunakova, Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS; Prof., Department of Iranian Philology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (ochunakova@inbox.ru).

О тибетском ксилографе из Хара-Хото в собрании ИВР РАН*

А.В. Зорин

Институт восточных рукописей РАН

А.А. Сизова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S181180621904006X

В фонде тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН имеются фрагменты небольшого ксилографического сборника (основная часть собрана под шифром ХТ-67), давно привлекающего внимание ученых. Причина этого внимания состоит в том, что он является самым первым датированным (сер. XII в.) ксилографом на тибетском языке (более ранние образцы из Дуньхуана и Турфана используют тибетские буквы для передачи санскритских мантр). Кроме того, ХТ-67 представляет собой кодекс и поэтому не раз упоминался в работах, посвященных истории тибетской книги. В данной статье: 1) представлена история изучения ксилографа, связанная с выявлением аналогичных изданий на китайском и тангутском языках; 2) охарактеризована необычная форма брошюровки ХТ-67 (кодекс западного типа вместо ожидаемой «бабочки»); 3) впервые указано на то, что все фрагменты ксилографа (ХТ-67 с одной стороны и ХТ-63 и ХТ-68 с другой стороны) принадлежат одному ксилографическому изданию, причем, весьма вероятно, одному и тому же его экземпляру; часть, представленная ХТ-63 и ХТ-68, использовалась отдельно (предположительно в качестве оберега).

Ключевые слова: Хара-Хото, тибетская кодикология, ксилографы на тибетском языке, книжная культура тангутов, император Жэнь-цзун.

Статья поступила в редакцию 11.11.2019.

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kawi@yandex.ru).

Сизова Алла Алексеевна, младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (al.la.sizova@yandex.ru).

© Зорин А.В., 2019

© Сизова А.А., 2019

Одним из наиболее известных текстов на тибетском языке, хранящихся в коллекции ИВР РАН, является ксилограф ХТ-67 тангутского происхождения, надежно датируемый серединой XII в. и потому привлекающий большое внимание специалистов со всего мира, — до недавнего времени более ранних ксилографов на тибетском языке выявлено не было¹. Интерес вызывали и формат ксилографа, определяемый как кодекс, и выявленная впоследствии связь с аналогичными ксилографами на китайском и тангутском языках. Наше исследование коллекции тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН позволяет нам добавить некоторое количество новых фактов и систематизировать сведения об этом действительно чрезвычайно важном памятнике тибетоязычной книжной культуры. Сама история его изучения, как нам кажется, также заслуживает рассмотрения.

Стоит отметить, что речь пойдет не об одной единице хранения, а о трех (ХТ-63, ХТ-67, ХТ-68)², из которых вторая содержит фрагменты одного экземпляра ксилографа, а первая и третья — по всей вероятности, фрагменты другого экземпляра, хотя нельзя полностью исключать, что они некогда составляли единое целое. Мы также привлекаем к рассмотрению экземпляры китайской и тангутской версий ксилографа, имеющиеся в собрании ИВР РАН. Для лучшего восприятия информации, особенно при изложении истории изучения памятника, приводим таблицу соответствий названий текстов, входящих в состав сборника в последовательности: тангутский — китайский — тибетский (в соответствии с ксилографами) — русский (в нашем переводе).

¹ Ситуация несколько переменялась после того, как в 2016 г. М. Капстейн выявил в коллекции дунхуанских текстов П. Пельо из собрания Национальной библиотеки Франции большой ксилографический лист с так называемым защитным кругом, где слоги индийских *дхарани* напечатаны тибетскими буквами. Этой находке был посвящен доклад М. Капстейна “The Earliest Example of Printing in the Tibetan Script: Remarks on a Dhāraṇī-amulet from Dunhuang”, прочитанный 3 сентября 2016 г. на конференции “The Written Legacy of Dunhuang”, прошедшей в ИВР РАН. Данный лист можно считать самым ранним выявленным ксилографом с использованием тибетской графики. Кроме того, среди турфанских находок имеются многочисленные оттиски мантры YE DNARMA (на одном листе каждый), радиоуглеродный анализ одного из них (из собрания Отани в коллекции Университета Рюкоку) показал, что лист был отпечатан между 880 и 1140 гг. По мнению С. ван Шайка, датировка XI–XII вв. представляется наиболее вероятной (Schaik 2016: 187). В то же время, если говорить о текстах именно на тибетском языке, ксилограф, о котором идет речь в данной статье, остается самым ранним из известных нам.

² Строго говоря, о четырех, так как имелся еще ХТ-64. Однако уже Г.А. Леонов отмечал, что в сущности этой единицы хранения нет: «Во время инвентаризации фонда часть листов из ксилографа ХТ-67 были занесены в инвентарную книгу под номером ХТ-64, но на тех листах, которые значатся в описи под этим шифром, шифр ХТ-64 не проставлен» (Леонов 1970: 60). Поскольку данный шифр как бы растворился внутри ХТ-67, мы для краткости и во избежание путаницы будем использовать только это обозначение.

текста посвящены бодисатве Авалокитешваре, его всепобеждающему милосердию, а также пользе заклинаний, имеющих отношение к этому бодисатве» (Леонов 1970: 63). Хотя текстов в сборнике оказалось три, а не два, и второй из них (не отделенный Г.А. Леоновым от первого) не имеет отношения к культуре Авалокитешвары⁵, в целом это первичное описание сыграло свою роль в последующем использовании данной единицы хранения в научной и выставочной работе.

Прославилась она благодаря выставке экспонатов Эрмитажа “Lost Empire of the Silk Road”, прошедшей с 25 июня по 31 октября 1993 г. в Швейцарии при поддержке фонда Музея Тиссена-Борнемиса. На ней предметы буддийского искусства из Хара-Хото экспонировались вместе с соответствующими книгами из СПбФ ИВ РАН (ныне ИВР РАН), в том числе был представлен ксилограф ХТ-67, который к выставке был отреставрирован и помещен в специально изготовленную для него упаковку (в которой хранится и поныне).

Описание ХТ-67 для каталога выставки подготовил Л.С. Савицкий. Вслед за Г.А. Леоновым он объединил два первых сочинения сборника в одно, указав, что ХТ-67 содержит два текста⁶. Он, однако, сумел идентифицировать в составе сборника текст, посвященный Ушнишавиджае: на него указывает колофон, фрагмент которого имеется в ХТ-67. Таким образом, если Г.А. Леонов правильно указал на наличие текста, посвященного Авалокитешваре (первый текст сборника), то Л.С. Савицкий опознал текст по культуре Ушнишавиджаи (второй текст сборника). По поводу третьего (второго в понимании их обоих) текста Л.С. Савицкий мог сказать очень немного, поскольку в его распоряжении имелась только небольшая его часть. В качестве иллюстрации к описанию ксилографа в каталоге выставки было использовано фотоизображение листа 11 (Lost Empire 1993: 278).

Два года спустя после выхода каталога М.И. Воробьева-Десятовская опубликовала обзорную статью о древних тибетских текстах из собрания СПбФ ИВ РАН, в которой ограничилась краткой характеристикой данного ксилографа: “a Buddhist canonical text, a block-printed copy-book made by a Chinese engraver” (Vorobyova-Desyatovskaya 1995: 47). Очевидно, вопрос о составе сборника и тогда еще оставался не проясненным.

В 1996 г. вышел перевод каталога выставки на китайский язык (Сяоши дэ ванго 1996), что определенно привлекло интерес к ХТ-67 со стороны коллег из КНР и Японии. В течение первого десятилетия нового столетия они внесли значительный вклад в разработку связанных с этим ксилографом вопросов.

Сираи Сатоко в 2004 г. опубликовала работу, посвященную первому из трех сочинений ХТ-67, а именно дхарани-сутре Авалокитешвары. Ею были представлены транслитерация тибетского текста и его перевод на японский язык, а также исследование лингвистических особенностей данного варианта текста в сравнении с его вариантами из Пекинского и Дэргэского канона (Сираи 2004).

Тангутовед Ши Цзиньбо в статье «Краткое исследование самых ранних тибетских ксилографов» (Ши 2005) уделил особое внимание ХТ-67, а также ХТ-63 и ХТ-68 как образцам книг-«бабочек». Говоря об их содержании, он высказал мнение, что ХТ-67 мог включать многочисленные описания ритуалов, при этом также идентифицировал первый текст, приведя его название на китайском языке. Кроме того, он упомянул

⁵ В описании указано, что второй текст «начинается на странице 54 (1)».

⁶ При этом Л.С. Савицкий отмечал, что в действительности текстов могло быть больше, но судить об этом невозможно из-за лакун в ксилографе.

переводчика Джаянанду (подробнее о нем см.: Kuiper 1993), чье имя содержится в колофоне второго текста⁷.

Из статьи Ши Цзиньбо нельзя было узнать о том, что среди тангутских книг имеется полный аналог тибетского ксилографа. Вероятно, поэтому его коллега Сунь Боцзюнь в своей статье о тангутской версии дхарани Ушнишавиджаи, тибетский эквивалент которой входит в рассматриваемый сборник, не упоминает о существовании ХТ-67 (Сунь 2006).

Прорывной публикацией стала статья Шэнь Вэйжуна, основанная на его докладе на парижском семинаре «Edition, éditions: l'écrit au Tibet, évolution et devenir» в мае 2008 г. В ней он впервые указал на наличие китайского эквивалента ксилографа (Shen 2010). Он первым четко идентифицировал второй текст в сборнике как вариант дхарани-сутры Ушнишавиджаи, не дошедший до нас в составе тибетского буддийского канона, и также указал китайские названия сочинений. Он никак не охарактеризовал третий текст сборника, поскольку это, по-видимому, не входило в задачи его статьи. Однако для владеющих русским языком исследователей было бы достаточно указанных им шифров соответствующих китайских ксилографов в петербургском собрании (ТК-164 и ТК-165), чтобы получить недостающую информацию из каталога Л.Н. Меньшикова.

Согласно этому каталогу, третий текст в китайском ксилографе представляет собой «послесловие-колофон императора Жэнь-цзуна (仁宗 1139–1193)... Дата издания утрачена. По-видимому, не раньше третьей годовщины со дня смерти Чун-цзуна (1141) и не позже смерти императрицы Цао (曹氏), которая упомянута как покойная в колофоне 1167 г. (см. № 182). Указанный титул Жэнь-цзун получил от государства Цзинь в 1141 г., эта дата — наиболее вероятная дата издания» (Меньшиков 1984: 225)⁸.

Поскольку ХТ-67 имеет существенные лакуны в соответствующей части, мы не можем быть абсолютно уверены в идентичности содержания тибетского текста послесловия китайскому образцу, но ее вероятность очень высока. Косвенно на это указывает и совпадение последнего с аналогичным ксилографом на тангутском языке.

В описании ТК-164 и ТК-165 Л.Н. Меньшиков дал ссылку на № 83 каталога тангутских текстов (Горбачева, Кычанов 1963: 96). Данный номер объединяет фрагменты двух различных ксилографических изданий и одной рукописи дхарани-сутры Авалокитешвары (старые инв. № 6841, 6881, 7054), выявленные на тот момент в тангутском фонде (современные шифры Tang. 83/1–3). В одном из них (Tang. 83/1) есть гравюра с изображением Одиннадцатиликого Авалокитешвары, аналогичная (но не идентичная) той, что имеется в ТК-164. Наличие этой гравюры, однако, недостаточно,

⁷ Помимо публикации на китайском языке имеется электронная версия перевода статьи Ши Цзиньбо на английский язык (http://www.chinabuddhismencyclopedia.com/en/index.php/A_study_of_the_Earliest_Tibetan_Woodcut_Copies). Публикация снабжена двумя фотографиями низкого качества: 1) полного разворота л. 53; 2) левой части л. 54 (с колофоном второго текста) и правой стороной л. 56, положенных вместе так, будто это разворот одного листа.

⁸ К сожалению, Шэнь Вэйжун в своей статье в критическом духе высказался о каталоге Л.Н. Меньшикова, причем из этого высказывания ясно следует, что он его не читал: “As a piece of sinological work, this catalogue is certainly excellent in its own way. However, the author was not able to convey the full value of these texts for Buddhist studies. He did not pay enough attention to *a great number of manuscripts with tantric Buddhist content* (выделено нами). Instead he relegated all of them to the amorphous category of ‘indigenous works’ ” (Shen 2010: 343). Любой человек, который владеет русским языком, с легкостью поймет, что это ложное утверждение, поскольку в каталоге содержится большой подраздел «Тантрические тексты (gāthā, dhāraṇī)» (Меньшиков 1984: 234–247).

чтобы рассматривать данные ксилографы (Танг. 83/1–2) как другие варианты издания сборника: в обоих экземплярах нет ни единого фрагмента иных текстов⁹.

Между тем, как впоследствии выяснилось, в тангутском фонде имеется издание, полностью аналогичное ТК-164 и ТК-165, — это Танг. 109 (старые инв. № 6796, 6821). В первом тангутском каталоге оно числилось под № 328 (Дабэйсинь цзе дэ 大悲心皆德 — «Махакаруна[-дхарани] вместе с добродетелью [= пользой]») (Горбачева, Кычанов 1963: 115). Стоит учитывать, что многие китайские названия (в том числе для № 328) в каталоге представляют собой «простую подстановку известных китайских эквивалентов для каждого тангутского знака в порядке их следования в тангутском оригинале» (Горбачева, Кычанов 1963: 27) и получившиеся в результате синтетические названия не всегда были хорошо узнаваемыми, что затрудняло поиск эквивалентов для китайских текстов из Хара-Хото.

Впервые, насколько нам известно, на связь Танг. 109 и китайского ксилографа указал С. Аракава в предисловии к «Каталогу тангутских буддийских памятников» (Кычанов 1999: XXV–XXVI)¹⁰. В тангутском тексте содержится точная датировка издания: «...текст был роздан народу императором Жэнь-сяо I титул 1 / в первом году девиза царствования Небесное процветание под циклическими знаками земли-змеи (в 1149 г.)» (Кычанов 1999: 581). С. Аракава полагает, что та же датировка применима к китайскому изданию, в котором, однако, соответствующее место в тексте не сохранилось. Вероятно, этот тезис относится и к ХТ-67.

Первым в мировой науке связь между китайским и тангутским изданиями сборника, с одной стороны, и тибетским, с другой стороны, выявил китайский исследователь Шэнь Вэйжун. Хотя в его статье отсутствует указание на то, что в петербургской коллекции тангутских текстов имеется полный эквивалент ТК-164 и ТК-165, в своем парижском докладе он говорил о трех версиях сборника (тангутском, китайском и тибетском). Это запротоколировала Х. Стоддарт, изложившая некоторые тезисы выступления китайского ученого в статье, опубликованной в том же сборнике, что и его собственная работа (Stoddard 2010: 365). Но все же первая четкая фиксация факта наличия трех версий сборника в научной литературе содержится в статье тангтоведа Дуань Юйцюаня (Дуань 2010: 29). Следуя указанию Шэнь Вэйжуна, он включил текст ХТ-67 в исследование определенных аспектов тангутской версии дхарани Ушнишавиджайи. Им были использованы отдельные фрагменты тибетского ксилографа, а именно правая часть л. 49 и л. 50–53 (Дуань 2010).

Итак, к 2010 г. было установлено, что ХТ-67 имеет эквиваленты среди тангутских и китайских ксилографов, поэтому полный ксилограф должен был состоять из двух дхарани-сутр (первая представлена в Кагьюре, вторая не имеет точного эквивалента в тибетском буддийском каноне) и послесловия-колофона за авторством тангутского императора Жэнь-цзуна. Несмотря на отсутствие соответствующих частей тибетского ксилографа, можно с высокой долей уверенности предположить, что тибетский ксилограф был изготовлен примерно в то же время, что китайский и тангутский, т.е., по-

⁹ Благодарим японскую коллегу С. Хаманаку (Университет Васэда) за помощь в анализе этих фрагментов.

¹⁰ Отметим, что в каталоге 1999 г. Танг. 109 (ст. инв. 6796, 6821) описан не полностью. Помимо замечаний С. Аракавы в предисловии, он содержит только характеристику второго текста — дхарани-сутры Ушнишавиджайи (Кычанов 1999: 581). Первый текст (дхарани-сутра Авалокитешвары) нигде не описан, хотя фрагментарно сохранился; не указано наличие послесловия как отдельной структурной единицы сборника. Позднее тангутский и китайский тексты послесловия вместе с дхарани-сутрой Ушнишавиджайи издала Линь Инцзинь [Линь 2011].

видимому, около 1149 г. В своей статье Шэнь Вэйжун отметил, что идентификация ХТ-67 с китайскими ксилографами позволяет точно его датировать (Shen 2010: 357), однако сам эту дату не опубликовал. За него это сделали Х. Стоддарт, которая зафиксировала его указание на возможность датировать ксилограф серединой XII в. (Stoddard 2010: 365), а также К. Шеффер, согласно которому Шэнь Вэйжун в своем докладе назвал точную дату — 1153 г. (Schaeffer 2009: 9, 165–166). К сожалению, мотивировка именно этой даты остается никак не проясненной. В отличие от дхарани-сутр, которые становились предметом текстологического анализа Сираи Сатоко и Дуань Юйцюаня, тибетский текст послесловия (точнее, его фрагменты) ни тогда, ни в последующие годы не публиковался и не исследовался. Это должно стать темой отдельной статьи.

Вопросы кодикологии

Уже в описании Г.А. Леонова ксилограф ХТ-67 был охарактеризован как «бабочка», а ХТ-63 и ХТ-68 — как «гармоника, складывающаяся по горизонтали» (Леонов 1970: 8, 59, 61). В каталоге выставки 1993 г. Л.С. Савицкий также описал ХТ-67 как «бабочку» (“butterfly” book). Ши Цзиньбо обозначил все три единицы хранения как «бабочки». По мнению Т. Такэути и М. Иути, опубликованному Х. Стоддарт, ХТ-67 представляет собой несброшюрованный кодекс (unbound codex), или «гармонику», при этом сама Х. Стоддарт называет его «первой сброшюрованной тибетской книгой в формате западного типа» (the first stitched Tibetan book in Western-style format) (Stoddard 2010: 363–365). Наконец, А. Хельман-Важны в своей монографии по истории тибетской книги как феномена материальной культуры сочла ХТ-67, равно как ХТ-63/68, образцами «бабочки» (Helman-Ważny 2014: 67–69)¹¹. Впрочем, в более поздней работе она характеризует эту книгу как «брошюру... состоящую из 12 двухчастных листов, сложенных вдвое» (“booklet... composed of 12 bi-folios folded in half”) (Helman-Ważny 2016: 537–538). Попробуем разобраться в этом вопросе, по которому, как мы видим, имеются разные суждения.

ХТ-67 состоит из 23 склеенных по всей площади пар страниц. Такие склеенные пары в европейском понимании образуют листы в кодексе, и действительно внешне ХТ-67 трудно охарактеризовать иначе: это не только не «гармоника», но и не «бабочка», отличительной особенностью которой является наличие пустых разворотов, перемежающихся с разворотами, заполненными текстом или иллюстрациями.

Стоит, однако, отметить, что в данном случае европейскому листу эквивалентна именно склеенная пара страниц. Дело в том, что ХТ-67 вполне мог быть сброшюрован в виде «бабочки»: в книгах такого типа под «листом» понимается *разворот*, у которого есть свой номер. Он обычно проставляется на *байкоу* — специально отведенном пространстве в месте сгиба листа между левой и правой половинами/страницами (Кычанов 1988: 391). Формальное единство в случае с тибетским ксилографом подчеркивается компоновкой текста: строки в левой и правой частях не являются отдельными единицами, а составляют единые строки. Если левая или правая часть отсутствует, все строки оказываются наполовину оборваны.

Нет сомнений, что все сдвоенные пары страниц в составе ХТ-67 когда-то представляли единое целое: хотя сейчас они в основном отсоединены друг от друга, несколько листов-разворотов дошли до нас без разрывов. Сохранность листов довольно

¹¹ В книге опубликовано фотоизображение листа 52 ХТ-67. ХТ-63/68 упоминается коротко, при этом данный текст по неясной для нас причине назван рукописью (Helman-Ważny 2014: 67).

хорошая, и фолиация на *байкоу* присутствует во всех случаях, причем она продублирована в нижнем поле¹², что позволяет четко нумеровать листы. Итак, в нашем распоряжении имеются правая часть л. 2, л. 3–5, левая часть л. 6; правая часть л. 9, л. 10–12, левая часть л. 13; правая часть л. 23, л. 24–26, левая часть л. 27 (фрагменты текста 1); правая часть л. 34, левая часть л. 35, правая часть л. 37, левая часть л. 38, правая часть л. 49, л. 50–53, левая часть л. 54 (фрагменты текста 2); правая часть л. 56, л. 57–58, левая часть л. 59, правая часть л. 60, левая часть л. 61 (фрагменты текста 3)¹³.

Таким образом, ХТ-67, безусловно, представляет собой очень необычную форму тибетской книги — брошюру со склеенными листами без прошивки, типичной для книг тетрадного типа.

Что касается ХТ-63 и ХТ-68 (напоминаем, что это части одного целого), то они действительно представляют собой фрагменты «гармоники»: два с половиной листа-разворота, т.е. пять страниц из десяти имеющихся, сохранили именно эту форму брошюровки. Края всех страниц заметно деформированы, *байкоу* отсутствует, однако листы поддаются нумерации (см. далее).

То, что наш ксилограф вполне мог иметь как форму «бабочки», так и форму «гармоники», видно на примере экземпляров китайского и тангутского вариантов ксилографа в собрании ИВР РАН. В частности, ТК-164 представляет собой стопку отреставрированных листов китайского ксилографа, каждый из которых содержит полный оттиск одного листа (= разворота). Поля у листов довольно широкие, и с первого взгляда может показаться, что они вообще не подвергались брошюровке. Однако на каждом из них отчетливо виден сгиб, так что, возможно, до реставрации они образовывали книгу — весьма вероятно, «бабочку». Именно этой формой, по нашему мнению, обладают второй экземпляр китайской версии (ТК-165) и тангутское издание (Tang. 109/3, старые инв. № 6796, 6821). У обоих сохранились следы конкретного способа брошюровки: в ТК-165 на внешних сторонах листов сохранились узкие полоски бумаги, с помощью которых происходила склейка, а у Tang. 109/3 — маленький фрагмент прошивки синей нитью (Кычанов 1999: 581).

По аналогии с этими ксилографами можно заметить, что и упоминавшиеся выше тангутские издания дхарани-сутры Авалокитешвары (Tang. 83/1 и Tang. 83/2, старые инв. № 6841, 6881) имеют четко выраженную форму «гармоники». Как уже было отмечено, Tang. 83/1 содержит гравюру на одном полном листе (т.е. на двух страницах), аналогичную одной из гравюр в ТК-164, где имеется еще две гравюры¹⁴. В ТК-165 и

¹² В обоих случаях используются китайские цифры.

¹³ Тот же список можно представить в виде пар склеенных страниц следующим образом (правая и левая части листов обозначены буквами «п» и «л»):

I. 2п–3л, 3п–4л, 4п–5л, 5п–6л, 9п–10л, 10п–11л, 11п–12л, 12п–13л, 23п–24л, 24п–25л, 25п–26л, 26п–27л;

II. 34п–35л, 37п–38л, 49п–50л, 50п–51л, 51п–52л, 52п–53л, 53п–54л;

III. 56п–57л, 57п–58л, 58п–59л, 60п–61л.

¹⁴ Все три гравюры напечатаны на целых листах (ниже дается краткое описание левой и правой сторон).

Гравюра 1: в левой части — Одиннадцатиликий Великосострадательный Авалокитешвара, который сидит в *ваджрасане* на лotosовом троне с двумя рядами лепестков, в основании трона в центре расположен слог *hrīḥ* (письмо пала), справа и слева от него две дакини с подношениями; в правой части — четыре бодхисаттвы, обращенные лицом к Авалокитешваре.

Гравюра 2: в левой части — Ушнишавиджая, которая сидит на лotosовом троне внутри богато декорированной *чайтхи*, в основании трона в центре расположен слог *hūṃ*, в пространстве над *чайтхей* изображены справа и слева две дакини с подношениями; в правой части — четыре бодхисаттвы, обращенные лицом к Ушнишавиджае, в пространстве над ними парят предметы, символизирующие различные типы подношений.

Tang. 109/3 гравюр нет. Мы можем только гадать, имелись ли они в тибетской версии ксилографа.

Укажем в заключение данного раздела еще на одно суждение, которое до недавнего времени, как мы знаем из личных бесед с некоторыми зарубежными коллегами, интересовало исследователей. Дело в том, что в своей статье Шэнь Вэйжун по не вполне понятным причинам приписал Ши Цзиньбо утверждение, будто ХТ-67 представляет собой самый ранний образец использования подвижного деревянного тибетского шрифта (Shen 2010: 356–357). В статье Ши Цзиньбо (ни в китайском оригинале, ни в английском переводе) такого утверждения мы не обнаружили¹⁵. И в любом случае с ним невозможно было бы согласиться: буквы и лигатуры тибетского ксилографа напечатаны таким образом, что не позволяют представить использование единых клише для них¹⁶.

Один экземпляр или два?

До этого момента мы не касались вопроса соотношения ХТ-67 и ХТ-63/68. С точки зрения содержания, второй текст вообще не рассматривался в научной литературе. Между тем он, вне всяких сомнений, содержит фрагменты того же самого ксилографа, что и ХТ-67, причем такие фрагменты, которые в последнем отсутствуют. Это обстоятельство дает возможность идентифицировать номера листов в ХТ-63/68, которые на самих листах не сохранились¹⁷: здесь имеются правая часть л. 40, л. 41–44 и правая часть л. 45¹⁸.

Речь идет о нескольких листах из дхарани Ушнишавиджайи — тексте чрезвычайно популярном в качестве магического оберега от всевозможных неприятностей. В связи с этим привлекает внимание, что, судя по внешнему виду (помятость, сильная деформация краев и т.п.), ХТ-63/68 использовался куда активнее, нежели ХТ-67. Кроме того, здесь содержатся сакральные формулы (дхарани), т.е. ключевой элемент текста с точки зрения буддийского культа. Поэтому мы вполне допускаем, что некто мог вынуть из ксилографа данный фрагмент для личного использования — например, для ношения в нательном мешочке и т.п. В сущности, мы почти не сомневаемся, что так именно и обстояло дело, но вопрос состоит в том, был ли это тот же самый экземпляр, к которому относится ХТ-67.

Гравюра 3: в левой части изображен Будда на лotosовом троне, руки сложены в *дхармачакрамудре*; за ним — древо бодхи, по бокам двое учеников (Ананда и Махакашьяпа) и двое бодхисаттв; в правой части — восемь божеств планет.

¹⁵ Обращает на себя внимание, что Шэнь Вэйжун в списке литературы к своей статье переводит на английский язык название статьи Ши Цзиньбо как “Notes on the Earliest Printed Tibetan Texts by Using the Technology of Wooden Movable Type”, между тем как в китайском названии (Цзуйцао дэ цзанвэнь мукэбэнь каолюэ 最早的藏文木刻本考略) нет слов об *использовании технологии деревянного подвижного шрифта*. Показательно, что в английском переводе статьи название дано сообразно китайскому тексту — “A study of the Earliest Tibetan Woodcut Copies”. Более того, Шэнь Вэйжун неверно указывает номера страниц статьи Ши Цзиньбо, перепутав их с номерами страниц другой статьи того же автора, изданной в совершенно другом номере журнала “China Tibetology”.

¹⁶ Некоторые дополнительные аргументы против этой гипотезы см. (Helman-Ważny 2014: 69).

¹⁷ Как отмечалось выше, *байкоу* на этих листах отсутствует, а дублирующая фолиация не видна то ли из-за деформации краев, то ли потому, что она осталась ниже линии обреза; исключение — л. 40п и 42, где видна цифра 4.

¹⁸ Из них форму «гармоники» сохраняет последовательность из пяти страниц: 41л, 41п, 42л, 42п, 43л.

Несмотря на всю логичность такого допущения, мы не можем утверждать этого наверняка. Если приложить листы ХТ-67 и ХТ-63/68 друг к другу, выровняв их по рамке с текстом, мы увидим, что нижние поля у них не совпадают: у ХТ-67 оно заметно шире (см. ил.). Кроме того, две части имеют разную форму брошюровки. Конечно, можно допустить, что по какой-то причине владелец ХТ-63/68 дополнительно обрезал листы снизу. Это вполне могло иметь место — например, если требовалось уменьшить формат книги для помещения ее в ладанку и т.п. Формат брошюровки также, конечно, можно было поменять при желании. Другое гипотетическое предположение может быть следующим: имелась стопка отпечатанных листов (по типу китайского ТК-164), и из них были вырезаны две порции листов с разной шириной полей, которые и сброшюрованы могли быть по-разному. Тем не менее приходится констатировать, что это не более чем гипотезы и при всей значительности содержательного аспекта (отсутствие в ХТ-67 фрагментов, которые есть в ХТ-63/68) указанные отличия формального характера могут свидетельствовать о том, что ХТ-63/68 принадлежал другому экземпляру ксилографа.

Попытаемся оценить наконец, какой объем исходного текста ксилографа имеется в нашем распоряжении. Прежде всего скажем, что к фрагментам ХТ-67 и ХТ-63/68 необходимо добавить еще две с небольшим страницы. Одна целая страница ксилографа (правая часть листа 36) оказалась в коллекции А. Стейна в Британской библиотеке (Takeuchi 1997–1998: № 674). Судя по тому, что на странице внизу справа имеется номер листа, она относится к тому же экземпляру, что ХТ-67. В 2019 г. в процессе инвентаризации Сериндийского фонда ИВР РАН был выявлен небольшой фрагмент ксилографа, а именно левая часть л. 39 (на основании сопоставления фрагмента с рукописью ХТ-126, содержащей текст 2). Еще одна страница, которая должна быть отнесена к ХТ-63/68 (мы идентифицируем ее как левую часть л. 40), находится среди разрозненных материалов тибетского фонда ИВР РАН. Она была опубликована Х. Стоддард (по фотографии, предоставленной В.Л. Успенским) (Stoddard 2010: 364). Ее еще предстоит вновь выявить в ходе продолжающейся инвентаризации фонда.

Из имеющихся у нас фрагментов ксилографа последним является л. 61. Таким образом, речь идет о 122 страницах, из которых нам доступны только 57, т.е. менее 47%. Эта доля в действительности должна быть еще меньше, так как текст был длиннее: окончание послесловия императора Жэнь-цзуна не сохранилось, и точное количество листов в нем сейчас установить невозможно. В самом послесловии говорится, что сборник был отпечатан в количестве 17 000 экземпляров¹⁹. Поразительно, что от этого гипотетического изобилия до нас дошло меньше половины одного экземпляра текста.

¹⁹ Не вполне ясно, к чему относится это число — к общему количеству изданий сборника на всех трех языках, тангутском, китайском и тибетском, или только тибетоязычному изданию. Примечательно, что в тангутской и китайской версиях послесловия тибетский язык не упоминается и приводится другое число: «...вырезав доски, [на] тангутском и китайском [языках] 15 000 экземпляров отпечатали и преподнесли» (Танг. 109, старые инв. № 6796, 6821: 22л3–4 類藏 紙缺訂竟 既 紙 翻 藏 經; ТК-165: 19п8–9 雕印 番漢 一 萬 五 千 卷 普 施). В тибетском тексте, к сожалению, место, где должны были быть указаны языки издания, не сохранилось: «вырезав доски... 17 000 [экземпляров] отпечатали и преподнесли» (ХТ-67: 60п5 par brkos nas| ... 60п6 khri tso gcig dang bdun stong par la 61л1 brgyab nas phul). Нам кажется маловероятным, что тираж тибетских текстов мог превзойти тангутский и китайский тиражи в совокупности. Можно предположить, что тибетская версия была отпечатана самой последней, в связи с чем было исправлено общее количество, и к изначальным 15 000 просто прибавили число тибетских книг. На основании этого допущения можно определить точный тираж тибетского сборника — 2 000 экземпляров.

Фрагменты тибетского кириллографа XII в. из коллекции ИВР РАН.

Слева: ХТ-67, л. 57. Справа: ХТ-63, л. 42

Заключение

В фонде тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН наряду с рукописями представлен уникальный образец ксилографии в виде небольшого сборника, состоящего из дхарани-сутр Авалокитешвары и Ушнишавиджайи и приложения-колофона, принадлежащего тангутскому императору Жэнь-цзуну. Установление точного состава сборника, дошедшего до нас не целиком, стало возможно после его идентификации с тангутской и китайской версиями, сделанной китайским исследователем Шэнь Вэйжуном. На базе датировки тангутского и китайского ксилографов можно предположить, что и тибетская версия была создана в то же время, т.е. в середине XII в.

Данный текст не только является самым ранним датированным ксилографом на тибетском языке, но и представляет собой (в части, известной как ХТ-67) уникальный для тибетских книг образец кодекса западного типа: листы-развороты с *байкоу* посередине соединены друг с другом путем сплошной склейки внешними сторонами. Очевидно, предполагалась брошюровка в виде книги-«бабочки», но этот вариант почему-то не был реализован.

Нами установлено, что все ксилографические фрагменты, получившие в свое время разные шифры в составе фонда — ХТ-63, 64, 67, 68, — принадлежат одному и тому же тексту. Если ХТ-64 сразу же оказался соединен с ХТ-67 и отдельно от него никогда не рассматривался, то два других фрагмента в научной литературе фигурировали отдельно. Между тем они составляют два фрагмента одного целого, и это целое представляет собой ту часть дхарани-сутры Ушнишавиджайи, которая состоит исключительно из сакральных буддийских формул, имеющих в глазах верующих большую магическую силу. Эти фрагменты отсутствуют среди листов ХТ-67, так что можно допустить, что они были извлечены из его состава владельцем книги для использования в качестве амулета и т.п. Однако полностью быть в этом уверенными нельзя по причине некоторых различий в формате ХТ-67 и ХТ-63/68.

В целом с учетом всех фрагментов в нашем распоряжении имеются следующие листы исходного ксилографа:

текст 1: 2л, 3–5, 6л, 9п, 10–12, 13л, 23п, 24–26, 27л (все ХТ-67);

текст 2: 34п, 35л, 36п (Ог. 8212/1914), 37п, 38л (все ХТ-67), 39л (фрагмент из Сериндийского фонда), 40л (Stoddard 2010: 364), 40п, 41–44, 45п (все ХТ-63/68), 49п, 50, 51, 52, 53, 54л (все ХТ-67);

текст 3 (колофон-послесловие): 56п, 57, 58, 59л, 60п, 61л (все ХТ-67).

Литература

- Горбачева, Кычанов 1963 — Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Дуань 2010 — Дуань Юйцюань 段玉泉. Сися цзан чуань «Цзунь шэн цзин» дэ ся хань цан дуй кань яньцзю 西夏藏传《尊胜经》的夏汉藏对勘研究 (Сравнительное исследование тангутской, китайской и тибетской [версий текста] «Ушнишавиджая-сутры», бытовавших в Си Ся) // Сися сюэ 西夏学 (Изучение Си Ся). 2010. № 5. С. 29–37.
- Зорин, Сизова 2019 — Зорин А.В., Сизова А.А. К истории формирования и обработки фонда тибетских текстов из Хара-Хото в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 1 (вып. 36). С. 114–138.

- Кычанов 1988 — *Кычанов Е.И.* Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // *Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга вторая.* М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 373–422.
- Кычанов 1999 — Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук / Сост. Е.И. Кычанов, вступит. статья Т. Нисида, изд. подгот. С. Аракава, отв. ред. Т. Нисида. [Киото]: Университет Киото, 1999.
- Леонов 1970 — [*Леонов Г.А.*] Описание тибетских рукописей и ксилографов Хара-хотоского фонда Института востоковедения. Диплом студента 5 курса Восточного факультета ЛГУ отд. тибетской филологии Г.А. Леонова (Архив Отдела рукописей и документов ИВР РАН. Шифр Арх. 107. Инв. № 210).
- Линь 2011 — *Линь Инцзинь* 林英津. Сися юй и «Цзунь шэн цзин» шивэнь 西夏语译《尊胜经 (Uṣṇīṣa Vijaya Dhāraṇī)》释文 (Исследование тангутской версии Uṣṇīṣavijayādhāraṇī) // Сися сюэ 西夏学 (Изучение Си Ся). 2011. № 8. С. 23–61.
- Меньшиков 1984 — *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд П.К. Козлова) / Сост. приложений Л.И. Чугуевский. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Сираи 2004 — *Сираи Сатоко* 白井聡子. Росиа сэдзо Тибэтто-го сюгинхон-ни цуитэ ロシア所蔵チベット語袖珍本について (1) (О тибетской книге карманного [формата] в российской рукописной коллекции (1)) // Кёто дайгаку гэнго-гаку кэнкю 京都大学言語学研究 (Лингвистические исследования Университета Киото). 2004. № 23. С. 167–190.
- Сунь 2006 — *Сунь Боцзюнь* 孙伯君. Сися баюань и «Шэнсяндинцзунь цзунчи гуннэн и цзин-лу» каолюэ 西夏宝源译《胜相顶尊总持功能依经录》考略 (Краткое исследование тангутской версии Uṣṇīṣavijayādhāraṇī anuśaṃsahasahasūtrāt saṃgrhītā) // Сися сюэ 西夏学 (Изучение Си Ся). 2006. № 1. С. 87–94.
- Сяоши дэ ванго 1996 — Сылу шан сяоши дэ ванго: Сися Хэйшуйчэн дэ фоцзяо ишу 絲路上消失的王国: 西夏黑水城的佛教藝術 = Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (10th–13th Centuries). Milan 米蘭: Electa, 中華民國八十五年 [1996].
- Ши 2005 — *Ши Цзиньбо* 史金波. Цзуйцзао дэ цзанвэнь мукэбэнь каолюэ 最早的藏文木刻本考略 (Краткое исследование самых ранних тибетских ксилографов) // Чжунго цзансюэ 中国藏学 (Китайская тибетология). 2005. № 4 (72). С. 73–77.
- Helman-Ważny 2014 — *Helman-Ważny A.* The Archaeology of Tibetan Books. Leiden; Boston: Brill, 2014 (Brill's Tibetan Studies Library, 36).
- Helman-Ważny 2016 — *Helman-Ważny A.* The Choice of Materials in Early Tibetan Printed Books // Tibetan Printing: Comparison, Continuities, and Change. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 532–554 (Brill's Tibetan Studies Library, 39).
- Kuijp 1993 — *Kuijp L.W.J.* Jayānanda van der. A Twelfth Century Guoshi from Kashmir among the Tangut // Central Asiatic Journal. 1993. Vol. 37. No. 3/4. P. 188–197.
- Lost Empire 1993 — Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (10th–13th Centuries) / Ed. by M. Piotrovsky. Milano: Electa, 1993.
- Schaeffer 2009 — *Schaeffer K.R.* The Culture of the Book in Tibet. New York: Columbia University Press, 2009.
- Schaik 2016 — *Schaik S. van.* The Uses of Early Tibetan Printing: Evidence from the Turfan Oasis // Tibetan Printing: Comparison, Continuities, and Change. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 171–191 (Brill's Tibetan Studies Library, 39).
- Shen 2010 — *Shen W.* Reconstructing the History of Buddhism in Central Eurasia (11th–14th Centuries): An Interdisciplinary and Multilingual Approach to the Khara Khoto Texts / Edition, éditions: l'écrit au Tibet, évolution et devenir. München: Indus Verlag, 2010. P. 337–362 (Collectanea Himalayica, 3).
- Stoddard 2010 — *Stoddard H.* Stitched Books from the Tibetan World // Edition, éditions: l'écrit au Tibet, évolution et devenir. München: Indus Verlag, 2010. P. 363–379 (Collectanea Himalayica, 3).
- Takeuchi 1997–1998 — Old Tibetan Manuscripts from East Turkestan in The Stein Collection of the British Library. Vol. I. Plates. Vol. II. Descriptive Catalogue / Compiled by Ts. Takeuchi. Tokyo:

- The Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO, The Toyo Bunko; London: British Library, 1997–1998 (Bibliotheca Codicum Asiaticorum, 11–12).
- Tohoku 1934 — A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur) / Ed. by H. Ui, M. Suzuki, Y. Kanakura, T. Tada. Sendai: Tohoku Imperial University, 1934.
- Vorobyova-Desyatovskaya 1995 — *Vorobyova-Desyatovskaya M. Tibetan Manuscripts of the 8th–11th Centuries A.D. in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. 1995. Vol. 1. No. 1. July. P. 46–48.*

References

- A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur)*. Ed. by H. Ui, M. Suzuki, Y. Kanakura, T. Tada. Sendai: Tohoku Imperial University, 1934 (in Tibetan).
- Duan Yuquan 段玉泉. Xixia zang chuan “Zun sheng jing” de xia han cang dui kan yanjiu 西夏藏传《尊胜经》的夏汉藏对勘研究 [A Comparison Research on *Sarvathāgatoṣṇīṣavijaya* in its Tangut, Chinese and Tibetan Versions]. *Xixia xue* 西夏学 (Xixia Studies), 2010, no. 5, pp. 29–37 (in Chinese).
- Helman-Ważny A. *The Archaeology of Tibetan Books*. Leiden–Boston: Brill, 2014 (in English).
- Helman-Ważny A. “The Choice of Materials in Early Tibetan Printed Books”. In: *Tibetan Printing: Comparison, Continuities, and Change*. Leiden–Boston: Brill, 2016, pp. 532–554 (in English).
- Katalog tangutskikh buddiiskikh pamiatnikov Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [The Catalogue of Tangut Buddhist Texts Kept at the Institute of Oriental Studies, the Russian Academy of Sciences]. Sost. E.I. Kychanov, vstup. stat’ia T. Nisida, izd. podgot. S. Arakava, otv. red. T. Nisida [Compiled by E.I. Kychanov, Introductory Article by T. Nishida, Edited by Sh. Arakawa, Editor-in-chief T. Nishida]. [Kioto]: Universitet Kioto, 1999 (in Russian).
- Kuijpp van der Leonard W.J. Jayānanda. “A Twelfth Century Guoshi from Kashmir among the Tangut”. *Central Asiatic Journal*, 1993, vol. 37, no. 3/4, pp. 188–197 (in English).
- Kychanov E.I. “Tangutskaia rukopisnaia kniga (vtoraia polovina XII — pervaja chetvert’ XIII v.)” [Tangut Handwritten Book (Second Half of the 12th c. — First Quarter of the 13th c.)]. In: *Rukopisnaia kniga v kul’ture narodov Vostoka. Ocherki. Kniga vtoroia* [The Handwritten Book in the Culture of the Peoples of the East. Essays. Book Two]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988, pp. 373–422 (in Russian).
- Leonov G.A. *Opisanie tibetskikh rukopisei i ksilografov Hara-hotoskogo fonda Instituta vostokovedeniia* [The Description of the Tibetan Manuscripts and Block Prints of the Khara-Khoro Collection of the Institute of Oriental Studies]. Diplom studenta 5 kursa Vostochnogo fakul’teta LGU otd. tibetskoi filologii G.A. Leonova [The Thesis of a 5th Year Student at the Faculty of Asian and African Studies, Leningrad State University, the Group of Tibetan Philology, G.A. Leonov]. — Arhiv Otdela rukopisei i dokumentov IVR RAN. Shifr Arh. 107. Inv. no. 210 [The Typescript is Stored at the Archives of the Department of Manuscripts and Documents of the IOM, RAS. Access Number Arh. 107. Inventory Number 210] (in Russian).
- Lin Ying-chin 林英津. “Xixia yu yi ‘Zun sheng jing’ shiwen’ 西夏语译《尊胜经 (Uṣṇīṣa Vijaya Dhāraṇī)》释文 [Study of the Tangut Version of *Uṣṇīṣavijayādhāraṇī*]. *Xixia xue* 西夏学 [Xixia Studies], 2011, no. 8, pp. 23–61 (in Chinese).
- Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (10th–13th centuries)*. Ed. by M. Piotrovsky. Milano: Electa, 1993 (in English).
- Men’shikov L.N. *Opisanie kitaiskoi chasti kolleksii iz Khara-Khoto (fond P.K. Kozlova)* [The Description of the Chinese Part of the Khara-Khoto Collection (P.K. Kozlov’s Fund)]. Sost. prilozhenii L.I. Chuguevskii [Supplements Compiled by L.I. Chuguevskii]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1984 (in Russian).
- Old Tibetan Manuscripts from East Turkestan in The Stein Collection of the British Library*. Vol. I. Plates. Vol. II. Descriptive Catalogue. Compiled by Ts. Takeuchi. Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO, The Toyo Bunko — London: British Library, 1997–1998 (in English).

- Schaeffer K. R. *The Culture of the Book in Tibet*. New York: Columbia University Press, 2009 (in English).
- Schaik van S. “The Uses of Early Tibetan Printing: Evidence from the Turfan Oasis”. In: *Tibetan Printing: Comparison, Continuities, and Change*. Leiden–Boston: Brill, 2016, pp. 171–191 (in English).
- Shen Weirong. “Reconstructing the History of Buddhism in Central Eurasia (11th–14th Centuries): An Interdisciplinary and Multilingual Approach to the Khara Khoto Texts”. In: *Edition, éditions: l’écrit au Tibet, évolution et devenir*. München: Indus Verlag, 2010, pp. 337–362 (in English).
- Shi Jinbo 史金波. “Zuizao de zangwen mukeben kaolüe” 最早的藏文本刻本考略 [Brief Overview of the Earliest Tibetan Blockprints]. *Zhongguo zangxue* 中国藏学 [Chinese Tibetology], 2005, no. 4 (72), pp. 73–77 (in Chinese).
- Shirai Satoko 白井聡子. “Roshia shozo Chibetto-go shuchinhon-ni tsuite” ロシア所蔵チベット語袖珍本について(1) [A Tibetan Pocketbook in a Russian Manuscript Collection (1)]. *Kyotodai-gaku gengo-gaku kenkyu* 京都大学言語学研究 [Kyoto University Linguistic Research], 2004, no. 23, pp. 167–190 (in Japanese).
- Silu shang xiaoshi de wangguo: Xixia Heishuicheng de fojiao yishu* 絲路上消失的王國：西夏黑水城的佛教藝術 = Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (10th–13th Centuries). Milan 米蘭: Electa, 中華民國八十五年 [1996] (in Chinese).
- Stoddard H. “Stitched Books from the Tibetan World”. In: *Edition, éditions: l’écrit au Tibet, évolution et devenir*. München: Indus Verlag, 2010, pp. 363–379 (in English).
- Sun Bojun 孙伯君. “Xixia baoyuan yi “Shengxiangdingzun zongchi gongnen yi jinglu” kaolüe” 西夏宝源译《胜相顶尊总持功能依经录》考略 [Brief Overview of the Tangut Version of *Uṣṇīṣavijayādhāraṇī anuśaṃsahitasūtrāt samgrhitā*]. *Xixia xue* 西夏学 [Xixia Studies], 2006, no. 1, pp. 87–94 (in Chinese).
- Tangutskie rukopisi i ksilografiy. Spisok otozhdestvlennykh i opredelennykh tangutskikh rukopisei i ksilografov kolleksii Instituta narodov Azii AN SSSR* [The List of Identified and Classified Tangut Manuscripts and Blockprints from the Collection of the Institute of the Peoples of Asia, the USSR Academy of Sciences]. Sost. Z.I. Gorbacheva i E.I. Kychanov [Compiled by Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963 (in Russian).
- Vorobyova-Desyatovskaya M. “Tibetan Manuscripts of the 8th–11th Centuries A.D. in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies”. *Manuscripta Orientalia*, July 1995, vol. 1, no. 1, pp. 46–48 (in English).
- Zorin A.V., Sizova A.A. “K istorii formirovaniia i obrabotki fonda tibetskikh tekstov iz Khara-Khoto v sobranii IVR RAN” [On the History of the Formation and Processing of the Collection of Tibetan Texts from Khara-Khoto at the IOM, RAS]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, no. 1 (issue 36), pp. 114–138 (in Russian).

On the Tibetan Block Print from Khara-Khoto Housed at the Collection of the IOM RAS

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 60–75)
Received 11.11.2019.

Alexander V. Zorin
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Alla A. Sizova
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The collection of Tibetan texts from Khara-Khoto kept at the IOM, RAS has some fragments of a block print edition of a small collection of texts that has attracted much attention from academia, most fragments being gathered in the unit Kh. Tib. 67. This interest is caused by the fact that the text seems to be the earliest dated (mid-12th century) block print in the Tibetan language (the earlier Dunhuang and Turfan samples use Tibetan letters for rendering Sanskrit mantras). Moreover, Kh. Tib. 67 is a codex and, therefore, was mentioned in several works on the history of Tibetan books. This paper presents: 1) the history of study of the block print in connection with identification of analogous editions in Chinese and Tangut, 2) ascertainment of the unusual booklet form of Kh. Tib. 67 — a codex of Western type instead of the expected *butterfly*, 3) the first definition of all fragments of the block print (Kh. Tib. 67, on the one hand, and Kh. Tib. 63 and 68, on the other hand) as belonging to the same edition and, possibly, to the same copy of it; the part represented with Kh. Tib. 63 and 68 was used separately (presumably, as an amulet).

Key words: Khara-Khoto, Tibetan codicology, block prints in Tibetan, book culture of the Tanguts, emperor Renzong.

About the author:

Alexander V. Zorin, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (kawi@yandex.ru).

Alla A. Sizova, Junior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (al.la.sizova@yandex.ru).

Основы тибетской лексикографии в словаре «Махавьютпатти»

Е.Ю. Харьков

Независимый исследователь

DOI: 10.7868/S1811806219040071

В статье рассматриваются особенности тибетской лексикографии, одной из классических индо-тибетских наук, на начальном этапе ее развития, представленном санскритско-тибетским словарем «Махавьютпатти» (IX в.). Методологические принципы, которые легли в основу тибетской лексикографии как самостоятельной области знания, выявлены в результате изучения текста колофона к среднему по объему варианту словаря — «Грамматическому комментарию [к „Махавьютпатти“] в двух частях» (*тиб.* Sgra sbyor bam gnyis), или «Мадхьявьютпатти».

Ключевые слова: тибетская лексикография, индийская лексикография, словарь «Махавьютпатти», «Мадхьявьютпатти», буддийская терминология, тибетские переводы с санскрита.

Статья поступила в редакцию 10.09.2019.

Харькова Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург (evam2000@mail.ru).

© Харьков Е.Ю., 2019

Вместе с учением буддизма из Индии в Тибет была передана целая система классических наук (*санскр.* vidyāsthāna, *тиб.* rig gnas), куда входила и лексикография. Основная цель данной статьи — показать преемственность между индийской и тибетской лексикографией на самом раннем этапе трансляции знания в этой области, поэтому особое внимание уделено методологическим принципам, которыми руководствовались составители санскритско-тибетского словаря «Махавьютпатти» (*Mahāvvyutpatti*), иллюстрирующего начальный период становления тибетской лексикографии.

Лексикография (*санскр.* abhidhāna; *тиб.* mngon brjod), или синонимика, развивалась в Индии, а затем и в Тибете как одна из вспомогательных областей грамматики на основе теоретического изучения частей речи, исследований в области семантики и этимологии. Тибетская лексикография как самостоятельная область знания формировалась в процессе перевода буддийских текстов на тибетский язык, неоднократного редактирования переводов, а также унификации терминологии буддизма и терминов буддийских наук. Поскольку буддийские тексты переводились не только с санскрита и китайского, но также с языков Непала, Сахора (Бенгалии), Кашмира, Хотана и Пер-

сии, задачи унификации переводов буддийских терминов, фиксации этих переводов и составления нормативных терминологических словарей были чрезвычайно важны.

Самый ранний лексикографический труд, созданный в Тибете, — это санскритско-тибетский словарь «Махавьютпатти», включающий обширный круг лексики, используемой в буддийской литературе. Клаус Фогель относит «Махавьютпатти» к группе двуязычных словарей, их создание вошло в практику в связи с широким распространением буддизма и ростом значимости языков, на которые переводилась буддийская литература; основой для составления подобных словарей, как правило, служил санскрит (Vogel 1979: 379).

«Махавьютпатти» создавался в период второй реформы языка переводов, или второй «великой редакции» (*тиб.* zhu chen), которая происходила в начале IX в.¹ В год лошади, — как предположил Дж. Туччи, в 814 г. (Tucci 1950: 14), — по приказу царя Тидэ Сонцена (804–817)², отца Тицуг Дэцена Рэлпачена (817–836), группа индийских и тибетских ученых приступила к созданию нового свода правил перевода с санскрита на тибетский язык. Среди индийских ученых, принимавших участие в этой работе, были *ачарьи* Джинамитра, Сурендрабодхи, Шилендрабодхи, Данашила и Бодхимитра. С ними сотрудничали тибетские ученые Ратнаракшита, Дхарматашила и переводчики-*лоцавы* Джнянасена, или Еше Дэ (Ye shes sde), Кава Пэлцек (Ka ba dpal brtsegs), Чогро Луи-Гьялцен (Cog ro klu'i gyal mtshan), Шан Гьялньен Ньясан (Zhang gyal nyen nyen bzang) и многие другие. Редактирование старых переводов и реформа языка, начатая при Тидэ Сонцене (Сэналеге), продолжились при царе Рэлпачене.

«Махавьютпатти» (*Mahāvīyūtpatti*) был задуман как двуязычный, санскритско-тибетский, словарь³, его тибетское название — *Bye brag tu rtogs byed chen po*. *Vyūtpatti* — это существительное женского рода, означающее в разных контекстах

¹ Чомдэн Ригпе-Рэлти (Bcom ldan rig pa'i ral gri; 1227–1305) говорит о трех этапах создания нормативного языка тибетских переводов буддийской литературы (*тиб.* bkas bcad) и, соответственно, о трех этапах редактирования переведенных текстов в своей грамматической шаштре «Цветок, украшающий речь» (*тиб.* Smra ba rgyan gyi me tog) (Rig ral: f. 8a [p. 15]–f. 9a [p. 17]). Первый этап относится ко времени правления царя Сонцена Гампо (617 — ок. 650) и был обусловлен введением письменности, первыми попытками переводов буддийской литературы с разных языков и унификации терминологии. Второй этап был одним из самых масштабных культурных событий IX в. и связан с именами царей Тидэ Сонцена (Сэналега) и Тицуг Дэцена (Рэлпачена). В этот период были предприняты попытки усовершенствовать технику перевода и выработать единый подход к переводу буддийской терминологии с санскрита. Третья реформа началась во времена царя Еше Вё под руководством переводчика Ринчена Санпо (958–1055) и продлилась до середины XIII в. Особенностью третьей редакции было то, что в первую очередь ревизии подверглись старые переводы тантр, причем большинство текстов тантры были переведены заново. Причиной тому была не столько проблема унификации терминологии, сколько распространение искаженных тантрийских практик, отчасти обусловленное утратой подлинных текстов, отчасти приходом из Индии учителей, проповедовавших ложные учения. Тексты в этих трех редакциях и сам язык переводов существенно различались между собой. Переводы буддийских сочинений подвергались многократным редакциям и в дальнейшем (Харькова 2011: 70–81).

² Тидэ Сонцен (Khri lde srong btsan) также был известен как Сэналег (Sad na legs). О некоторых противоречиях в идентификации личности царя, упомянутого в колофоне к «Грамматическому комментарию в двух частях» (*sGra sbyor bam gnyis*), говорит Альфонса Феррари, указывая на то, что великие тибетские ученые Будон и Пэма Карпо называют Рэлпачена именем Тидэ Сонцен, а его отца Сэналега — именем Тидэцен, или Тидэ Ценпо (Ferrari 1944: 543).

³ Монгольская часть «Махавьютпатти» (*монг.* *l'yal ilete uqayulun üiledügĕi-yin jerge delgeregülin sudur orosiba*) была создана в XVII–XVIII вв. (Schieffner 1859; Sárközi 1995). По приказу императора Цяньлуна (1736–1795) на основе «Махавьютпатти» под редакцией Чанкья Хутухты Ролпе-Дорже (Lcang skya Hu thog thu Rol pa'i rdo rje; 1717–1786) был подготовлен пятиязычный словарь «У и хэ би цзи яо» (五譯合璧集要) в двух томах, включавший санскритский, тибетский, маньчжурский, монгольский и китайский варианты лексического состава (Минаев 1887: 119–134).

«источник», «деривация», «этимология», «совершенство», «профессионализм», «всесторонняя образованность». Дэвид Сэйфорт Рюегг указывает, что современные исследователи словаря понимали это многозначное слово по-разному: Луи Рену — как «анализ» (*analyse*), Нильс Симонссон — как «грамматический анализ» (*grammatiska analysen*), Питер Ферхаген — как «аналитические наставления» (*analytical instruction*). Рюегг отмечает, что в философской литературе школы *миманса* слово *vyutpatti* означает «понимание [семиозиса] слов» (*the understanding [of semiosis] of words*), а в названии словаря оно подразумевает список слов с разьяснениями (Ruegg 1998: 116, п. 2). Тем не менее он переводит название словаря как «Большое собрание [терминов и выражений]» — “Great Repertory [of Terms and Expressions]”, обосновывая это тем, что подобная интерпретация слова *vyutpatti* связана, по принципу метонимии, с такими значениями, как «всесторонняя образованность», «разностороннее знание», «эрудиция» (Ibid.: 116). То, что *vyutpatti* в текстах, посвященных поэтике, является синонимом трех последних, отмечает Теодор Ауфрехт (Aufrecht 1882: 361).

При переводе названия словаря, с нашей точки зрения, следует учесть значение слова *vyutpatti*, извлеченное Д.С. Рюеггом из литературы школы *миманса*: в его пользу говорит и объяснение этого слова в самом словаре — *bye brag tu rtogs par byed pa'am bye brag tu sgrub pa* (MHV: 205), т.е. «способствующий пониманию каждого слова или устанавливающий [смысл] каждого слова». Тибетское название словаря можно интерпретировать как «Большой [словарь буддийской лексики] с пословными переводами». Название этого раннего памятника тибетской лексикографии отражает масштаб работ, предпринятых коллегией тибетских и индийских ученых для составления словаря, — они проанализировали множество текстов с целью уточнения и унификации переводов буддийских терминов и проверки соответствия этих переводов нормам тибетской грамматики.

При работе над «Махавьютпатти» тибетские ученые воспользовались многовековым опытом индийской лексикографии. В Индии создавались разные словари (*санскр.* *koṣa*), необходимые для сочинения стихов и других видов литературного творчества: синонимические словари (*санскр.* *ekārtha, samānārtha*), большинство которых были идеографическими, словари омонимов (*санскр.* *nānārtha, anekārtha*), словари (каталоги) основ глаголов (*санскр.* *dhātupāṭha*) (Vogel 1979: 305). Терминологические словари составлялись для разных областей знания, среди них были и специальные словари буддийской терминологии (*санскр.* *dharmakoṣa*), такие как «Дхармасамграха» (*Dharmasaṃgraha*)⁴, приписываемый Нагарджуне, и «Сутра, содержащая точное определение предметов», — «Артхавинишчая-сутра» (*Arthavinīścaya-sūtra*)⁵. В «Артхавинишчая-сутре» собраны ключевые термины буддизма с объяснениями, такие как «пять скандх», «пять скандх, которые питают привязанность», «двенадцать аятан», «восемнадцать дхату», «двенадцать звеньев цепи зависимого возникновения» и т.д. — всего 27 разделов. Текст «Артхавинишчая-сутры» был переведен на тибетский язык в конце VIII — начале IX в. старшим переводчиком Джнянасаной (Еше Дэ) совместно с индийскими учеными Джинамитрой и Праджняварманом⁶. Эти ученые принимали участие и в создании «Махавьютпатти».

⁴ Издание текста — *Dharma-Saṃgraha* 1885.

⁵ Издания текста и переводы: Ferrari 1944; *Arthavinīścaya-Sūtra* 1971.

⁶ Тибетское название сутры — *Don rnam par nges pa zhe bya ba'i chos kyi rnam grang*, «Перечень терминов учения „Точное определение предметов“» (Кг. Дпе бсдур ма. Мдо сде. Деп 72 /Sa/. No. 335).

Индийский источник, типологически близкий «Махавьютпатти», — синонимический словарь под названием «Трактат о существительных и грамматическом роде» (*Nāmaṅgānuśāsana*), или «Амаракоша» (*Amarakoṣa*)⁷, автором которого был знаток грамматики, поэт и лексикограф Амарасимха (V–VI в.). Так как его имя оканчивается на *siṃha*, он, вероятно, принадлежал к касте кшатриев. Некоторые исследователи считают его буддистом, поскольку в своем труде он отводит эпитетам Будды главное место. В первых двух частях словаря «Амаракоша» вся лексика распределена по тематическим разделам: в первой части содержатся слова, относящиеся к высшим сферам, миру неба, подземному миру, речи, драматургии, а также абстрактные понятия, во второй — слова, имеющие отношение к земле и миру людей. В третьей части рассматриваются имена прилагательные, несклоняемые слова, омонимы, слова-композиции. Завершается третья часть описанием правил грамматического рода (Vogel 1979: 309–312)⁸.

Были составлены три варианта словаря «Вьютпатти» — большой, средний и малый. Большой вариант (*Bye brag rtogs byed chen po*) и средний вариант, или «Грамматический комментарий [к «Махавьютпатти»] в двух частях» (*sGra sbyor⁹ bam gnyis*), вошли в разные издания Тэнгьюра¹⁰. Средний по объему вариант словаря является комментарием (*rañjika*), разъясняющим 413 статей, содержащихся в большом варианте словаря. Здесь приводятся обоснования переводов на тибетский язык многих санскритских терминов. В своем каталоге Пекинского Тэнгьюра Пальмир Кордые (1871–1914) также упоминает три варианта словаря, приводя их названия — *Mahāvīyutpatti* (*Bye brag rtog byed chen po*), *Madhyavīyutpatti*, или **Vaco-vīyutpatti* (*Bye brag rtogs byed 'brin po*), и **Kṣudravīyutpatti* (*Bye brag rtogs byed chung ngu*), с пометкой, что малый вариант не сохранился до наших дней¹¹. Возможно, утрачен-

⁷ В дальнейшем в Тибете изучались и переводились многие другие индийские словари. Например, словарь омонимов под названием «Вишвапракаша» (*Viśvaprakāśa*) Махешвары Кави, созданный в 1033 г. В Тэнгьюр включены словари ученого Шридхарасены (середина XII — первая половина XIII в.) в переводе Шалу-лоцавы. Наибольшую известность получил словарь «Вишвалочана» (*Viśvalocana*), или «Муктавали» (*Muktāvalī*), где отдельно представлены синонимы и омонимы (Vogel 1979: 349–350). Перевод этого словаря, сделанный Шалу-лоцавой, вошел в Тэнгьюр (Tg. Dpe bsdur ma. Sna tshogs. Dep 227 /Po/. No 3690).

⁸ Словарь «Амаракоша» (*mub. 'Chi med mdzod*), широко известный в самой Индии, был впервые частично переведен на тибетский язык Сакья Пандитой Кюнга Гьялценом (1182–1252), а затем полностью — Киртичандрой и Ярлун Тракпа Гьялценом в начале XIV в. (*Amarakoṣa Tib.* 1911). В дальнейшем этот перевод редактировался Шалу-лоцавой Чокьон Санпо (1441–1527), который создал двуязычную версию этого словаря, и Ситу Махапандитой Чокьи-Чжуннэ (1699–1776), издавшим собственную двуязычную версию в 1764 г. (*Amarakoṣa Tib.* 1965; Vogel 1979: 312; Smith 2001: 204). Из 80 индийских комментариев к «Амаракоше» на тибетский язык был переведен только один — «Комментарий, исполняющий желания, подобно Камадхену» (*Amarāṅkā-kāmadhenu*, тиб. *'Chi ba med pa'i mdzod kyi rgya cher 'grel ba 'Dod 'jo'i ba mo*) буддийского ученого Субхутичандры, работавшего в первой половине XII в. Перевод был сделан Киртичандрой и Ярлун Тракпа Гьялценом (*'Dod 'jo'i ba mo* 1912; Kuijper 2009).

⁹ Пальмир Кордые считает эквивалентом тибетского *sgra sbyor* санскритское слово *nighaṅṭu*, т.е. «собрание слов», «список слов» (Cordier 1915: 488). Питер Ферхаген приводит объяснение названия среднего варианта словаря из текста самого источника (Peking Bstan 'gyur. Mdo 'grel. Vol. 124 /Ngo/. 37v8–38r1): “Chen po'i dka' ba'i gnas dang sgra'i gzhung dang sbyar te bshad pa'i pa ſdzi kā ma dhya byut ta yin no” («это комментарий-паньдэсика, объясняющий трудные моменты большого [„Вьютпатти“] на основе грамматических текстов» (Verhagen 1994: 17, п. 30).

¹⁰ В Т. 123 (Go) Нартанского Тэнгьюра и Т. 124 (Ngo) Пекинского Тэнгьюра; в Т. 125 (Co) Дэрэгского и Чонэского Тэнгьюра.

¹¹ Cordier 1915: 486–488 (Tg. Mdo 'grel. Vol. 124 /Ngo/. No 1 — *Mahāvīyutpatti*; Tg. Mdo 'grel. Vol. 124 /Ngo/. No 2 — *sGra sbyor bam gnyis*).

ный словарь содержал разъяснения к переводу метрических единиц и другой служебной лексики.

«Махавьютпатти», как и «Амаракоша», — это идеографический (семантический) словарь, который содержит 283 тематические группы, включающие тибетские эквиваленты более 9500 слов и устойчивых выражений, встречающихся в буддийской литературе на санскрите. Принцип организации лексического материала по тематическим разделам и в дальнейшем использовался в тибетской и монгольской лексикографии. В самом начале словаря рассматривается терминология, относящаяся к буддизму: эпитеты Будды, термины, характеризующие его качества и признаки; термины, связанные с бодхисаттвами; терминология, имеющая отношение к учению буддизма; имена персонажей буддийского пантеона, известных учителей и царей. Ниже приводятся термины, касающиеся светских аспектов жизни: наименования профессий, названия *варн*, термины родства, названия частей человеческого тела, болезней, географические термины, названия животных и растений, лингвистические термины, названия 18 видов знания, музыкальных инструментов, танцев и песен.

Тибетские переводчики всегда основывались на предварительном исследовании этимологии и функционирования буддийских терминов в индийских сочинениях. Они, как говорится в колофоне к «Грамматическому комментарию в двух частях», переводили, «согласовав это с тем, как эти термины использовались в текстах Большой и Малой Колесниц, каким образом их толковали великие ученые прежних времен, такие как Нагарджуна и Васубандху, и что следовало из грамматической традиции *вьякараны*. Редко встречающиеся (*mjal dka' ba gnams*) [или трудные для понимания]¹² словосочетания разложили на составляющие их части и, снабдив аргументированным объяснением, записали. Одиночные термины, которые трудно было [однозначно] объяснить, передавали фонетически и эти звуковые соответствия строго фиксировали. Некоторые слова можно было перевести по смыслу, и [их] смысловые соответствия строго фиксировали. Затем в присутствии царя вновь собралась коллегия ученых, возглавляемая достопочтенным Пэлки-Ёнтэном и достопочтенным Тинэджином. После того как они доложили царю и ассамблее министров [о результатах своей работы], были окончательно приняты методы перевода текстов Дхармы и тибетский перевод санскритских терминов» (*Sgra sbyog bam gnyis*: 313).

Первым европейским исследователем «Махавьютпатти» был Александр Чома де Кёрёш (1784–1842), который в 30-е годы XIX в. приступил к изучению словаря в Калькутте. Он основывался на тексте, содержащемся в доступном ему Нартанском издании Тэнгьюра из Ладака, где словарь находился в разделе «Комментариев к сутрам» — *Mdo 'grel*. Т. 123 *Go*. F. 223–377. Полное название словаря в этом издании — *Lo pan mang pos mdzad pa'i bye brag tu rtogs byed chen po* («Большой [словарь буддийской лексики] с пословными переводами, созданный многими лоцавами и пандитами»). Словарь не был издан при жизни ученого. Подготовленная им рукопись была опубликована в трех частях — две части под редакцией Эдварда Дэнисона Росса (1871–1940) и известного индийского ученого Сатис Чандры Видьябхушаны (1870–1920) вышли в свет в 1910–1916 гг. (*Csoma de Cōrgōs* 1910–1916), третья часть под редакцией Дурга Чарана Чаттерджи — лишь в 1944 г. (*Csoma de Cōrgōs* 1944).

¹² Согласно Пекинскому и Нартанскому изданиям Тэнгьюра — '*jal dka' ba gnams* (Tg. Dpe bsdur ma: Dep 115/Co/: 385).

Четырехязычную рукопись «Махавьютпатти» привез из Пекина в Россию и впервые исследовал Василий Павлович Васильев (1818–1900). Его работа «Буддийский терминологический лексикон (*Alias*: буддийские догматы, изложенные в виде толкования на терминологический лексикон Mahāvūyutpatti)» в двух томах¹³, которая должна была стать второй частью фундаментального труда «Буддизм, его догматы, история и литература», содержит перевод 9565 буддийских терминов из «Махавьютпатти», но, к сожалению, осталась незавершенной¹⁴.

Первая публикация санскритской терминологии «Махавьютпатти» была осуществлена Иваном Павловичем Минаевым в 1887 г. (Минаев 1887). Публикация Минаева основывалась на пяти рукописях: он использовал две рукописи из коллекции библиотеки Петербургского университета (одна из них — рукопись, привезенная В.П. Васильевым, включавшая четыре языковые версии словарного состава — санскритскую, тибетскую, китайскую и монгольскую, в другой рукописи были две языковые версии — санскритская и тибетская); две рукописи из собрания Азиатского Музея на санскрите и тибетском; канонический текст «Махавьютпатти» из Нартанского Тэнгюра, принадлежащего библиотеке Санкт-Петербургского университета (Минаев 1887: III–VI). В 1910–1911 гг. для публикации в серии Bibliotheca Buddhica Николай Дмитриевич Миронов (1880–1936) подготовил второе издание санскритской терминологии «Махавьютпатти» (Минаев, Миронов 1910–1911), ранее опубликованной И.П. Минаевым. В процессе работы он заново исследовал вышеупомянутые рукописи и составил указатель (Островская 2015: 155). В 1916 г. издание «Махавьютпатти» на четырех языках — санскрите, тибетском, китайском, японском — осуществил Рёдзабуро Сакаки (1872–1946), который позже подготовил санскритский индекс к словарю (Sakaki 1916–1925). В 1936 г. тибетский индекс к «Махавьютпатти» с санскритскими параллелями был издан Нисио Кё (Кюо 1936). В дальнейшем в Японии вышли критические издания «Махавьютпатти» (Ishihama, Fukuda 1989) и «Грамматического комментария в двух частях» (Ishikawa 1990).

«Махавьютпатти», или «Большой словарь буддийской лексики с пословными переводами», — труд, заложивший основы тибетской лексикографии как науки. При работе над словарем соблюдались методологические принципы, которыми в дальнейшем руководствовались составители всех санскритско-тибетских словарей, — это предварительное изучение теории и практики индийской лексикографии; изучение использования терминов, отобранных для словаря, в оригинальных санскритских текстах; обоснованность переводов: переводы должны были подтверждаться изысканиями в области семантики и этимологии; соответствие переводов буддийских терминов правилам тибетской грамматики; доступность и ясность переводов терминов для носителей тибетского языка. Эти методологические принципы и правила перевода с санскрита изложены в колофоне «Грамматического комментария в двух частях», который доступен в переводах на европейские языки, в том числе и русский (Ferrari 1944: 538–542; Simonsson 1957: 238–280; Гроховский 2013: 114–117; Харьковская 2004: 275–278). Благодаря этой фундаментальной лексикографической работе были решены несколько насущных задач: отбор и кодификация наиболее ясных и точных переводов буддийских терминов на тибетский язык, обязательная унификация тибетских

¹³ Т. I (1205 с.) и II (922 с.). Пекин, 1843–1849 (Горбачева и др. 1956: 337).

¹⁴ Два тома неопубликованной рукописи В.П. Васильева хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Воробьева-Десятовская 2012: 135).

переводов буддийских терминов, фиксация нормативных переводов, расширение возможностей изучения и перевода буддийской литературы на санскрите.

В дальнейшем на основе изучения теории санскритской лексикографии, переводов санскритских словарей на тибетский язык и опыта составления санскритско-тибетского словаря «Махавьютпатти» лексикография в Тибете стала развиваться как самостоятельная область знания. В тибетских лексикографических трудах, как и в индийских, освещались теоретические вопросы, связанные с синонимией, омонимией, теорией наименования, особенностями функционирования и типологией имен существительных (*санскр.* *nāman*, *тиб.* *ming*). Тибетскими учеными составлялись всевозможные виды словарей: терминологические словари (*brda chad*), орфографические словари (*dag yig*), которые, как правило, являются и толковыми, глоссарии к отдельным текстам (*brda bskrol*, или *brda 'grol*), двуязычные (*skad gnyis shan sbyar*) и многоязычные словари, словари старой орфографии (*brda rnying*).

Среди двуязычных словарей наиболее многочисленны были санскритско-тибетские словари, создание которых было обусловлено систематическим изучением санскрита и необходимостью дальнейшего совершенствования переводов. Ранний санскритско-тибетский словарь «Кладезь слов» (*Tshig gi gter*) был составлен Сакья Пандитой на основе словаря «Амаракоша» и других санскритских словарей. Известный комментарий к этому труду *Tshig gter gyi 'grel ba* написал Ньетан-лоцава Лотэн Шипа (*sNye thang lo tsā ba blo brtan bzhi pa*, XV в.). Ринпунпа Агван Чжиктрак (*Rin sprungs pa Ngag dbang 'jigs grags*, XVI в.), автор «Лексикографической шастры „Украшение для ушей мудрых“» (*mNgon brjod kyī bstan bcos mKhas pa'i rna rgyan*), в дополнение к теоретическому трактату по синонимике, включил в свое сочинение санскритско-тибетский синонимический словарь из четырех разделов, построенный по тематическому принципу. В словаре представлена лексика, описывающая высшие сферы, подземный мир, земной мир. Четвертый раздел сочинения посвящен общей лексике¹⁵.

В XVIII в. было создано немало известных словарей, среди которых важное место занимает тибетско-санскритский тезаурус «Чудесная гирлянда из драгоценностей» (*Ngo mtshar nor bu'i do shal*), составленный светским ученым Докхарвой Церин Вангьялом (*mDo mkhar ba Tshe ring dbang rgyal*, 1697–1763)¹⁶. Этот словарь включает 15 000 слов, расположенных в алфавитном порядке. При работе над ним автор использовал материалы «Махавьютпатти», «Амаракоши» Амарасимхи, «Камадхену» Субхутичандры, «Абхидханамуктамалы» (*Abhidhānamuktāmālā*) Шридарасены. Другой значительный труд того времени — санскритско-тибетский тезаурус с грамматическим комментарием под названием «Праджня» (*Prajñā*)¹⁷, составленный в 1771 г. сакьяским ученым Тэнзин Гьялценом (*Bstan 'dzin rgyal mtshan*). Словарь «Праджня» представляет собой компиляцию, созданную на основе более ранних лексикографических трудов. Так, в него включен материал из «Махавьютпатти», «Амаракоши», «Абхидханамуктамалы».

¹⁵ Словарь издан Локешем Чандрой в 1965 г. как приложение к его изданию «Амаракоши» в редакции Ситу Панчена (*Amarakoṣa Tib.* 1965).

¹⁶ Первая публикация словаря была осуществлена Жаком Бако в 1930 г.: *Dictionnaire tibétain-sanscrit par Tse-ring-ouang-rgyal, reproduction phototypique. Buddhica, documents et travaux pour l'études du Bouddhisme. 2me série: Documents, tome 2. Paris, 1930.*

¹⁷ Полное название этого словаря *Legs par sbyar ba lha'i skad dang gangs can pa'i brda' shan sbyar ba dri bral nor bu'i me long*. Публикация текста: *Prajñā. Lexicon: Dictionary Portions of the Sanskrit-Tibetan Thesaurus-cum-Grammar / Foreword by Prof. N. Dutt. Gangtok, Sikkim: Namgyal Institute of Tibetology, 1961.*

В XIX в. Чжу Мипам Гьяцо (*'Ju mi pham rgya mtsho*; 1846–1912) составил подробный санскритско-тибетский словарь «Зерцало, подобное свету солнца» (*Skad gnyis shan sbyar Rab gsal nor bu'i me long*). Изучение санскрита в тибетских монастырях и традиция составления санскритско-тибетских словарей продолжалась и в XX в. Примером традиционного лексикографического труда этого вида является санскритско-тибетский словарь, составленный известным тибетским ученым Муге Самтэном Гьяцо (*Dmu dge bsam gtan rgya mtsho*, 1914–1993), — «Прекрасные золотые четки» (*Sam bod skad gnyis shan sbyar gser gyi 'phreng mdzes*)¹⁸, включающий около 40 000 терминов. В предисловии к словарю сказано, что составитель использовал материалы «Махавьютпатти» и «Грамматического комментария в двух частях». Это свидетельствует о том, что «Махавьютпатти», самый ранний памятник тибетской лексикографии, не утратил своего научного значения до наших дней.

Литература

- Воробьева-Десятовская 2012 — *Воробьева-Десятовская М.И.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 132–137.
- Горбачева и др. 1956 — *Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И.* Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900). Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Гроховский 2013 — *Гроховский П.Л.* «Мадхьявьютпатти» — ранний памятник тибетской лингвистической традиции // Восток (Oriens). 2013. № 6. С. 113–118.
- Минаев 1887 — *Maḥāvūtpatti* // *Минаев И.П.* Буддизм: Исследования и материалы. Т. I. Вып. 2. Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Часть XVI. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. С. 1–117.
- Минаев, Миронов 1910–1911 — *Maḥāvūtpatti* / Изд. И.П. Минаев, подгот. к печати Н.Д. Миронов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910–1911 (*Bibliotheca Buddhica*. XIII).
- Островская 2015 — *Островская Е.П.* Вклад Н.Д. Миронова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея — ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (вып. 22). С. 153–168.
- Харькова 2004 — *Харькова Е.Ю.* Муге Самтэн Гьяцо. «Краткий очерк истории тибетской науки и культуры» // Вестник Русского Христианского гуманитарного института. 2004. № 5. С. 258–289.
- Харькова 2011 — *Харькова Е.Ю.* О трех «великих редакциях» переводов буддийских текстов на тибетский язык // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга / Сост. М.И. Воробьева-Десятовская и Е.П. Островская; ред. Т.В. Ермакова. СПб., 2011. С. 70–81.
- Amarakoṣa Tib. 1911 — *Amarakoṣa and Its Tibetan Translation, 'Chi med mdzod: A Metrical Dictionary of the Sanskrit Language by Amarasimha with its Tibetan Translation made by Mahāpaṇḍita Kīrticandra and Yar luṅs Lo tsā ba Grags pa rgyal mtshan* / Ed. by Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1911.
- Amarakoṣa Tib. 1965 — *The Amarakoṣa in Tibet: Being a New Tibetan Version by the Great Grammarian Si-tu* / Ed. by Lokesh Chandra. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1965 (*Śata-piṭaka series XXXVIII*).

¹⁸ *Dmu dge bsam gtan.* Sam bod shan sbyar dbyangs gsal star ma brgyus pa ming tshogs gser gyi 'phreng mdzes. Lan kru'u: Kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1989.

- 'Dod 'jo'i ba mo 1912 — *Amaratīkā-kāmadhenu*: The Tibetan Version of Amara-tīkā-kāmadhenu, a Buddhist Sanskrit Commentary on the Amarakoṣa / Ed. by Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1912 (Bibliotheca Indica. No. 219).
- Arthaviniścaya-Sūtra 1971 — The *Arthaviniścaya-Sūtra*, and Its Commentary (*Nibandhana*), Written by Bhikṣu Vīryasrīdatta / Ed. and annotated by N.H. Samtani. Patna: Jayaswal Research Institute, 1971 (Tibetan Sanskrit Works Series, vol. XIII).
- Aufrecht 1882 — *Aufrecht Theodor*. Beiträge zur Kenntniss indischer Dichter // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft 36. 1882. S. 361–383.
- Cordier 1915 — Catalogue du fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale par P. Cordier. P. III. Index du Bstan-Hgyur. Paris: Imprimerie Nationale, 1915.
- Csoma de Cőrös 1910–1916 — Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the *Mahāvvyutpatti* by Alexander Csoma de Cőrös. Pt. 1–2 / Ed. by E. Denison Ross and Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa // Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal. Vol. IV. Calcutta, 1910–1916.
- Csoma de Cőrös 1944 — Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the *Mahāvvyutpatti* by Alexander Csoma de Cőrös. Pt. 3 / Ed. by Durga Charan Chatterjee. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1944.
- Dharma-Saṃgraha 1885 — The *Dharma-Saṃgraha* / Prep. for publ. by Kenju Kasawara. Ed. by F. Max Müller and H. Wenzel. Oxford: Clarendon Press, 1885.
- Ferrari 1944 — *Ferrari Alfonsa*. Arthaviniścaya: testo e versione. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1944.
- Ishihama Fukuda 1989 — A New Critical Edition of the Mahāvvyutpatti: Sanskrit-Tibetan Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology / Ed. by Yumiko Ishihama and Yōichi Fukuda. Vol. 1. Tokyo, 1989 (Studia Tibetica 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries).
- Ishikawa 1990 — A Critical Edition of the Sgra sbyor bam po gnyis pa: An Old and Basic Commentary on the Mahāvvyutpatti / Ed. by Mie Ishikawa. Vol. 2. Tokyo, 1990 (Studia Tibetica 18, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries).
- Kuijp 2009 — *Kuijp Leonard*. On the Vicissitudes of Sūbhuticandra's *Kāmadhenu* Commentary on the *Amarakoṣa* in Tibet // Journal of the International Association of Tibetan Studies. December 2009. No 5. P. 1–105.
- Kyo 1936 — Kyo Nishio. Tibetan Index to the Mahāvvyutpatti with Sanskrit Equivalents. Kyoto, 1936.
- Ruegg 1998 — *Ruegg Seyfort D*. Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit Dictionaries and Some Problems in Indo-Tibetan Philosophical Lexicography // Lexicography in the Indian and Buddhist Cultural Field. Proceedings of the Conference at the University of Strasbourg 25 to 27 April 1996. Munich, 1998. P. 115–141.
- Sárkőzi 1995 — A Buddhist Terminological Dictionary: The Mongolian Mahāvvyutpatti / Ed. by Alice Sárkőzi in collab. with János Szerb. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- Schiefner 1859 — *Schiefner A*. Buddhistische Triglotte, d.h. Sanskrit, Tibetisch, Mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus d. Nachlass des Barons Schilling von Canstadt stammenden Holztafeln u. mit e. kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1859.
- Simonsson 1957 — *Simonsson Nils*. Untersuchung des *Sgra sbyor bam po gñis pa*. Indo-tibetische Studien: Die Methoden der tibetischen Übersetzer, untersucht im Hinblick auf die Bedeutung ihrer Übersetzungen für die Sanskritphilologie. Vol. I. Uppsala: Almqvist & Wiksells Botryckeri AB, 1957.
- Smith 2001 — *Smith Gene E*. Among Tibetan Texts. Boston: Wisdom Publications, 2001.
- Tucci 1950 — *Tucci G*. The Tombs of the Tibetan Kings. Roma: IsMEO, 1950 (Serie Orientale Roma).
- Verhagen 1994 — *Verhagen Pieter C*. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Vol. 1: Transmission of the Canonical Literature. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1994.

- Vogel 1979 — *Vogel Claus*. Indian Lexicography. A History of Indian Literature. Vol. V. Fasc. 4 / Ed. by Jan Gonda. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979.
- Kg. Dpe bsdur ma — Bka' 'gyur dpe bsdur ma. Dep 1–109. Pe cin: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2006–2009.
- MHV — Bye brag tu rtogs par byed pa // Bstan 'gyur dpe bsdur ma. Sna tshogs. Dep 115 (Co). No. 3590. P. 3–311.
- Rig ral — *Bcom ldan rig pa'i ral gri*. Sgra yi bstan bcos smra ba rgyan gyi me tog // *Bcom ldan rig pa'i ral gri*. Gsung 'bum. Vol. 8. P. 5–98. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O00EGS101763501JW351%7CW00EGS1017426
- Sakaki 1916–1925 — Bon zō kan wa shiyaku taikō: hon'yaku myōgi taishū. Mahāvvyutpatti. Pt. I–II / Ed. by Ryōzaburō Sakaki. Kyōto: Shingonshū Kyōto Daigaku, 1916–1925.
- Sgra sbyor bam gnyis — Sgra sbyor bam po gnyis pa // Bstan 'gyur dpe bsdur ma. Sna tshogs. Dep. 115 (Co). No. 3591. P. 312–396.
- Tg. Dpe bsdur ma — Bstan 'gyur dpe bsdur ma. Dep 1–120. Pe cin: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 1994–2008.

References

- Amarakoṣa and Its Tibetan translation, 'Chi med mdzod: A Metrical Dictionary of the Sanskrit Language by Amarasimha with its Tibetan Translation made by Mahāpaṇḍita Kīrticandra and Yar luṅs Lo tsā ba Grags pa rgyal mtshan*. Ed. by Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1911 (in Sanskrit, Tibetan, English).
- The Amarakoṣa in Tibet: Being a New Tibetan Version by the Great Grammarian Si-tu*. Ed. by Lokesh Chandra. Śata-piṭaka series XXXVIII. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1965 (in Tibetan, English).
- Amaraṭīkā-kāmadhenu: The Tibetan Version of Amara-tīkā-kāmadhenu, a Buddhist Sanskrit Commentary on the Amarakoṣa*. Ed. by Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa. Bibliotheca Indica, no. 219. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1912 (in Tibetan, English).
- The Arthavinīścaya-Sūtra, and Its Commentary (Nibandhana)*. Written by Bhikṣu Vīryaśridatta. Ed. and annotated by N.H. Samtani. Tibetan Sanskrit Works Series, vol. XIII. Patna: Jayaswal Research Institute, 1971 (in Sanskrit, English).
- Aufrecht, Theodor. “Beiträge zur Kenntniss indischer Dichter”. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 36, 1882, S. 361–383 (in German).
- Bcom ldan rig pa'i ral gri. “Sgra yi bstan bcos smra ba rgyan gyi me tog” [Chomden Rigpe Reltri. “The Grammatical Treatise *The Flower Ornament of Speech*”]. In: Bcom ldan rig pa'i ral gri. *Collected Works*, vol. 8, pp. 5–98 (in Tibetan). [Digital version]. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O00EGS101763501JW351%7CW00EGS1017426
- Bka' 'gyur dpe bsdur ma* [The Comparative Kangyur]. Vol. 1–109. Peking: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2006–2009 (in Tibetan).
- Bon zō kan wa shiyaku taikō: hon'yaku myōgi taishū. Mahāvvyutpatti*. Pt. I–II. Ed. by Ryōzaburō Sakaki. Kyōto: Shingonshū Kyōto Daigaku, 1916–1925 (in Sanskrit, Tibetan, Chinese, Japanese).
- Bstan 'gyur dpe bsdur ma* [The Comparative Tengyur]. Vol. 1–120. Peking: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 1994–2008 (in Tibetan).
- Buddhistische Triglotte, d.h. Sanskrit, Tibetisch, Mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus d. Nachlass des Barons Schilling von Canstadt stammenden Holztafeln u. mit e. kurzen Vorwort versehen von Anton Schiefner*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1859 (in Sanskrit, Tibetan, Mongolian, German).
- A Buddhist Terminological Dictionary: The Mongolian Mahāvvyutpatti*. Ed. by Alice Sárközi in collaboration with János Szerb. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995 (in Mongolian, English).

- Bye brag tu rtogs par byed pa. Bstan 'gyur dpe bsdur ma* [Mahāvvyutpatti in The Comparative Ten-gyur]. Miscellaneous texts, vol. 115 (Co), no. 3590, pp. 3–311 (in Tibetan).
- Catalogue du fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale par P. Cordier*. P. III. Index du Bstan-Ḥgyur. Paris: Imprimerie Nationale, 1915 (in Tibetan, French).
- A Critical Edition of the Sgra sbyor bam po gnyis pa: An Old and Basic Commentary on the Mahāvvyutpatti*. Ed. by Mie Ishikawa. *Studia Tibetica* 18, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries. Vol. 2. Tokyo, 1990 (in Tibetan).
- The Dharma-Saṃgraha*. Prep. for publ. by Kenju Kasawara. Ed. by F. Max Müller and H. Wenzel. Oxford: Clarendon Press, 1885 (in Sanskrit).
- Ferrari, Alfonsa. *Arthavinīścaya: testo e versione*. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1944 (in Sanskrit, Tibetan, Italian).
- Gorbacheva Z.I., Petrov N.A., Smykalov G.F., Pankratov B.I. *Russkii kitaevod akademik Vasiliĭ Pavlovich Vasiliev. Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia* [Russian Sinologist Academician Vasily Pavlovich Vasiliev (1818–1900). Collective Essays on the History of Russian Oriental Studies]. Issue 2. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian).
- Grokhovskiy P.L. “Madhyavyutpatti — rannii pamiatnik tibetskoi lingvisticheckoi traditsii” [Madhyavyutpatti as an Early Document of Indo-Tibetan Buddhist Language Science]. *Vostok [Oriens]*, no. 6, 2013, pp. 113–118 (in Russian).
- Kharkova E.Yu. “Muge Samten Gyatso. Kratkii ocherk istorii tibetskoi nauki i kultury” [Muge Samten Gyatso. A Short History of Tibetan Cultural Sciences]. *Vestnik Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta*, 2004, no. 5, pp. 258–289 (in Russian).
- Kharkova E.Yu. “O triokh ‘velikikh redaktsiiaikh’ perevodov buddiiskikh tekstov na tibetskii iazyk” [On the Three ‘Great Revisions’ of the Tibetan Translations of Buddhist texts]. In: *The Fourth Orientalist Readings in Memory of O.O. Rosenberg*. Comp. by M.I. Vorobyova-Desyatovskaya and E.P. Ostrovskaya. Ed. by T.V. Ermakova. St. Petersburg, 2011, pp. 70–81 (in Russian).
- Kuijp, Leonard. “On the Vicissitudes of Sūbhuticandra’s *Kāmadhenu* Commentary on the *Amarakoṣa* in Tibet”. *Journal of the International Association of Tibetan Studies*, no 5, December 2009, pp. 1–105 (in English).
- Kyo, Nishio. *Tibetan Index to the Mahavyutpatti with Sanskrit Equivalents*. Kyoto, 1936.
- “Mahāvvyutpatti”. In: Minaev I.P. *Buddizm: issledovaniia i materialy*. T. I, vyp. 2 [Buddhism: Investigations and Materials. Vol. I (issue 2)]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1887, pp. 1–117 (Zapiski Istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Chast’ XVI [Proceedings of the Faculty of History and Philology at the Imperial St. Petersburg University. Part XVI]) (in Sanskrit, intr. in Russian).
- Mahāvvyutpatti*. Ed. by I.P. Minaev, prepared for print by N.D. Mironov. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1910–1911 (Bibliotheca Buddhica. XIII) (in Sanskrit).
- A New Critical Edition of the Mahāvvyutpatti: Sanskrit-Tibetan-Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology*. Ed. by Yumiko Ishihama and Yōichi Fukuda. Vol. 1. *Studia Tibetica* 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries Tokyo, 1989 (in Sanskrit, Tibetan, Mongolian).
- Ostrovskaya E.P. “Vklad N.D. Mironova v izuchenie buddiiskoi kollektzii sobraniia indiiiskikh rukopisei Aziatskogo Muzeia–IVR RAN” [N.D. Mironov’s Contribution to the Description of the Buddhist Manuscripts at the Indian Collection of Asiatic Museum–IOM, RAS]. *Pis’mennye Pamiatniki Vostoka*, 2015, no. 1 (issue 22), pp. 153–168 (in Russian).
- Ruegg, Seyfort D. “Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit Dictionaries and Some Problems in Indo-Tibetan Philosophical Lexicography”. In: *Lexicography in the Indian and Buddhist Cultural Field. Proceedings of the Conference at the University of Strasbourg 25 to 27 April 1996*. Munich, 1998, pp. 115–141 (in English).
- Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the Mahāvvyutpatti* by Alexander Csoma de Cőrös. Pt. 1–2. Ed. by E. Denison Ross and Satis Chandra Vidyābhūṣaṇa.

- Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal, vol. IV. Calcutta, 1910–1916 (in Sanskrit, Tibetan, English).
- Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the Mahāvvyutpatti* by Alexander Csoma de Cőrös. Pt. 3. Ed. by Durga Charan Chatterjee. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1944 (in Sanskrit, Tibetan, English).
- Simonsson, Nils. *Untersuchung des Sgra sbyor bam po gñis pa. Indo-tibetische Studien: Die Methoden der tibetischen Übersetzer, untersucht im Hinblick auf die Bedeutung ihrer Übersetzungen für die Sanskritphilologie*. Vol. I. Uppsala: Almqvist & Wiksells Botryckeri AB, 1957 (in German).
- “Sgra sbyor bam po gnyis pa. Bstan ’gyur dpe bsdur ma” [“The Grammatical Commentary in Two Parts” in The Comparative Tengyur]. In: *Miscellaneous Texts*, vol. 115 (Co), no. 3591, pp. 312–396 (in Tibetan).
- Smith, Gene E. *Among Tibetan Texts*. Boston: Wisdom Publications, 2001 (in English).
- Tucci, Giuseppe. *The Tombs of the Tibetan Kings*. Serie Orientale Roma. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Roma, 1950 (in English).
- Verhagen, Pieter C. *A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet*. Vol. 1: Transmission of the Canonical Literature. Leiden–New York–Köln: E.J. Brill, 1994 (in English).
- Vogel, Claus. *Indian Lexicography*. A History of Indian Literature, vol. V, fasc. 4. Ed. by Jan Gonda. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979 (in English).
- Vorobyova-Desyatovskaya M.I. “Akademik V.P. Vasiliev ob istorii buddiiskoi filosofii (teksty na tibetskom i kitaiskom iazykakh)” [Academician V.P. Vasilyev on the History of Buddhist Philosophy (Texts in Tibetan and Chinese)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2012, no. 1 (issue 16), pp. 132–137 (in Russian).

Foundations for Tibetan Lexicography in the *Mahāvvyutpatti*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 76–87)

Received 10.09.2019.

Elena Yu. Kharkova
Independent researcher

The paper specifies the characteristics of the initial stage in the formation of Tibetan lexicography, as represented by the *Mahāvvyutpatti*, the Sanskrit-Tibetan lexicon compiled in Tibet in the early 9th century. The study of the colophon to “The Grammar Commentary [on the *Mahāvvyutpatti*] in Two Parts” (*Sgra sbyor bam gnyis*), or *Madhyavyutpatti*, allows to trace the main methodological principles that laid the foundations for Tibetan lexicography as a cultural science in its own right.

Key words: Tibetan lexicography, Indian lexicography, the *Mahāvvyutpatti* the *Madhyavyutpatti*, Dictionary, Buddhist terminology, Tibetan translations from Sanskrit.

About the author:

Elena Yu. Kharkova, Cand. Sci. (History), Independent Researcher (evam2000@mail.ru).

Письма В.И. Рассадина из Дархана (по материалам АВ ИВР РАН)

С.С. Сабрукова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040083

Статья посвящена четырем письмам В.И. Рассадина, адресованным его преподавателю Т.А. Бурдуковой (1912–1987) с марта 1962 по январь 1963 г. из г. Дархан (МНР). В них В.И. Рассадин впервые излагает новую методику изучения языков, которая легла в основу его дальнейшей научной деятельности. Он подробно разъясняет свою теорию, применимую не только к монгольскому, но и к другим языкам. Благодаря ей автор писем самостоятельно выучил татарский язык, преподавал русский язык, используя ее, вел курсы монгольского языка для советских специалистов в г. Дархане. Большой интерес вызывают описание реалий жизни монгольского общества в период становления промышленности Монголии, его личные взгляды на жизнь.

Ключевые слова: В.И. Рассадин, письма, монгольский разговорный язык, метод изучения языка.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019.

Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ssabrukova@yandex.ru).

© Сабрукова С.С., 2019

В процессе работы над описанием коллекции архивных материалов Таисии Алексеевны Бурдуковой (1912–1987) были обнаружены письма бывших ее студентов, которые после завершения учебы в университете писали ей и рассказывали о своих дальнейших планах, просили совета по различным аспектам трудовой деятельности. Особое место среди них занимают письма Валентина Ивановича Рассадина (1939–2017) — доктора филологических наук, профессора, специалиста в области сравнительно-исторического монгольского и тюрко-монгольского языкознания, автора более 200 научных трудов, посвященных диалектам и говорам бурятского языка, истории монгольских языков и их историческим связям с тюркскими языками. В 1962 г. он окончил Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова (кафедра монгольской филологии Восточного факультета) и был направлен на работу в г. Дархан (Монголия) в качестве переводчика с монгольского языка. В личном архиве

Т.А. Бурдуковой сохранились четыре письма, одна открытка и телеграмма от В.И. Рассадина (АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253). Письма могут иметь огромное значение в качестве источников, описывающих период формирования В.И. Рассадина как вдумчивого исследователя, с большой страстью относящегося к делу. В них автор рассказывает о г. Дархане, в то время небольшом поселении, которое стремительно росло и менялось, о своей жизни, о трудностях в профессиональной деятельности. Дело в том, что ему необходимо было переводить письменно с русского на монгольский язык учебные пособия по обучению плотницкому и столярному делу и пытаться устно донести учебный материал до слушателей — монголов, которые обучались этим профессиям. Автор писем обращает внимание на отсутствие соответствующей терминологии в монгольском языке и на необходимость калькировать технические термины, переводить их описательно или оставлять названия некоторых инструментов на русском языке (АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253).

Так как методика преподавания разговорного монгольского языка на кафедре монгольской филологии основывалась на чтении и переводе газетных статей и литературных произведений, Валентин Иванович, по его словам, поначалу испытывал огромные трудности в живом общении с монголами. Поэтому он много раз обдумывал учебный план по монгольскому языку в университете, сопоставлял его со своим опытом, с монгольской действительностью и пришел к выводу, что необходимо приглашать носителей языка для освоения разговорного языка или давать слушать студентам записи текстов на монгольском на различные темы. Исходя из содержания писем, можно предположить, что переводческая практика в Монголии определила некоторые аспекты дальнейшей научной деятельности, стала исходной точкой формирования Валентина Ивановича как исследователя сравнительного языкознания, закалила его характер как человека. В.И. Рассадин в письмах Т.А. Бурдуковой, извиняясь за настойчивость, описывает методику изучения разговорного монгольского языка, которую сначала испробовал на себе, изучая татарский язык. Он обращается к своему преподавателю с предложением рассказать о его идеях относительно изучения монгольского языка студентам кафедры, надеясь помочь им в освоении разговорного языка. Валентин Иванович, излагая новую концепцию, хочет услышать мнение учителя относительно своих идей и просит ее написать, что она думает об этом. Разработанный В.И. Рассадиным метод изучения разговорного языка, в данном случае монгольского, состоит в подаче учебного материала в виде тематических блоков, таких как, например, тело человека, различные виды одежды, абстрактные понятия. Процесс обучения предполагает освоение материала от простого к сложному, постепенное усложнение грамматическими формами с использованием устойчивых для этого языка норм и понятий, описывающих окружающий мир.

В.И. Рассадин создал научную школу «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». В 1983 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». Ему принадлежат более 200 научных трудов. Несомненно, его письма заслуживают внимания исследователей истории науки в России, они привлекают и читателей, интересующихся жизненным опытом ученого, достигшего благодаря терпению и твердости характера немалых высот в научной деятельности.

Письма публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Пагинация полистная.

**Письма В.И. Рассадина из г. Дархан
в Ленинград Т.А. Бурдуковой**

АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253

Письмо 1

[Л. 1]

29 октября 1962 г.
г. Дархан

Здравствуйте, многоуважаемая Таисия Алексеевна!

Это пишет Вам из Монголии Ваш бывший ученик Рассадин В. Работаем мы вместе с Галей Шукиной¹ в Дархане, в строительном тресте № 1. Сейчас нас с ней перевели на работу переводчиками в учебный комбинат, будем с ней переводить и читать Цирикам² лекции. Цириков будут учить нескольким строительным профессиям, и вот нам с ней выпала задача непосредственно на монгольском языке учить солдат всем этим профессиям. Вся трудность будет в предварительном переводе конспектов на монгольский язык. Но я думаю, что с этим мы справимся.

Я в Монголии живу вот уже 3 месяца и 3 дня. В монгольском языке уже освоился неплохо, монголы хвалят и даже произношение. А теперь, если мы с ней будем по несколько часов ежедневно говорить только по-монгольски, то мы уедем отсюда совершенно монголами. С материальной стороны мы [Л. 1 об.] с ней здесь обеспечены. Получаем в месяц 856 тугриков. На жизнь хватает. Только жизнь здесь немного однообразна и поэтому кажется скучноватой, да это и вполне понятно, ведь всего 4-5 месяцев назад здесь был жалкий поселок, железнодорожный разъезд в 2 десятка домов. Так что сразу всех условий не создать. Хорошо еще, что построили дома для жилья, и даже с водяным отоплением. А на будущий год здесь начнут строить уже промышленный район и город — производственную столицу Монголии. Понемногу жизнь и здесь наладится.

Только теперь до конца осознаешь, что такое учиться — это и трудно и в то же время страшно интересно. Здесь же для нашей с Галкой учебы условий нет, читаем те книги, которые сумели привезти с собой.

На будущий год и я тоже буду поступать в аспирантуру, так что готовлю здесь понемногу экзамен по марксизму и по немецкому языку, а специальность — тюркологию, буду готовить уже по приезду, т.к. книг нужных нет, а Улан-Баторская публичная библиотека отсюда далеко, за 230 км. Очень редко в город ездим, в месяц 1 раз и то хорошо.

Галка обещала Вам написать письмо, наверное, уже написала. 25-го ночью встретили мы с ней Зою Кононовну³, Людмилу Константиновну⁴ и девчат, сейчас они уже в городе. В праздник, наверное, их увидим. Итак, на этом разрешите кончить. Поздрав-

¹ Галя Шукина — однокурсница В.И. Рассадина, она также в 1962 г. закончила ЛГУ им. А.А. Жданова (кафедра монгольской филологии Восточного факультета), ее письма к Т.А. Бурдуковой хранятся под шифром Ф. 165. Оп. 2. Д. 263 (1962–1964 гг.).

² Цирик (*монг.*) — военнотрудовой монгольской армии.

³ Зоя Кононовна Касьяненко (1925–2016) — к.ф.н., специалист в области старописьменного монгольского языка и литературы, в 1953–2009 гг. преподавала на Восточном факультете ЛГУ. Доцент (02.06.1971) (Алексеев 2015).

⁴ Людмила Константиновна Герасимович (1923–2015) — д.ф.н., профессор, специалист в области современной монгольской литературы. С 1953 по 1999 г. преподавала на Восточном факультете ЛГУ. С 1973 по 1987 г. — заведующая кафедрой монгольской филологии.

ляю Вас с праздником и желаю Вам здоровья и успехов в работе. Передавайте от нас большой привет всей нашей кафедре и поздравьте их от нашего имени с праздником.

До свидания! Большой привет от Гали Щукиной.

Письмо 2

[Л. 2]

14 декабря 1962 г.

Здравствуйтесь, глубокоуважаемая Таисия Алексеевна!

Письмо Ваше я получил и вот пишу ответ. Я буду говорить о своих делах, о своей жизни и поэтому везде говорить буду от первого лица, т.к. Галя Вам обо всем своем сама напишет. Трудностей здесь у меня очень много. Очень трудно, прежде всего, с переводами лекций на монгольский язык. Переводить их нужно все-таки письменно, т.к. это явится учебным материалом, пособием для дальнейшего и останется после меня в учкомбинате. Я веду группы плотников и столяров. Трудность вся в том, что совсем начисто отсутствует терминология, что есть, того очень и очень мало. Приходится на ходу изобретать, калькировать и переводить описательно. Названия некоторых инструментов так и даю по-русски. На чужой язык переводить все же трудно.

Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями в отношении языка. Литературный язык очень все же отличается от разговорного. Это говорят и сами монголы. Разговорный гораздо проще. Очень было бы все же хорошо, если бы еще наряду с русскими бакшами⁵ на нашей кафедре был монгол. Или даже хотя бы побольше пленок с записями всевозможных монгольских текстов. Это очень помогает [Л. 2 об.] разобраться в языке. Так что за неимением на кафедре монгола, следует тогда побольше слушать записей монгольской речи. Наряду с прослушиванием, разбором и записью, пересказом текста нужно, мне кажется, побольше давать студентам слушать тексты просто так, чтобы они привыкли к монгольской речи, учились в ней ориентироваться и пусть даже пробуют в конце прослушивания рассказать о том, что они поняли из текста. Это очень поможет. Пусть ребята побольше учат слов, т.к. слова, лексика и создают всю трудность для понимания. Знакомые слова быстрее и легче узнаешь в тексте. Пусть они не ленятся и учат слова, грамматика монгольская все же простая. Монголы говорят очень быстро и стягивают грамматические формы и некоторые слова, так что если ребята рвутся говорить быстро, то это похвально, постепенно они добьются того, что при быстроте речи их будут понимать. Нас то монголы всегда поймут, как бы мы ни сказали, но вот их иногда понять бывает трудно. Пусть они получше учатся понимать речь монголов по магнитным пленкам, тогда и в жизни никогда не растеряются.

Кружок наш конечно больших успехов при таком составе не сделает, т.к. старых кадров все же маловато, Толя⁶ и Галя⁷, вот и все. Но ничего, младшие курсы тоже быстро освоятся. Я немного слышал о них, кажется мне, что ребята поступили дельные, только пусть не ленятся и работают с душой с [Л. 3] интересом. Вся хитрость для изучения языка состоит в том, чтобы очень сильно «всей душой» захотеть научиться языку. Тогда не будет никаких трудностей морального порядка. Плюс к тому нужно

⁵ Бакша (монг.) — учитель, преподаватель.

⁶ Таксубаев Анатолий Иванович — дипломат в ранге чрезвычайного полномочного посланника 2-го класса.

⁷ Галина Щукина.

быть еще очень терпеливым, т.к. умение разбираться в языке придет не сразу, а со временем, если терпеливо и последовательно работать, не смущаясь на первых порах тем, что желаемые результаты и не достигнуты. Немного терпения и этот рубеж будет преодолен. Так Вы им и передавайте все это от моего имени. Можете даже зачитать им это место. Очень хочется мне, чтобы они не провели зря эти 5 лет, а научились. Сейчас я очень жалею, что не смог взять больше от учебы, чем смог. Много трудностей составляет незнание иногда даже самых простых слов. Ну вот, пока это и все, что я хотел сказать о языке. Больше писать не буду, а то Вы, вероятно, уже устали читать. Сейчас у нас здесь полным ходом зима. Сопки вокруг все белые, стоят морозы и уже давно. С конца октября уже они начались. Иногда доходит по утрам до -37°C . Днем всегда солнце и довольно тепло — градусов -20°C . Хожу в полушубке, [Л. 3 об.] в валенках и в ватных брюках. Если бы я сейчас в своем одеянии завалился бы к вам на кафедру, то вы все меня и не узнали бы. У меня есть снимки, которые я здесь заснял. Пленки проявляю, сделаю карточки, тогда Вы сможете посмотреть, как мы здесь живем.

Недавно был в У[лан]-Б[аторе]. Видел наших. Живут они в общежитии, условия довольно плохие — со светом очень плохо и с водой, к тому же не очень тепло. Но ничего, они стойко держатся, молодцы.

Сейчас я пришел с работы и вот пишу письмо. За день почему-то стал уставать, наверное, сказывается старое утомление, ведь много пришлось заниматься, да и здесь работы хватает. В общем, жизнью своей пока я доволен, жду не дождусь, когда снова буду в Союзе, здесь немного надоело. Хочется скорее начать заниматься в человеческих условиях.

Ну, пока на этом кончаю. Письмо Вы получите перед новым годом, поэтому, пользуясь сим случаем, хочу от всей души поздравить Вас с наступающим Новым годом и пожелать Вам здоровья и еще больших творческих успехов в Новом 1963 году! Передавайте мой привет и поздравления всей нашей кафедре. Баяртай⁸. Валя.

Письмо 3

[Л. 4]

18 декабря 1962 г.
г. Дархан

Здравствуйте, глубокоуважаемая Таисия Алексеевна!

Я хочу воспользоваться оказией и послать Вам еще одно письмо. Один знакомый шофер завтра утром едет в Улан-Удэ с рейсом и отвезет это письмо в Союз, таким образом, уже дней через 6 Вы уже его получите.

У меня возникла одна интересная мысль, о которой я хочу поговорить с Вами. Я хочу просто поделиться тем, что знал, применял уже давно. Я тут обучаю русскому языку одного чеха. Он знает русский язык плохо, но все равно, многое понимает. Передо мной стоит задача — чтобы он говорил по-русски и знал слова. При занятиях с ним я применял свой давно испытанный метод, при помощи которого мне удалось овладеть разговором многих языков, в том числе и монгольским. С чехом мы поступаем так. Например, в это занятие мы должны с ним разобрать все, что касается человека, т.е. чтобы он знал все названия человеческого тела. Далее мы беремся за

⁸ Баяртай (монг.) — До свидания.

костюм и т.п. и т.д. Дело доходит и до абстрактных понятий. Ведь язык — это средство общения между людьми, сообщения мыслей для передачи, освоения воздействия окружающей среды. А среда эта одинаково окружает и русского, и чеха, и монгола. Только вот передают они все это по-разному, по-своему. Наша же задача — проникнуть в их языковой мир этих передач, усвоить способы и формы этих передач, только и всего. В этом-то сама и загвоздка. Я сделал сам на себе небольшой опыт. Татарский язык я изучал по своему методу, в результате я на нем свободно почти говорю, пишу и читаю, иногда даже мыслю, причем все это независимо от русского языка. Монгольский же в начале я пробовал учить по-своему, но учебный план нужно было выполнять вовремя, поэтому я полностью отдал себя в руки этого плана и учил то, что полагалось. В результате же, когда я столкнулся в действительности с языком монголов, то оказалось, что самыми ходовыми словами оказались те, которыми мы пренебрегали, что монголы говорят не так и не теми словами, что в учебнике Д. Ринчинэ⁹ и в словаре Мункина¹⁰. Бывшие ходовыми слова на наших уроках здесь употребляются редко, да и то только в газетах и в специальной литературе. Где и как найти эту грань, через которую переступить нельзя и которой нужно придерживаться, чтобы научить людей понимать и говорить по-монгольски? Над этим вопросом я [Л. 4 об.] думаю довольно много, анализируя наш учебный план, наши занятия и сопоставляя их с моим опытом и с монгольской действительностью. Таисия Алексеевна, у меня сегодня вдруг появилась мысль, а нельзя ли в виде небольшого эксперимента провести и у нас на кафедре на занятиях разговорного языка следующее: разбить слова по тематике и давать по очереди слова определенных тематик. Тут неплохо бы делать небольшие рисунки с поясняющими надписями составных частей. Так было бы наглядней и лучше запоминается. Причем заданные слова нужно обязательно строго спрашивать, нужно, чтобы их крепко запоминали. Причем, параллельно неплохо бы давать небольшие смысловые рассказы на изучаемую тематику, используя здесь сами названия, употребляющиеся с ними прилагательные, наречия, глаголы и др. части речи. Эти рассказы придумать можно и самим. Я это уже проводил на своем опыте и на опыте занятий с чехом¹¹.

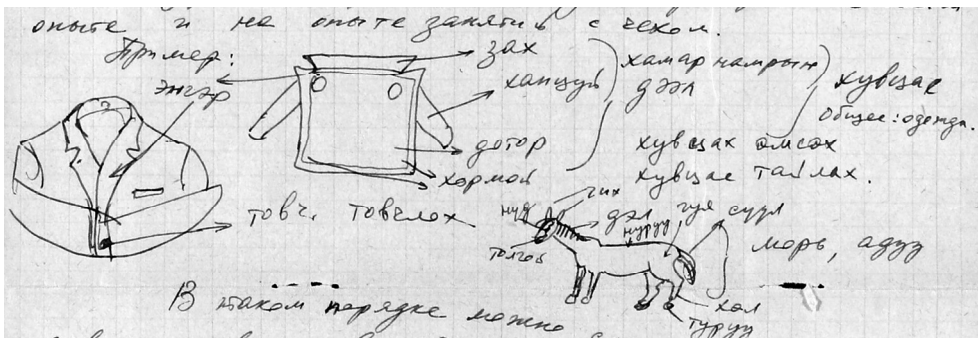

Рисунок В.И. Рассадина.
АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253. Л. 8

⁹ См. (Ринчинэ 1952).

¹⁰ См. (Дам-Ринчинэ, Мункин 1960).

¹¹ В качестве примера Валентин Иванович нарисовал монгольскую национальную одежду «дээл», мужской пиджак, лошадь и подробно расписал все части (см. ил.).

В таком порядке можно сразу же компактно давать названия всех бытовых предметов, связанных с ними прилагательных и глаголов. Круг этих связей довольно устойчив и важно очень знать круг этих связей, чтобы не путать употребление слов. Когда я начал сталкиваться с монгольским языком, то оказалось, что очень много простейших слов я не знаю совсем. Этого нельзя было допустить и, чтобы не уронить чести Ленинградской кафедры я немного систематизировал свои знания по собственной системе. Этим способом можно обработать любую тематику. При этом слова настолько скрепляются с самим предметом, что посредничество русского языка становится впоследствии излишним. Применяя этот способ, не следует забывать других: чтение литературы всевозможных тематик, обязательно письменные переводы с монгольского на русский и наоборот, сдача домашнего чтения, прослушивание магнитных пленок с анализом и для того, чтобы набить ухо, параллельно же изучение и старописьменного языка, и всевозможных грамматических лекций. Причем на уроке разговорного языка мне кажется лучше давать студентам пересказывать не специально заранее данный текст, а дать ему определенную тематику и пусть он, относясь к этому серьезно, сам расскажет словами, которые знает, то, о чем было задание. [Л. 5] Пересказ заданных текстов дает немного. Это конечно не значит, что от них нужно совсем отказаться, это было бы неправильно. Нужно обязательно, чтобы ребята записали на слух, диктуемый им текст по-монгольски, т.к. в нем будут даваться слова, выражения на данную тематику. Пусть они, используя их и то, что знают, излагают по-своему о каком-либо предмете или событии на данную тематику. Так будет интереснее, главное, это заставит студента думать, вспоминать и при этом Вы сможете ясно видеть, кто что знает, где его слабое место, в чем он ошибся, какой совет ему нужно дать. Эх, был бы я там, я Вам бы словами подробнее и лучше бы объяснил, да и сам бы помог в проведении подобных занятий. Только при этом нужно серьезное отношение студентов к делу, их сильное желание овладеть языком, тогда дело пойдет споро и короче. Если же они будут вялы, то все равно, заставляя их заучивать и употреблять в свободном их же рассказе выученные слова, Вы достигаете того, что слова, хоть и медленно, но будут заучиваться и студенты их будут знать.

Причем тематику давать нужно всевозможную. Я не могу сейчас и все перечислить, но кое-что могу сказать: во-первых, [Л. 5 об.] студенты все должны знать о человеке, его одежде, жилье, быте, пище, работе, учебе, интересах и запросах (и все это суметь выразить по-монгольски. Если они этому не научатся, им не понять монголов и не разговаривать, т.к. никогда не говорят политическими газетными штампами). Затем знать все названия окружающего их земного мира, погоды, времени и т.п. Когда речь будет идти о человеке и о его быте, то тут будет и хозяйство, и торговля, и ремесло, и всякая человеческая всячина. Еще раз повторяю, при этом необходимо, чтобы студенты все это тщательно заучивали и продумывали. Предупреждаю, что при этом они будут все тянуть из окружающей их европейской жизни, но монголы живут своей азиатской жизнью, с ее особым складом и духом, со своими понятиями и словами, их выражающими.

При этом нужно все это студентам разъяснить, приводить параллели жизни нас и монголов. Многие абстрактные понятия труднопереводимы или вообще неперево-димы на монгольский язык. В этом трудность. Но бытовыми словами монгольский язык очень богат, и их студенты обязательно должны знать.

Вы меня извините, пожалуйста, за стиль, за тон и многословие, нет времени думать над письмом. Сейчас уже половина 2-го ночи нужно успеть написать письмо сегодня, чтобы оно ушло к Вам быстрее, и чтобы быстрее получить ответ с Вашим ответным мнением о моей этой мысли. Шофер встанет в 5 утра, [Л. 6] осталось до его ухода всего 3 часа.

Вот и все мое мнение, Вы же сами просили меня высказать то, что я думаю о нашем учебном процессе на кафедре в части практического изучения языка. Да, чуть не забыл. Ведь у нас в Университете очень много монголов, хотя они и говорят, что загружены, но это все пустяки я теперь знаю их загруженность, ничего, им не будет в ущерб, если он (монгол) раз в неделю придет на занятие по разговорному и проведет со студентами разговор на изучаемую тематику, причем предупреждать его, чтобы он подготовился, не нужно, этим Вы его сразу отпугнете, т.к. ему будет просто лень готовиться и шевелить мозгами, поэтому он скажет, что у него много дел, он очень занят, а сам в это время пойдет шататься по улицам или болтать с девушками. Вы попросту пригласите тех, у кого в это время нет занятий и пусть приглашенный монгол разговаривает со студентами по-монгольски. Ведь слова то своего родного языка он знает, а вам от него больше и не нужно. Сколько раз я это все обдумывал и все же пришел к выводу, который изложил Вам выше. У Вас обязательно [Л. 6 об.] возникнут ответные мысли, имеется на все это свое мнение, возражения и т.п. Очень прошу Вас высказать без стеснения мне все, что Вы думаете по этому поводу. Теперь ведь волею судьбы я стал Вашим коллегой и очень интересно обменяться мнениями со своим мудрым старым учителем.

О своей жизни я Вам уже писал в предыдущем письме. С тех пор ничего не изменилось. Все по-старому. Скоро и Новый год. Как хотелось бы встретить его в Союзе. Но... придется встречать здесь. Не знаю еще, удастся ли тихо и незаметно улизнуть на праздники в У[лан]-Б[атор], а если не удастся, то придется встретить в Дархане, что будет довольно скучно.

Вообще, честно говоря, я сейчас все же даже доволен поездкой. Она уже многое мне дала. Укрепила в языке и вообще раскрыла немного глаза на жизнь, на людей — простых рабочих и верхушек — руководства, на условия производства нашего и монгольского. Столкнулся со всеми [Л. 7] буквально сторонами монгольской жизни.

Живу я в общепитии с рабочими, простыми парнями. Они мне больше по душе, куда легче, чем все эти интеллигентские хлюпки-нытики, вечно недовольные своими жизненными удобствами и обстановкой, так как нет у них упорства и выдержки в борьбе за свое я, за свое существование на земле и среди общества. Ребята рабочие очень были удивлены, что я, представитель ИТР (инженерно-технические работники), приближенный к руководству и окончивший Университет, фактически инженер по образованию, не отделяюсь от простых рабочих парней, живу их жизнью и не пренебрегаю их обществом и дружбой. За это все они очень меня уважают и многое доверяют, идут за советами, и я им чем могу, тем и помогаю, а вот самому мне часто очень нужно бывает совет, да вот обратиться не к кому. Приходится иногда все делать на свой страх и риск. Вы не подумайте, что я имею что-то против интеллигенции, нет [Л. 7 об.] я уважаю ее за ум, за стремление к самосовершенствованию. Но я сам вырос среди простых трудовых людей, детство мое прошло среди крестьян летом и среди рабочих зимой, так что я эту жизнь понял душой. А интеллигенция все-

гда почему-то отделяет себя от простых людей в какую-то особую касту, которой требуют всяческих привилегий перед другими людьми. Если ты знающий человек, то будь добр, научи нескольких незнающих и нельзя, ни в коем случае от них отпихиваться. Многие тоже могли стать такими же образованными, как многие ИТР на производстве, но многие жизненные причины не дали им это осуществить. В некоторой части интеллигенции (это в основном потомственная интеллигенция) существует все же тенденция как-то противопоставить себя обычным простым труженикам. Но это все конечно мой ночной бред. Ведь давно пора ложиться спать, уже 3-й час ночи, а у Вас еще только 10 часов вечера. Письмо вышло длинное, написал я его, вложил в него все, что думал (вернее согую долю), пора все же знать и меру, закруглиться. На этом разрешите кончить. До свидания! Привет большой Вашему сыну Роме и поздравления с Новым годом. Привет и поздравления всей нашей кафедре. С глубоким уважением к Вам, Ваш Валентин Р. Баяртай! Если нужно узнать некоторые монгольские слова, сообщайте, помогу. Пишите, жду ответа.

Письмо 4

[Л. 8]

Дархан
21 января 1963 г.

Здравствуйте, дорогая, глубокоуважаемая багш минь¹² Таисия Алексеевна!

С большим сердечным приветом к Вам Ваш ученик Валентин Р.

Я даже не знаю, с чего начать письмо, т.к. хотя особых изменений и не произошло, но все же есть, что вам рассказать. Но начну по порядку. Теперь я работаю вот уже месяц во 2-ю смену, т.е. с 2-х дня до 10 вечера. Это немного утомительно, но и ему придет конец, скоро у нас в учкомбинате будет 1-й выпуск и будет 2-й поток, который будет учиться по той же программе, а это значит, что не нужно будет мучиться над переводом лекций. Так что скоро будет возможность заниматься языком в полную силу, а не урывками, как сейчас. Но главное все же не это. Главное то, что я неожиданно для себя, получил возможность на практике подтвердить и еще более изучить метод изучения языка. Сейчас я уже веду кружок (его назвали курсами) по изучению монгольского языка. Слушателей набралось человек 20 с лишним. Все добровольцы, горящие желанием и подгоняемые необходимостью научиться хотя бы немного помонгольски. У нас нет ничего. Есть только мои знания и [Л. 8 об.] желание их научить, у них же — стремление все это узнать, постичь. Таким образом наши желания совпали. Это уже громадная помощь в изучении. Никогда еще я не видел более внимательной аудитории. Трудность в том (а это мне даже очень нравится), что у меня кроме словаря и небольшого разговорника, которым я так и не пользуюсь, совсем ничего нет по монгольскому языку. К тому же у меня нет абсолютно никакой возможности готовиться к занятиям. Пока экспромт. Занимаемся мы 2 раза в неделю, с 10-ти вечера до 12 ночи, т.е. после моей работы. Так удобнее, а иначе нам со временем не согласоваться. Как видите, условия довольно суровые, но тем больше желание добиться успеха (в смысле научить их языку). Сейчас я немного расскажу вам о сво-

¹² Багш минь (монг.) — мой учитель.

ем плане, который я пока держу в голове. Когда я освобожусь от переводов, я более подробно буду готовиться к «своим» курсам. Во-первых, я ознакомил слушателей с небольшими сведениями вообще о языке монголов (вкратце) и дал им понятие о звуках монгольского языка, о их произношении (даже о их позиционном произношении). На это ушло у нас 3 занятия, т.к. без произношения нельзя. Далее я ознакомил их с частями речи языка и сказал, что будем потихоньку их осваивать. Попутно все это я подкрепляю примерами — словами (которые не повторяются). Начали мы с местоимений и их склонений. Попутно ознакомил с падежами и их значениями. Кроме того, одновременно даю всевозможные выражения, которые так необходимы при общении. Затем я хочу построить занятия так, чтобы на одном занятии проходить немного, совсем немного минимальной грамматики по частям речи, давать слова по темам и выражения, к тому же составлять небольшие предложения и [Л. 9] рассказы, которые они будут со слуха переводить. Потом они сами будут составлять небольшие рассказы из знакомых слов (за неизвестными полезут в словарь, это хорошо), а другой будет слушать и переводить. В общем, я хочу испытать тот метод, который я вам описал в предыдущем письме. При занятиях русским языком с чехом, он себя оправдывает. При этих условиях способ этот очень упрощается. Как видите, взялся я за дело, которое заставляет крепко думать, это все явится для меня самого хорошей школой, поэтому я за него взялся. Недавно один знакомый парень подарил мне «Русско-монгольский словарь разговорного языка» А.В. Бурдукова¹³, 1935 г. издания. Приложение к нему грамматический очерк, написанный Поппе¹⁴. Хотя это и немного устаревшее грамматическое описание, но это здесь для меня большая находка. Таким образом, учебные пособия есть.

Ну вот, теперь вы в курсе моих дел. Очень Вас прошу написать Ваше мнение, очень хочется знать его. Молодость есть молодость, ей так часто свойственно заблуждаться и ошибаться.

Купил в прошлом году я здесь немецкий фотоаппарат «Werra-4». Хороший аппарат, [Л. 9 об.] сделал первые снимки. Хочу Вам послать один из них. В одно из воскресений мы с другом забрались на сопку и фотографировались. Одеты мы были подархански, т.к. у нас обычно морозы сейчас -30°C , недавно было -44°C . Поэтому вспомним пословицу: «Жар костей не ломит» и одеваемся потеплей.

Пейзажи здесь очень красивы. Нужно будет несколько снимков сделать пейзажных.

Таисия Алексеевна, пишите, пожалуйста, как Вы там живете, что нового в Вашей работе, на кафедре, на факультете и вообще в Ленинграде. Как поживает Петя Биткеев¹⁵? Он давно что-то не пишет. Как живет Владимир Михайлович¹⁶. Я о нем ничего сейчас не знаю, т.к. ни Петя ни он не пишут, вероятно, целиком ушли в фонетику. Что ж, их понять можно и нужно. Потерплю до приезда. Приеду, тогда все и узнаю. Теперь-то уже скоро. Осталось 5 месяцев.

¹³ Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943) — монголовед-филолог, отец Т.А. Бурдуковой.

¹⁴ См. (Бурдуков 1935).

¹⁵ Биткеев Петр Цеденович (род. 1937) — специалист в области фонетики монгольских языков, доктор филологических наук, профессор.

¹⁶ Надеяев Владимир Михайлович (1912–1985) — тюрколог и монголист, специалист по общему языкознанию и экспериментальной фонетике.

Ну вот и все. Разрешите на этом закончить. До свидания! Желаю Вам здоровья и успехов. Передавайте большой привет кафедре, Дмитрию Андриановичу¹⁷, Карабаевой¹⁸, Королю¹⁹, и другим, да, передайте от меня привет Нафисе Исхаковне с турецкой кафедры²⁰.

Еще раз до свидания! Баяртай!

С глубоким уважением, Ваш Валентин Р.

Литература

- АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253 — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 253.
- Алексеев 2015 — *Алексеев К.В.* Жизнь в науке: монголоведение в трудах З.К. Касьяненко // *Mongolica-XV*. Сб. науч. статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 6.
- Бурдуков 1935 — *Бурдуков А.В.* Русско-монгольский словарь разговорного языка с предисловием и грамматическим очерком Н.Н. Поппе. Ленинград: Издание Ленинградского восточного института, 1935.
- Ринчинэ 1952 — *Ринчинэ А.Р.* Учебник монгольского языка / Под ред. проф. Г.Д. Санжеева. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1952.
- Дам-Ринчинэ, Мункин 1960 — *Дам-Ринчинэ А.Р., Мункин Г.С.* Русско-монгольский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960.

References

- Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 165. Op. 2. Ed. khr. 253 [The Archives of the Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 165. Inv. 2. Un. 253] (in Russian).
- Alekseyev K.V. “Zhizn’ v nauke: mongolovedenie v trudakh Z.K. Kas’ianenko” [Life in Science: Mongol Studies in the Works of Z.K. Kasyanenko]. *Mongolica-XV*. Sbornik nauchnykh statei po mongolovedeniiu [Collection of Scientific Articles on Mongol Studies]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies], 2015, p. 6 (in Russian).
- Burdukov A.V. *Russko-mongol’skii slovar’ razgovornogo iazyka s predisloviem i grammaticheskim ocherkom N.N. Poppe* [Russian-Mongolian Dictionary of the Spoken Language with an Introduction and Grammatical Sketch by N.N. Poppe]. Leningrad: Izdanie Leningradskogo vostochnogo instituta [Edition of the Leningrad Oriental Institute], 1935 (in Russian).
- Rinchine A.R. *Uchebnik mongol’skogo iazyka*. Pod red. prof. G.D. Sanzheyeva. Moscow: Izd-vo lit-ry na in. iaz. [Textbook of the Mongolian Language. Ed. by prof. G.D. Sanzheev]. Moscow: Foreign Literature Publishers, 1952 (in Russian).
- Dam-Rinchine A.R., Munkin G.S. *Russko-mongol’skii slovar’* [Russian-Mongolian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo inostrannykh i natsional’nykh slovarei [State Publishing House of Foreign and National Dictionaries], 1960 (in Russian).

¹⁷ Алексеев Дмитрий Андрианович (1908–1973) — к.ф.н., профессор, заведующий кафедрой монгольской филологии ЛГУ (1945–1973).

¹⁸ Карабаева Лидия Александровна (1932–?) — выпускница кафедры монгольской филологии ЛГУ.

¹⁹ Король Болеслав Исидорович (1907–?) — выпускник Ленинградского Восточного института, специалист в области истории монголов.

²⁰ Шамилова Нафиса Исхаковна (1907–?) — специалист в области османского языка и турецкой литературы.

**Letters of V.I. Rassadin from Darkhan
(from the Archives of Orientalists in the IOM RAS)**

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 88–99)
Received 02.12.2019.

Svetlana S. Sabrukova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article publishes four letters written by V.I. Rassadin to his teacher T.A. Burdukova (1912–1987) between March 1962 and January 1963. In these letters, for the first time he described his own method of learning foreign languages, which became the basis for his further scholarly career. In details, his theory is presented in his letters, and can be applied not only to the Mongolian language, but to other languages as well. Following his method, V.I. Rassadin himself learned the Tatar language, taught Russian to Mongols, as well as Mongolian to Soviet specialists in Darkhan. His description of Mongolian life at the beginning of industrial development, as well as his personal perceptions could be of a great interest.

Key words: V.I. Rassadin, letters, Mongolian colloquial language, foreign language teaching methods.

About the author:

Svetlana S. Sabrukova, Cand. Sci. (Philology), Junior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (ssabrukova@yandex.ru).

Лаборатория реставрации ИВР РАН

О.В. Лундышева

Институт восточных рукописей РАН

Л.И. Крякина

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040095

Статья посвящена 70-летию основания в Институте востоковедения АН — Институте восточных рукописей РАН Лаборатории реставрации. Основная цель статьи — вспомнить имена всех реставраторов, которые работали и работают в ИВ АН — ИВР РАН, и таким образом выразить им уважение и благодарность за их труд. Статья вводит в научный оборот ряд архивных документов, связанных с историей Лаборатории.

Ключевые слова: реставрационная лаборатория, реставрация восточных рукописей, история реставрации, документы Архива востоковедов.

Статья поступила в редакцию 29.10.2019.

Лундышева Ольга Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (olgavecholga@gmail.com).

Крякина Любовь Ивановна, ведущий художник-реставратор Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (lkriakina@mail.ru).

© Лундышева О.В., 2019
© Крякина Л.И., 2019

В 2019 г. исполняется 70 лет, с тех пор как в Институте востоковедения АН СССР (ИВ АН) — Ленинградском отделении института востоковедения СССР (ЛО ИВ (ИНА¹) АН) — Санкт-Петербургском филиале института востоковедения РАН (СПбФ ИВ РАН) — Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН) начала работу Лаборатория реставрации.

Рукописи и фрагменты рукописей, поступавшие на постоянное хранение в Азиатский Музей в XIX и начале XX в., часто нуждались в срочной консервации или реставрации рукописных листов и переплетов, но специальной службы консервации и реставрации в Музее тогда не было. Однако попытки закрепить бумажные листы

¹ В 1960–1970 гг. Институт востоковедения (ИВ) назывался Институтом народов Азии (ИНА).

с помощью обычных канцелярских клеев и прозрачной бумаги для копирования чертежей (кальки) делались. В нашем собрании можно найти следы такой починки древней бумаги, которая предположительно проводилась силами исследователей, изучавших тексты данных рукописей, или хранителей рукописного собрания.

Серьезные научные исследования по разработке методик консервации и реставрации древних восточных текстов начались в Ленинграде только с середины 30-х годов XX в. В 1934 г. создается Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД) Академии наук СССР, которую с момента своего основания и до начала войны возглавлял Н.П. Тихонов (см. подробнее: Эрастов, Тихонов 1987). Ученицей Н.П. Тихонова была Раиса Васильевна Кандинская, с чьим именем и связана организация Лаборатории реставрации в ИВ АН.

Одним из важнейших условий сохранности рукописных коллекций является стабильность их месторасположения. Между тем за свою историю рукописное собрание Азиатского Музея — Института востоковедения трижды меняло местопребывание. Особенно трагическим и опасным был период ленинградской блокады 1941–1944 гг. Для спасения рукописей от бомбардировок немецкой авиации и артиллерийских обстрелов хранители рукописного собрания со всеми необходимыми предосторожностями упаковали рукописи в ящики и спустили их с верхних этажей Библиотеки Академии наук в ее подвалы. Три сотрудника добровольно остались в осажденном Ленинграде оберегать рукописные памятники. В крайне тяжелых условиях, при полном отсутствии освещения и отопления, они жили прямо в библиотеке, периодически проветривая ящики, следя за тем, чтобы не появилась плесень, и делали все возможное, чтобы сохранить без потерь рукописную коллекцию (ОРД: 3–4).

В 1948 г. Раиса Васильевна Кандинская приступила к проверке рукописных фондов (АВ ИВР-1. Ед. хр. 1041) и выяснила, что неблагоприятные условия хранения сказались на рукописной коллекции не лучшим образом. Раиса Васильевна запланировала реставрационные мероприятия по нескольким направлениям: «Дезинфекция от плесени и жучка, вклеивание выпавших листов, подклейка разрывов и т.д. <...> Выведение пятен, реставрация рисунков и миниатюр, реставрация обгорелых рукописей, выведение солей, выступивших после подмочки, закрепление текста и другие сложные повреждения» (Там же). Фактически реставрационные работы начались с 1949 г., но в штатном расписании Лаборатория появилась позже. Администрация сектора рукописей ИВ АН СССР осознавала крайнюю необходимость проведения реставрационных мероприятий и делала все возможное для организации Лаборатории.

Об этом свидетельствуют и другие документы, хранящиеся в Архиве востоковедов.

АВ ИВР-1. Ед. хр. 1078

В Дирекцию Института востоковедения

После тщательной проверки состояния фондов Рукописного отдела, произведенной в 1948 г., было установлено, что за период блокады разрушение рукописей плесенью и другими вредителями приняло ужасающие размеры. Фонды «Сериндия» и «Тангутика» сейчас требуют немедленной реставрации почти на все 100%. Из остальных рукописей 30% нуждаются в полной реставрации и еще 30% — в частичной.

Помимо основных фондов в Рукописном отделе хранится еще особая коллекция рукописей, поступившая в 1946 г. по распоряжению Президиума АН СССР из Библиотеки АН. Эта коллекция нуждается в особом к себе внимании, т.к. процент неблагополучных единиц в ней оказывается еще выше, нежели в основных фондах.

Рукописный отдел считает, что уникальное собрание рукописей и ксилографов ИВ АН должно быть обеспечено постоянным уходом и реставрацией, для чего необходим по крайней мере один квалифицированный специалист, который должен быть включен в штат Рукописного отдела на должность реставратора с соответствующим такому специалисту окладом.

В настоящее время в Рукописном отделе работает Р.В. Кандинская, ученица покойного профессора Н.П. Тихонова (директора Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР), единственный в Ленинграде квалифицированный специалист по реставрации рукописей и их хранению. Однако, за отсутствием в ИВ штатной единицы для реставратора, она сейчас работает на ставке научно-технического сотрудника, что не соответствует ни выполняемой ею работе, ни ее квалификации.

Рукописный отдел просит Дирекцию ИВ АН учесть все вышеизложенное и изыскать возможность перевести Р.В. Кандинскую на ставку реставратора рукописей.

Зав. Рукописным отделом

В.И. Беляев

Январь 1950

АВ ИВР-1. Ед. хр. 1130

Директору Института востоковедения Академии наук СССР
Доктору исторических наук, профессору С.П. Толстову
от и.о. Зав. Сектором восточных рукописей ИВ АН СССР
Д.И. Тихонова

Рукописные фонды ИВ АН за четыре года войны, когда они хранились в совершенно ненормальных условиях, подверглись такому сильному разрушению, что в конце 1948 г. Сектор восточных рукописей должен был поставить перед Дирекцией ИВ АН вопрос о необходимости срочной организации при Секторе специальной Лаборатории реставрации. По проекту Сектора в обязанности Лаборатории входило постоянное наблюдение за фондами, обеспыливание, дезинфекция, реставрация руинированных рукописей и изыскание предупредительных мер и средств против дальнейшего разрушения фондов.

Выполнение подобной работы могло быть поручено лишь высококвалифицированному специалисту, который, кроме глубокого знания реставрационной техники, должен быть еще и специалистом по вопросам хранения рукописей. Институту востоковедения удалось найти такого реставратора в лице Раисы Васильевны Кандинской, ученицы покойного профессора Н.П. Тихонова (директора Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР), которая совмещает в себе квалифицированного реставратора, хранителя рукописей, химика и фотографа.

Не имея в смете ни статьи на содержание Лаборатории, ни ставки, специально предназначенной для реставратора, Институт востоковедения все же решил немедленно приступить к спасению погибающих рукописей и начать работу хотя бы в самых скромных размерах. На первых порах требовалось выяснить количество подвергшихся разрушению рукописей и степень их разрушения, выделение зараженных рукописей, дезинфекция и, наконец, постепенная систематическая реставрация наиболее поврежденных единиц. На расходы Лаборатории были выделены небольшие средства (около 200 р. в месяц), а Р.В. Кандинской Институт был вынужден предложить поступить на оклад старшего научно-технического сотрудника с условием перевода на соответствующую ставку по утверждению в штатном расписании единицы реставратора.

Подробное обследование фондов, произведенное Лабораторией в 1948–1949 гг., показало, что из общего количества свыше 30 000 единиц хранения (исключая новый тибетский фонд) требуют реставрации, не говоря уже о дезинфекции и других более мелких работах, которые следует произвести почти над всеми фондами. Непосредственно реставрационная работа началась с середины 1949 г., которая и ведется систематически до сего времени. Размеры, многосторонность и требования, предъявляемые к качеству работы, теперь указывают на то, что Лаборатория далее уже не может существовать явочным порядком и что как ее расходы, так и штат должны быть включены в смету Института востоковедения.

Сектор считает, что кроме реставратора при Лаборатории должен быть специальный переплетчик, умеющий обращаться с рукописями, так как в фондах имеются тысячи рукописей, требующих переплета.

Затем при Лаборатории реставрации необходимо организовать также небольшую фотолaborаторию для микрофильмирования и фотографирования рукописей, обслуживаемую одним фотографом, который должен быть также одновременно и реставратором, чтобы в свободное от фотографирования время он мог заниматься реставрационной работой.

Декабрь 1950

Реставрационные работы выполняли в суровых условиях. Кадров категорически не хватало. Один реставратор не в силах был справиться с огромным объемом задач. Нужен был и отдельный сотрудник для проведения переплетных работ. Фактически только с 1980 г. в реставрационной Лаборатории постоянно трудился не один реставратор, а рабочая группа. Реставрационная мастерская находилась в плохо изолированном помещении (проходная комната). Не хватало оборудования и места для него.

3 июля 1953 г. директор ИВ РАН Авдиев пишет на имя Президента АН А.Н. Несмеянова:

«Большое число памятников, особенно более ранних (IV–XII вв.), подверглось действию времени и пришло в ветхое состояние. <...> Для того чтобы предотвратить разрушение ветхих памятников, необходимо вести систематическую работу по профилактике и реставрации... Справиться с такой большой работой по сохранению уникальных рукописей один специалист сектора Восточных рукописей, работающий по реставрации документов, естественно, не может. Кроме того, Сектор не имеет самого необходимого оборудования по реставрации рукописей...» (АВ ИВР-1. Ед. хр. 1130).

В высшей степени остро стоял вопрос подготовки кадров реставраторов. Не было специальных училищ, обучавших реставрационному делу — в частности, работе с различными видами старинной бумаги и рукописных книг. Первые реставраторы и переплетчики Лаборатории были фактически самоучками и не имели соответствующего образования. И тем не менее реставрационные работы велись с большим мастерством. Так, Г.С. Макарихина провела сложнейшую реставрацию Мервской рукописи, на которую не решились специалисты других реставрационных лабораторий города.

Вклад реставраторов часто остается без должного внимания. У всех на слуху имена исследователей, изучавших тексты древних рукописей. Но без кропотливого труда коллектива Лаборатории эти исследования не были бы возможны в принципе. В данной статье мы хотели бы вспомнить имена всех реставраторов, которые работали и работают в ИВ АН — ИВР РАН, и таким образом выразить им наше уважение и благодарность за их труд.

Кандинская (Степанова) Раиса Васильевна (23.11.1907–?). Окончила Государственный Петроградский фото-кино техникум в Ленинграде (1925–1929) по специальности фотограф-химик. Проректором учено-учебной части в техникуме был химик-реставратор Василий Николаевич Кононов, курс научной кинематографии читал специалист по фото- и кинотехнике Н.П. Тихонов. Впоследствии, когда оба они перешли в Институт археологической технологии (ИАТ) при Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), Раиса Васильевна начала работать под их руководством. Н.П. Тихонов был директором ИАТ (с 1931 г. — Институт исторической технологии Государственной Академии истории материальной культуры — ИИТ ГАИМК). В 1934 г. он организует Лабораторию консервации и реставрации документов АН СССР и покидает ИИТ ГАИМК. Вместе с ним в ЛКРД уходит и Раиса Васильевна. С 1934 по 1941 г. работала в ЛКРД младшим научным сотрудником, лаборантом-реставратором. Уже тогда она принимала участие в реставрации материалов рукописного собрания ИВ АН, которые передавали в Лабораторию. Оставила службу в Лаборатории по сокращению штатов. С 1944 по 1948 г. состояла в должности главного библиотекаря в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Зимой 1948–1949 гг. на добровольных началах провела осмотр рукописной коллекции ИВ АН. 20 августа 1949 г. принята в ИВ АН на ставку научно-технического работника. Предполагалось, что впоследствии, когда подобная штатная единица будет введена в штатное расписание Института, Раису Васильевну переведут на должность реставратора. С 23 мая 1950 г. — старший научно-технический сотрудник. Работала в Лаборатории реставрации до 31 октября 1959 г. (Бровенко 2000; АВ ИВР-2. Ед. хр. 317).

Кононов Василий Николаевич (28.03.1882–1958). Окончил отделение естественных наук физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Вел активную педагогическую и научно-исследовательскую деятельность как химик-реставратор. Вместе с Н.П. Тихоновым преподавал в Государственном Петроградском фото-кино техникуме. С 1929 г. перевелся на должность научного сотрудника ИАТ (с 1931 г. — ИИТ ГАИМК), где и оставался вплоть до 1939 г. В 1939 г. поступил в Государственный Эрмитаж на должность старшего научного сотрудника в реставрационно-технический отдел. Одновременно с этим, с 1949 по 1954 г. по совместительству работал старшим научным сотрудником в живописно-реставрационной мастерской Академии художеств, вел курс консервации и реставрации памятников на истфаке ЛГУ. В 1954 г. оставил Эрмитаж и перешел в ИВ АН, где

до выхода на пенсию в 1957 г. занимался исследованием, реставрацией и фотокопированием рукописей (АВ ИВР-2. Ед. хр. 324; Захарова, Тихонов 2015).

Белкова Ираида Ивановна (1912–?). Окончила 6 классов трудовой школы № 40. В 1927–1941 гг., 1944–1947, 1949–1953 гг. была приемщицей в различных типографиях г. Ленинграда. С 1953 г. работала курьером при Ленинградском отделении Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР (ЛОМИ), который располагался в одном здании с ЛО ИВ АН. В 1957 г. получила предложение поступить на должность помощника реставратора по переплетам в ЛО ИВ АН. Работала в Лаборатории до 5 октября 1960 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 77).

Макарихина Галина Сергеевна (22.12.1924–?). Окончила два курса Института инженеров железнодорожного транспорта (1945–1947). Реставратор Публичной библиотеки с 1948 по 1949 г. С 1 марта 1957 г. (временно зачислена с 1 декабря 1956 г.) являлась научно-техническим сотрудником ЛО ИВ АН. За 26 лет работы с материалами Рукописного фонда проводила реставрационные мероприятия со всеми коллекциями, особое внимание уделяя тангутским рукописям и ксилографам (светского содержания), дунхуанским фрагментам и свиткам, китайской части коллекции П.К. Козлова, санскритским рукописям Н.Ф. Петровского и ксилографам Тибетского фонда. В 1953 г. она отреставрировала 43 единицы сильно руинированных уйгурских документов. В 1966 г. Галина Сергеевна провела уникальную работу по реставрации 160 листов на бересте, так называемой Мервской рукописи. Вышла на пенсию 11.04.1983 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 876).

Таланов Николай Николаевич (12.06.1928–?). Окончил Ленинградский политехнический техникум по специальности технолог переплетно-брошюровочных процессов. С 1950 по 1961 г. работал в различных учреждениях г. Ленинграда, включая Публичную библиотеку, где реставрировал переплеты старинных (VIII–XVIII вв.) изданий. После прохождения испытательного срока (с 20.11.1961) был зачислен на должность старшего библиотекаря с исполнением реставрационно-переплетных работ в ЛО ИНА АН СССР (01.01.1962). Основное направление его деятельности — восстановление старинных кожаных переплетов восточных рукописей и изготовление новых обложек по китайским образцам для китайских и тангутских рукописей. В 1967 г. был назначен заведующим фотолабораторией, но продолжал исполнять прямые обязанности переплетчика. Работал в Лаборатории до 30.10.1969 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 721).

Пашутин Виктор Иванович (11.08.1921–?). Окончил 7 классов средней школы. Прошел 1 курс техникума электросвязи. С 1940 по 1948 г. служил в погранвойсках. После демобилизации окончил 3-месячные курсы почтовых работников и работал в системе министерства связи на различных должностях до 1966 г. Зачислен на должность зав. хозяйством ЛО ИНА с 08.12.67 г., а в 1978 г. — старшим лаборантом в реставрационную лабораторию. Переплетал рукописи, изготавливал для них специальные футляры, папки, коробки, обновлял переплеты наиболее ценных библиотечных книг. Работал в Лаборатории до 18.10.1982 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 828).

Григорьева Ольга Сергеевна (12.02.1947). Окончила курсы машинописи. С 1979 г. зачислена в Архив востоковедов ЛО ИВ РАН старшим лаборантом. Помимо работы с фондами выполняла функции машиниста-оператора. С 1983 г. готовила к печати

оригинал-макеты рукописей сотрудников Института. С 1993 г. была редактором изданий Института. С 1 августа 1994 г. перевелась в реставрационную Лабораторию в качестве помощника реставратора. В 1996 г. прошла стажировку в ЛКРД РАН. 27 июля 1999 г., после получения квалификации художник-реставратор библиотечных материалов первой категории, Ольга Сергеевна была переведена на должность художника-реставратора. В 1996–1997 гг. приняла участие в реставрации корейских средневековых рукописей Филиала по гранту Корейского фонда (Сеул). В 1998 г. занималась подготовкой древних и средневековых дальневосточных и индийских рукописей для выставки в Токио «Лотосовая Сутра и ее мир: буддийское письменное наследие на Великом Шелковом Пути». В декабре 1999 г. участвовала в гранте, предоставленном Японским Фондом Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, в рамках которого были отреставрированы: веер из коллекции японского капитана Дайкокуя Кодаю с монохромной живописью черной тушью — полная реставрация; совместно с художником-реставратором СПбФ ИВ РАН Крякиной Л.И. — 16 живописных картин «суетного мира», смонтированных в виде свитков-*какэмоно* (в вертикальном формате) и *макимоно* (в горизонтальном формате). Работала с большинством фондов рукописной коллекции Института. Вышла на пенсию 1 января 2002 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 1044).

Бровенко Надежда Мироновна (27.08.1946–16.10.2003). Работала вначале в Музее политической истории, Русском музее и Лаборатории консервации и реставрации документов РАН. Окончила в 1978 г. Институт живописи скульптуры и архитектуры им. Репина, факультет истории и теории искусств. Принята в ЛО ИВ АН (05.02.1980) на ставку старшего лаборанта в качестве переплетчика восточных рукописей. С 1 октября 1982 г. практически была единственным сотрудником реставрационной мастерской. В качестве первой самостоятельной работы отреставрировала сильно поврежденный китайский ксилограф из Хара-Хото. После выхода на пенсию Г.С. Макарихиной (11.04.1983) была переведена с должности старшего лаборанта на освободившуюся ставку реставратора. В 1999 г. получила квалификацию художника-реставратора высшей категории. Надежда Мироновна имела дело с большинством фондов рукописной коллекции. Под ее руководством и непосредственном участии велась консервация Дуньхуанского фонда, значительной части Центральноазиатского фонда. Также она проводила реставрацию сильно поврежденных тангутских рукописей. Участвовала в реставрационных проектах, поддержанных известными отечественными и зарубежными научными фондами (Фонд возрождения Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Российский фонд фундаментальных исследований, “Korea Foundation”, “Japan Foundation”, International Dunhuang Project). Письменные памятники, отреставрированные Н.М. Бровенко, были представлены на выставках в России, Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Японии, Тайване, США. В 1994 г. прошла стажировку в восточной реставрационной лаборатории Британской библиотеки в рамках международного проекта, поддержанного фондом Института Гетти. Проводила мастер-классы и стажировки по восточным методикам реставрации памятников на бумажной основе. Имеет ряд публикаций по вопросам реставрации. Принимала участие в международных и отечественных реставрационных научно-практических конференциях. Являлась членом Петербургской Гильдии реставраторов и участником Международного Дуньхуанского проекта. Скоропостижно скончалась 16.10.2003 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 1080).

Сахарова Ирина Николаевна (19.05.1965). Окончила в 1985 г. реставрационное отделение Ленинградского художественного училища (ЛХУ) им. В.А. Серова (ныне — Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха) по специальности реставрация и хранение произведений живописи. Поступила в ЛО ИВ АН на должность реставратора 07.08.1985 г. Работала в составе Лаборатории с дуньхуанскими, тангутскими и сериндийскими рукописями до 15.09.1989 г. (АВ ИВР-2. Ед. хр. 898).

Крякина Любовь Ивановна (29.09.1963). В 1983 г. закончила декоративно-оформительское отделение Ленинградского художественного училища (ЛХУ) им. В.А. Серова (ныне Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха) по специальности «проектирование и дизайн интерьера», а в 1995 г. — отделение теории и истории искусства Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина при Российской академии художеств по специальности «искусствоведение». С 1987 по 1989 г. работала реставратором в Библиотеке Российской академии наук; принимала участие в ликвидации последствий пожара 1988 г. С 1989 г. по настоящее время работает ведущим художником-реставратором восточных рукописей и документов в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН / ИВР РАН. В 2000 г. прошла стажировку в Токийском Институте сохранения культурных ценностей в рамках международного проекта The International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property (ICCROM) “Japanese Paper Conservation”. Проводит мастер-классы и стажировки по восточным методикам реставрации памятников на бумажной основе, имеет ряд публикаций по вопросам реставрации и искусствоведения, является членом Петербургской Гильдии реставраторов и Петровского общества историков бумаги, участником Международного Дуньхуанского проекта. Участвовала в 20 реставрационных проектах, поддержанных известными отечественными и зарубежными научными фондами (Фонд возрождения Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд, “Korea Foundation”, “Japan Foundation”, International Dunhuang Project). Письменные памятники, отреставрированные Л.И. Крякиной, были представлены на выставках в России, Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Франции, Испании, Японии, Тайване, США. Сотрудничала в качестве консультанта, исполнителя реставрационных работ и мастер-классов с Государственным Русским музеем, Государственным Эрмитажем, Музеем Кремля, Библиотекой РАН, Государственным историческим музеем (г. Москва), Музеем политической истории России, Российским этнографическим музеем, Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Всероссийским музеем А.С. Пушкина, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом), Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи, Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Школой реставрации книг и рукописей «Раритет» (г. Москва), Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Санкт-Петербургским государственным университетом, РОСФОТО, Санкт-Петербургским государственным технологическим университетом растительных полимеров, Алушкинским государственным дворцово-парковым музеем-заповедником, Музеем М. Шолохова в с. Вешенская Ростовской обл., Библиотекой Томского государственного университета, Санкт-Петербургским дацаном Гунзэчойнэй.

Является членом Аттестационной комиссии Министерства культуры Российской Федерации для специалистов в области сохранения объектов культурного наследия

(за исключением спасательных археологических полевых работ) и в области реставрации иных культурных ценностей. Принимала участие в международных и отечественных реставрационных научно-практических конференциях.

Яковлева Татьяна Федоровна (21.04.1975). Окончила в 1994 г. Педагогическое училище № 8. С мая 2003 по январь 2004 г. — реставратор в Российской национальной библиотеке. С 01.12.2003 г. по срочному трудовому договору принята в СПбФ ИВ АН в качестве старшего художника-реставратора. Работала в Лаборатории до 2 апреля 2012 г. с рукописями тангутской, дуньхуанской и сериндийской коллекций. Принимала участие в Международном Дуньхуанском проекте. Прошла стажировку в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость) и в Библиотеке Российской академии наук. Имеет ряд совместных публикаций в области реставрации. Письменные памятники, отреставрированные Т.Ф. Яковлевой, были представлены на выставках в России, Франции, Швейцарии и Японии (АВ ИВР-2. Ед. хр. 1174).

Арчакова Юлия Германовна (25.10.1969). Окончила в 2000 г. художественно-графический факультет Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена, Герценовский университет). С 1988 по 1995 г. работала художником-реставратором графических произведений в Санкт-Петербургском проектном институте «Реставратор», с 1998 по 2016 г. — художник-реставратор графических произведений в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость). В 2004 г. прошла стажировку в мастерской СПбФ ИВ РАН по восточным методам реставрации произведений и рукописных памятников на бумажной основе. С сентября 2005 по декабрь 2014 г. работала по совместительству в реставрационной Лаборатории СПбФ ИВ РАН / ИВР РАН с тангутской, тибетской, японской, китайской, сериндийской коллекциями. Имеет ряд публикаций в области реставрации произведений восточных письменных коллекций и европейского графического искусства, проводит стажировки и мастер-классы по реставрации графических произведений на бумажной основе для студентов Санкт-Петербургского государственного университета и Эколь де Кондэ (Лион, Франция). Участвовала в проектах по исследованию и реставрации бумаги дуньхуанских рукописей V–XII вв., корейских рукописей по гранту “Korea Foundation”, а также в международном проекте «Прогулки по городам» совместно с Институтом Гетти и Международным обществом Петра и Павла в Нидерландах по реставрации акварелей. В 2007 г. участвовала в выставке «Музейные реставраторы» в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость). Работы, выполненные Юлией Арчаковой, были представлены в разных городах России, в Италии, Нидерландах, Японии и Германии.

Мисюра-Аладова Ксения Андреевна (26.01.1989). Окончила в 2004 г. художественную школу им. Б. Кустодиева. В 2005 г. поступила в Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха на реставрационное отделение. С отличием окончив училище, продолжила образование на факультете теории и истории искусств Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина при Российской академии художеств. С 2009 г. — художник-реставратор в музее РОСФОТО, специализируется на документах на бумажной основе, в том числе фотодокументах. В 2013–2014 гг. работала реставратором в реставраци-

онной мастерской в ИВР РАН. Занималась консервацией и реставрацией рукописей тибетской, дуньхуанской и тангутской коллекций Института. Совместно с реставратором Ю.А. Богдановой разработала и опубликовала «Методические материалы по консервации и реставрации фотодокументов» (изд. Росфото, 2013 г.). Автор докладов и участник конференций в музеях: РОСФОТО, Эрмитажа, Финского музея фотографии, Эстонского исторического музея и других. Автор семинаров, посвященных хранению и консервации фотографических фондов и организуемых в рамках федеральной целевой программы сохранения фотодокументов.

Озернова Елизавета Сергеевна (9.11.1989). В 2014 г. окончила художественно-реставрационное отделение Суздальского филиала Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств по специальности «реставрация графических произведений и книг». Дипломный проект — «Реставрация и исследование Псалтири XVIII в. из фондов редких книг Ярославского художественного музея». Прошла стажировку под руководством Е.В. Мымриной, художника-реставратора высшей категории Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря и в Библиотеке Российской академии наук. С 1 сентября 2014 г. работает в качестве старшего художника-реставратора в ИВР РАН с дуньхуанской, тангутской, сериндийской, тибетской, монгольской коллекциями. Принимала участие в проектах Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по реставрации тибетских рукописей из собрания ИВР РАН. Письменные памятники, отреставрированные Е.С. Озерновой, были представлены на выставках в России и Франции.

Коростелева Кристина Валерьевна (26.07.1997). Окончила Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха в 2018 г. С 8 апреля 2019 г. работает в качестве художника-реставратора в ИВР РАН в проекте по реставрации рукописей Сериндийского фонда.

Литература

- АВ ИВР-1 — Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1041, 1078, 1130.
 АВ ИВР-2 — Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 77, 317, 324, 721, 828, 876, 898, 1044, 1080, 1174.
 ОРД — Архивные документы Отдела рукописей и документов ИВР РАН. 09-33.6/535.3.6 (Дела коллекций): *Петросян Ю.А.* Проблемы консервации и реставрации восточных рукописей в Институте востоковедения в Санкт-Петербурге (1994 г.) (на правах рукописи).
 Бровенко 2000 — *Бровенко Н.М.* История реставрации коллекции Дуньхуан в Институте востоковедения РАН // Теория и практика сохранения памятников культуры. Вып. 20. СПб.: Российская национальная библиотека, 2000. С. 160–167.
 Захарова, Тихонов 2015 — *Захарова А.А., Тихонов П.А.* Династия хранителей-реставраторов Кононовых (1890–1950-е гг.) и ее вклад в развитие музейного дела // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 6(6). СПб.: РОСФОТО, 2015. С. 14–25.
 Эрастов, Тихонов 1987 — *Эрастов Д.П., Тихонов А.Н.* Основатель лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР. Сохранность документов. Л.: Наука, 1987. С. 13–15.

References

- Arkhiv Otdela Rukopisei i dokumentov IVR RAN. 09-33.6/535.3.6 (Dela kollektcii): Iu.A. Petrosian. Problemy konservatsii i restavratsii vostochnykh rukopisei v Institute Vostokovedeniia v Sankt-Peterburge [Problems of conservation and restoration of Oriental manuscripts at the Institute of Oriental Studies in St. Petersburg] (1994 g.) (na pravakh rukopisi [as a manuscript]) (in Russian). Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 152. Op. 1a. Ed. khr. 1041, 1078, 1130 (in Russian). Arkhiv vostokovedov IVR RAN. F. 152. Op. 3. Ed. khr. 77, 317, 324, 721, 828, 876, 898, 1044, 1080, 1174 (in Russian).
- Brovenko N.M. “Istoriia restavratsii kollektcii Dun’khuan v Institute vostokovedeniia RAN” [The History of the Restoration of the Dunhuang Collection at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. In: *Teoriia i praktika sokhraneniia pamiatnikov kul’tury* [Theory and Practice of Preservation of Cultural Monuments]. Vyp. 20. St. Petersburg: Rossiiskaia Natsional’naia Biblioteka, 2000, pp. 160–167 (in Russian).
- Erastov D.P., Tikhonov A.N. “Osnovatel’ laboratorii konservatsii i restavratsii dokumentov AN SSSR” [The Founder of the Laboratory for Conservation and Restoration of Documents of the Academy of Sciences of the USSR]. In: *Sokhrannost’ dokumentov* [Preservation of Documents]. Leningrad: Nauka, 1987, pp. 13–15 (in Russian).
- Zakharova A.A., Tikhonov P.A. “Dinastiia khranitelei-restavratov Kononovykh (1890–1950-e) i ee vklad v razvitie muzeinogo dela” [The Kononov Dynasty of the Collection Keepers and Restorers (1890–1950) and Its Contribution to the Development of Museum Work]. In: *Fotografiia. Izobrazhenie. Dokument*. [Photo. Picture. Document]. Vyp. 6(6). St. Petersburg: ROSFOTO, 2015, pp. 14–25 (in Russian).

The IOM RAS Conservation Laboratory

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 100–110)
Received 29.10.2019.

Olga V. Lundyshcheva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Liubov I. Kriakina

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article is dedicated to the 70th anniversary of the foundation of the Conservation Laboratory at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences — Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The main purpose of the article is to recall the names of all the conservators who worked and currently work at the Institute and thus express our respect and gratitude to their work. The article introduces several archival documents related to the history of the founding of the Laboratory.

Key words: conservation laboratory, manuscript conservation, archival documents, history of conservation.

About the authors:

Olga V. Lundyshcheva, Junior Researcher, the Laboratory Serindica, IOM RAS (olgavecholga@gmail.com).

Liubov I. Kriakina, Leading Conservator at the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (lkriakina@mail.ru).

III Конференция памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока»

(Санкт-Петербург, 18–19 марта 2019 г.)

И.В. Богданов

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040101

Ключевые слова: история и культура Древнего Востока, Институт восточных рукописей РАН, научная конференция.

Статья поступила в редакцию 30.09.2019 г.

Богданов Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (jwan.bgd@yandex.ru).

© Богданов И.В., 2019

18–19 марта 2019 г. в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН состоялась III конференция памяти Владимира Ароновича Якобсона (26.10.1930–05.03.2015), выдающегося отечественного ученого-ассириолога и замечательного знатока истории древневосточных цивилизаций.

Круг научных интересов В.А. Якобсона был весьма широк. Помимо ассириологии его интересовали проблемы происхождения государства, типологии древневосточных обществ и цивилизаций, истории права на Востоке, вопросы формирования литературных жанров в эпоху архаики. Интересы ученого определили направления работы конференции, где нашли отражение проблемы политической истории и международных отношений, государства и права, общие вопросы источниковедения и историографии Древнего Востока — от Египта до Парфии. С докладами выступили 15 специалистов.

Конференцию открыла приветственным словом директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова, которая отметила ключевое значение работ В.А. Якобсона для отечественного востоковедения.

С.А. Французов (д.и.н., доцент, зав. Отделом Ближнего и Среднего Востока, гл.н.с. ИВР РАН) представил доклад «Вклад академика Василия Васильевича Струве в грамматику». В прамбуле к выступлению он выразил мнение, что творчество академика В.В. Струве (1889–1965) характеризуется значительной разносторонностью его научных интересов, переходящей в подлинный энциклопедизм, в котором нашлось место не только египтологии и ассириологии, но и такой тогда еще только

формировавшейся дисциплине, как грамματοлогия, т.е. учению о теории и истории письма. Его брошюра «Происхождение алфавита» (Пг., 1923. 64 с.) и две статьи в малотиражных сборниках (Addendum к дешифровке «синайских надписей» // Еврейская старина. Т. XI. Л., 1924. С. 341–344; Происхождение семитического алфавита // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. М.; Пг., 1925. С. 101–104), вышедшие на русском языке в тяжелые послереволюционные годы, призваны были подтвердить гениальную догадку Ж.-Фр. Шампольона-младшего о формировании семитического алфавита под непосредственным влиянием египетского иероглифического письма по акрофоническому принципу. Непосредственным поводом для написания этих работ стало открытие протосинайских надписей У.М. Флиндерсом Питри в 1905 г. и первые подступы к их дешифровке сэра Алана Х. Гардинера в 1916 г. В.В. Струве обратил особое внимание на необходимость при изучении истории алфавита учитывать названия и начертания знаков южносемитских письменностей. Не случайно, что эти три его работы удостоились высокой оценки А.Г. Лундина, вернувшегося к данной проблематике спустя шесть десятилетий (Дешифровка протосинайского письма. М., 1991. С. 14).

О.В. Попова (к.ф.н., PhD, н.с. Института языкознания РАН) прочитала доклад, написанный в соавторстве с Луиз Кильян (PhD, университет Париж 1), «Страусы в жизни и культуре Месопотамии». Он начинался с любопытной цитаты из дипломатической переписки, сохранившейся в архиве древнего города Мари (Северная Месопотамия): «У меня нет страуса, пришли мне как можно скорее красивого страуса!» — так ответил царь страны Шуда царю страны Мари Зимри-Лиму на его вопрос, что тот хочет получить в подарок. Страусы жили в степях вдали от людей. Следы их присутствия в Месопотамии прослеживаются с конца IV тыс. и до конца I тыс. до н.э. В докладе была раскрыта роль этих птиц в месопотамской повседневной жизни и культуре. Для исследования привлекались археологические источники, тексты и иконография. Страусов держали при дворе для развлечения элиты, ради престижа, они могли служить и дипломатическими подарками. На ассирийских печатях быстрые и опасные страусы изображаются среди трофеев царской охоты наряду со львами. Их яйца и перья на протяжении всего периода использовались для изготовления предметов роскоши: сосудов, вееров и одежды.

Доклад И.В. Богданова (к.и.н., с.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН) «Исключительное значение титула *hm* „величество“: два эпизода» был посвящен грамматической характеристике древнеегипетского понятия *hm*, а также анализу отдельных нестандартных примеров его употребления. В египетских текстах титул *hm* встречается преимущественно в двух значениях: «раб» — для зависимого человека и «величество» — в отношении царя. Оба титула имеют одну лексическую основу, однако их исключительное содержание было утрачено еще в ранней древности, и даже в III тыс. до н.э. они крайне редко воспринимались самими египтянами как корреляты. В результате история формирования терминологии и высшего института власти, и рабства в древнеегипетском государстве оказалась практически неотраженной в письменных источниках. Титул *hm* «величество» не был тождественен своему носителю, его нельзя включить в число так называемых египетских душ, он не являлся мировоззренческим концептом и вообще плодом идеологической мысли. Более того, все мировоззренческие «категории» имели различный генезис и относились к разным сферам пространственного мышления древних египтян. В докладе на основании сравнения грамматических категорий для египетских понятий и терминов был выдвинут постулат, согласно которому категория *hm/hmt* (соответственно мужского и женского рода)

образована от глагола *hm* с приблизительным значением «вырубить», благодаря чему выявляется исконное значение титула *hm/hmt* — «вырубленный/вырубленная». В результате субстантивации в форме *participium perfecti passivi* он приобретает значение «поперечная ось, стержень, ствол, скелет». Далее в докладе были рассмотрены тексты, в которых термин *hm/hmt* употребляется в значениях «столб» для мишени и «столб» пламени, т.е. молния, с которой сравнивается меч фараона.

Сообщение Н.В. Макеевой (ст. преподаватель кафедры Древнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета) «Надпись на саркофаге Нехтбастетру (ДВ 767)» было посвящено текстам на двух саркофагах XXVI династии из коллекции Государственного Эрмитажа, полностью пока еще не опубликованных. Оба саркофага — тот, что принадлежал жене царя Амасиса, и тот, в котором был похоронен его сын, — содержат надпись, часть которой известна как «заклинание 788 Текстов саркофагов». Эта, а также другие части надписи впервые встречаются на пирамидионе Аменхета III, хранящемся в Каирском музее, а впоследствии — на саркофагах частных лиц Среднего царства. Надписи располагались, по-видимому, соответственно ориентации памятника по сторонам света, но в текстах на поздних саркофагах такое соотношение не прослеживается. Кроме того, древняя формула претерпела некоторые грамматические и смысловые изменения, которые и были рассмотрены в докладе.

А.В. Логинов (к.и.н., доцент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина) и В.Ю. Шелестин (к.и.н., н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН) познакомили собравшихся с докладом «Происхождение микенского скипетра в свете древневосточных параллелей». В сообщении отмечалось, что, хотя скипетр в Греции засвидетельствован археологически с микенского времени, впервые он упоминается лишь в гомеровском эпосе. В докладе проанализированы все упоминания скипетра в источниках I тыс. до н.э., на основании которых были реконструированы представления гомеровского и более раннего времени о скипетре как карательном оружии метательного действия, подобном молнии. Некоторые археологические объекты микенского периода соответствуют этому описанию, но отличаются от большинства скипетров Древнего Востока. Анализ представлений о скипетре на Ближнем Востоке III–II тыс. до н.э. выявил лишь одну схожую традицию — хеттскую. Исходя из этого, докладчики пришли к выводу, что генезис микенского и хеттского царского скипетра связан не с пастушеским посохом, а с копьем, форма которого была изменена в ритуальных целях.

В докладе «Богословие крещения в синоптических Евангелиях и в Евангелии от Иоанна» М.В. Фионин (м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН) представил обзор современных научных комментариев к эпизоду крещения Иисуса Христа (Мк 1:9–11, Мф 3:13–17, Лк 3:21–22, Ин 1:29–34). Автор доклада выделил ряд существенных различий в описании этого сюжета между синоптической традицией и традицией Евангелия от Иоанна. Например, Иоанн не упоминает о том, что Иисус входил в воды реки Иордан, а также некоторые другие детали. Докладчик пришел к заключению, что описание крещения синоптиками вошло в последующий литургический канон одного из таинств христианской церкви, в то время как в Евангелии от Иоанна идея крещения характеризуется скорее как таинство внутреннего духовного возрождения.

В докладе В.В. Емельянова (д.ф.н., профессор кафедры семитологии и гебраистики Санкт-Петербургского государственного университета) «Имя собственное $G_{u_3-de_2}$ -а до II династии Лагаша» была подвергнута ревизии словарная статья из нашумевшей книги Т. Балке о старошумерской ономастике города Лагаша. Оба контекста, в кото-

рых встречается собственное имя $G_u_3-de_2-a$, по мнению докладчика, требуют пересмотра. В одном случае сочетание знаков gu_3-de_2-a означает хвалебные восклицания, а в другом — требуемое число фиников. Автором доклада было выдвинуто предположение, что имя правителя II династии Лагаша Гудеа было переведено с аккадского языка, в котором, начиная с саргоновского периода, существовала продуктивная модель для формирования собственных имен — *Nabi/Ibbi-DN*. Полное имя Гудеа раскрывается как «пастырь, призванный (богом) Нингирсу», а миссия, для которой он был предназначен, — это строительство храма Энинну. Из легенды на цилиндре А выясняется, что Нингирсу пообещал Гудеа за постройку храма спасти Лагаш от засухи. Данные шумерского текста хорошо соотносятся с исследованиями палеоклиматологов, которые давно характеризуют засуху XXII в. до н.э. как событие, спровоцировавшее падение царства Аккада и Старого царства в Египте. Теперь можно предположить, что распространение имени Гудеа в текстах конца III тыс. до н.э. связано с культом этого правителя как человека с особым предназначением, спасшего Лагаш от засухи.

Доклад Р.Р. Вергазова (канд. искусствоведения, м.н.с. Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) им. А.С. Пушкина) «Новые фрагменты росписей Эребуни из коллекции ГМИИ. Первые результаты исследований» был посвящен неопубликованным и ранее неизвестным фрагментам монументальных росписей из Эребуни в коллекции ГМИИ. Докладчик сообщил, что в 2017 г. Отделом Древнего Востока совместно с Государственным НИИ реставрации был начат исследовательский проект по реставрации монументальных росписей из Эребуни. Начальный этап технико-технологических исследований фресок позволил изучить состав штукатурной основы, красочного слоя и определить следы реставрационных вмешательств. В ходе раскрытия гипсовой монтировки фрагментов росписей были открыты нижние слои живописи с фигуративными изображениями. Первые результаты исследований фрагментов росписей из Эребуни оказались плодотворными и ценными для понимания технической и технологической стороны создания урартской живописи.

В.Ю. Шелестин (к.и.н., н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН) представил сообщение «Последний договор с Киццувадной». Он отметил, что в число договоров Хеттского царства со своим юго-восточным соседом Киццувадной традиционно включают восемь международных соглашений, но лишь в одном из них — СТН 132 — не сохранились имена обоих контрагентов. Этот документ относят ко второй половине XIII в. до н.э., когда независимой Киццувадны более не существовало, но по ряду причин многие исследователи считают именно его последним хетто-киццувадским соглашением. Изучение практик копирования хеттских международных договоров показывает, что неактуальные договоры с более несуществующими государствами почти не переписывались, а определение СТН 132 как договора с Киццувадной основано на упоминании в его тексте богов Киццувадны/Кумманни. Это позволило докладчику предположить, что СТН 132 является поздней копией договора с сирийским контрагентом эпохи Суппилулиумы I, актуализированного переписчиком конца XIII в. до н.э.

В.А. Большаков (к.и.н., доцент кафедры истории и социально-экономических дисциплин Российского университета дружбы народов) сделал доклад на тему «Сакральная роль великой царской супруги в контексте идеологии правления Аменхотепа III и Эхнатона». Автор сообщения попытался раскрыть особенности священного статуса великой супруги царя (*hmt nswt wrt*) в преддверии Амарнской эпохи и во времена реформы Эхнатона. Сакральная роль главных представительниц царской семьи —

Тии и Нефертити — определяется докладчиком как совокупность культово-церемониального и теологического аспектов. Особое внимание в сообщении В.А. Большакова было уделено идеологическим предпосылкам беспрецедентного возвышения обеих царских жен. Краткий обзор изобразительных и эпиграфических источников, относящихся к Тии, по мнению докладчика, позволяет сделать вывод о прямой связи между официальной репрезентацией царской пары как божественной и новыми теологическими тенденциями в египетской религии. С точки зрения докладчика, получившая развитие при Аменхотепе III «новая солнечная теология», концентрировавшаяся на концепте верховного солнечного божества, явилась провозвестницей радикальной солнцепоклоннической реформы Аменхотепа IV (Эхнатона). Исходя из этого, положение и сакральная роль Нефертити в контексте «амарнской религии» рассматривается докладчиком как развитие идеологии предшествующего царствования. В связи с гипотезой об адаптации Эхнатона древней гелиопольской космогонии в докладе также был затронут вопрос о роли Нефертити как вероятного олицетворения божественного женского начала в амарнской теологической системе.

Ю.А. Виноградов (д.и.н., в.н.с. Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН) представил обзор под названием «Археологические открытия в западной части острова Сокотра (Йемен)». Он отметил принципиальное значение для изучения древностей Сокотры «Перипла Эритрейского моря» (§ 30–31), в котором она названа островом Диоскурида. Эта информация позволяет считать, что в римское время Сокотра играла большую роль на торговых путях из Средиземноморья в Индию. Однако долгое время не удавалось найти археологических материалов, которые подтвердили бы эти сведения. Только в 2010 г. Российско-Йеменская комплексная экспедиция обнаружила поселение Кош с материалами первых веков н.э. В 2012 г. поблизости от него была открыта еще серия подобных памятников (Ка'ар-1, Ка'ар-2 и т.д.). Один из феноменов сокотрийской археологии заключается в том, что почти весь остров разделен сетью каменных стен, идущих в разных направлениях и иногда пересекающихся, порой создающих подобия дорог. Стены построены фундаментально, часто из крупных камней. Другой феномен — остатки крупных каменных построек, которые опять же выявлены практически повсеместно и должны быть как-то связаны с «межевыми» стенами. Эти постройки действительно имеют большую площадь, они состоят из многих помещений, порой расположенных в один ряд. Можно предположить, что появление всех этих древних сооружений было обусловлено освоением естественных богатств острова в первые века н.э. Немногочисленные керамические находки позволяют относить их скорее ко времени поздней античности, чем раннего средневековья. Некоторое время на Сокотре существовала великолепно организованная экономическая система, направленная на эксплуатацию естественных богатств острова. Эта система пришла в упадок, как представляется, с крушением античной торговли в Индийском океане. Порт Кана был оставлен в VII в. н.э., а Сумхурам прекратил существование еще раньше.

В докладе «В.А. Якобсон и И.С. Клочков: переводы и интерпретация вавилонских поэтов-мыслителей», посвященном переводческим трудам В.А. Якобсона и историка, культуролога и поэта И.С. Клочкова (1944–2014), Н.О. Чехович (советник ИВР РАН) сосредоточила внимание на переводах вавилонских поэм, повествующих о страданиях героя, не знающего за собой вины и тем не менее подвергающегося ударам судьбы и испытаниям болезнями. Среди вавилонских произведений по этой теме, развитой впоследствии в библейской истории Иова, отмечен и авторский текст, причем имя

автора было искусно вплетено в текст в виде акrostиха. В докладе прослежены некоторые вопросы, поднятые в монографии И.С. Клочкова «Духовная культура Вавилонии», и показано влияние ее на трансформацию концепции античной «литературы» и древневосточной «словесности», выдвинутой С.С. Аверинцевым.

В докладе «Об одном необычном аспекте восприятия фараона при XX династии» А.В. Сафронов (к.и.н., н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН) рассмотрел два фрагмента надписей Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу. Тексты содержат упоминания о неких врагах (*d3y.t*), которые переступают через фараона, из-за чего Рамсес III вынужден уничтожать их на своем теле, как клопов. Анализ употребленной в тексте фразеологии позволил автору выдвинуть предположение, что в данных контекстах под «телом» Рамсеса III подразумевается Египет. Этому предположению докладчик отыскивает возможную параллель в более ранних текстах — времен XI династии: в них выполняющие миссии сановники утверждают, что они — часть тела фараона, т.е. государства.

В докладе В.П. Никонорова (к.и.н., с.н.с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН) «Использовали ли парфяне боевых слонов?» рассматривался вопрос о применении этих животных в армии парфянских Аршакидов в связи с находкой изображения боевого слона на фрагментах терракотового рельефа (или рельефов), найденных на городище Новая Ниса (Южный Туркменистан) А.А. Марущенко (в 1936 г.) и М.И. Вязьмитиной (в 1948 и 1949 гг.). Последняя подготовила в 1950-х годах публикацию этих фрагментов, которая в силу обстоятельств увидела свет лишь недавно благодаря усилиям В.Н. Пилипко («Краткие сообщения Института археологии». Вып. 252. 2018. С. 195–218). По мнению М.И. Вязьмитиной, изображенный боевой слон был парфянским. Однако такая атрибуция не может не вызывать возражений, прежде всего поскольку она противоречит данным об основных принципах стратегии и тактики парфянского воинства, характеризовавшихся как быстротой передвижения войск в походном порядке, так и использованием на поле боя легкой и тяжелой кавалерии в качестве главной ударной силы. Скорее всего, заключает докладчик, на рельефе из Новой Нисы изображен селевкидский или греко-бактрийский боевой слон, так как в армиях и Селевкидов, и эллинских правителей Бактрии боевые слоны действительно применялись.

А.А. Барбашов (аспирант кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков, факультет истории, политологии и права Московского государственного областного университета) представил вниманию слушателей сообщение «Упоминания *kftjw* в египетских источниках XVIII династии». Этнонимом *kftjw* египтяне называли «критян», а собственно Эгеида именуется *jww hrjw-jb nw w3d-wr* («Острова посреди моря»). В период XVIII династии одной из излюбленных тем в египетской иконографии стали настенные росписи со сценами приема иноземных посланников. Эти сюжеты позволяют нам расширить представления об экономической и политической жизни Египта и его отношениях с соседями. От периода Нового царства у нас сохранилось немало изображений критян в частных гробницах вельмож (Усерамон, Менхеперрасенеб, Сенмут, Рехмира). Немало информации об этнополитических контактах между Египтом и Эгеидой в XVI–XV вв. до н.э. предоставляет нам и археологический материал. Основываясь на этих данных, докладчик сделал предположение, что контакты между двумя регионами носили интенсивный характер, хотя после правления Тутмоса III на небольшой период времени контакты были прекращены, что было вызвано извержением вулкана на о-ве Санторин.

К.Ф. Карлова (к.и.н., н.с. Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН) представила доклад «Новый источник с упоминанием мифа из „Книги небесной коровы“». Не секрет, что сказание о сотворении людей из Ока Ра и их последующем истреблении, известное как «Книга небесной коровы», получило распространение в эпоху Нового царства. Миф сохранился в записях на стенах гробниц фараонов Сети I, Рамсеса II, Рамсеса III, Рамсеса IV, на наосе из гробницы Тутанхамона и на одном папирусе рамессидского периода (Туринский музей). Докладчик полагает, что отсылка к этому мифу содержится еще в одном источнике времени XIX династии. Речь идет о стеле из Атрибиса, на которой описывается военная кампания фараона Мернептах, предпринятая против ливийцев на пятом году его правления. В результате этой войны ливийцы и некоторые группы «народов моря», которые пытались вторгнуться на территорию Египта, были разбиты Мернептахом в Дельте. Интересующий нас фрагмент выглядит следующим образом: [...] *iry p3 R^c ds=f shwr rmt<=s> dr th[=sn r]* [...]– «Проклял сам Ра людей ее, когда совершили преступление [они против] [...]». По мнению автора доклада, после лексемы *rmt* следует восстановить местоимение третьего лица единственного числа $\overset{c}{r}$, т.е. *rmt=s* «людей ее», с учетом того, что это выражение может сочетаться в роде и числе только со словом *Km.t* «Египет». Тогда в указанном фрагменте стелы содержится аллюзия на бунт людей против Ра, который, согласно мифу о небесной корове, стал причиной тотальной трансформации миропорядка. В подтверждение своего предположения автор указывает на фрагмент «Стелы Израиля» Мернептах, где упоминается о каком-то преступлении «людей ее» (*bw jr h3.tj kd n th rmt=s*). Из контекста следует, что выражение *rmt=s* здесь обозначает именно египтян, по отношению к которым употреблен глагол *th* в значении «совершать преступление». Исходя из этих параллелей докладчик заключает, что и на стеле из Атрибиса, и в «Книге небесной коровы» дается отсылка к мифу о восстании людей против бога Ра.

Все сообщения докладчиков были заслушаны аудиторией с большим вниманием и интересом. Многие из них вызвали оживленные дискуссии.

The Third Academic Conference in Memory of Prof. Dr. Vladimir A. Jakobson “Society and Culture of the Ancient Orient”

(St. Petersburg, March 18–19, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 111–117)

Received 30.09.2019.

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;

Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: History and Culture of the Ancient Orient, the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Academic Conference.

About the author:

Ivan V. Bogdanov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS (jwan.bgd@yandex.ru).

Международный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи из России и Киргизии»

(Кыргызстан, Бишкек, 26–27 апреля 2019 г.)

М.А. Козинцев

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040113

Ключевые слова: тюркология, молодые востоковеды, научное сотрудничество.

Статья поступила в редакцию 19.08.2019.

Козинцев Марк Альвиевич, аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (m.kozintcev@mail.ru).

© Козинцев М.А., 2019

26–27 апреля 2019 г. в столице Республики Кыргызстан Бишкеке в Кыргызско-Российском Славянском университете (КРСУ) им. Б.Н. Ельцина состоялся международный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи из России и Киргизии». Мероприятие было организовано Санкт-Петербургским обществом научных и культурных связей с Турцией при поддержке российского Фонда президентских грантов. Институт восточных рукописей РАН выступил одним из партнеров проекта, в число которых вошли Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Московский государственный лингвистический университет, Международный союз обществ дружбы с народами зарубежных стран и Ассоциация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ).

По замыслу организаторов, цель форума состояла в том, чтобы способствовать укреплению и расширению экспертных связей между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан, и в частности объединению усилий студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках проводимых в двух странах исследований языков, истории, культуры и этнографии тюркских народов.

На торжественной церемонии открытия, проходившей 26 апреля 2019 г., с приветственным словом к участникам и гостям форума обратились д.и.н., проф. СПбГУ А.А. Колесников, ректор КРСУ, д.т.н., проф. В.И. Нифадьев, д.и.н., проф. КРСУ, член Национальной академии наук Кыргызской Республики В.М. Плоских, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Кыргызстане Н.Н. Удовиченко, заместитель министра образования и науки Кыргызстана, директор департамента науки Б. Баатов,

заместитель генерального секретаря ТЮРКСОЙ, д.и.н., проф. Университета Гази (Анкара) Ф. Пурташ.

Вслед за этим состоялось торжественное открытие выставки «Российские тюркологи и традиции российской тюркологии», на которой были представлены портреты многих видных российских востоковедов прошлых лет и современности, а также публикации, отражающие высокий уровень российской тюркологии и востоковедения в целом.

Характер мероприятия обусловил широкий тематический спектр докладов, объединенных в рамках семи секций.

Первая из них, озаглавленная как «Взаимодействие России со странами тюркского мира: от геополитической реальности к долгосрочной перспективе сотрудничества», была посвящена истории взаимодействия двух стран в различных сферах. На секции прозвучали доклады Д. Нигмаевой (НИУ ВШЭ) «Роль тюркского мира в современной концепции Большой Евразии», Е. Яковлевой (СПбГУ) «Российский вклад в объединение тюркских народов» и К. Рогожиной (СПбГУ) «Торгово-экономические отношения РФ и Киргизии как эффективный инструмент сотрудничества».

Вторая секция под названием «Роль русского языка как средства межкультурных коммуникаций в тюркоязычной среде» не ограничивалась строго лингвистическими рамками и включала четыре доклада, посвященных диалогу тюркских культур как с русской, так и с культурами других сопредельных стран. Открыл секцию доклад В. Данилова (СПбГУ) на тему: «Китай на пространстве Центральной Азии: вызовы и преимущества для стран региона», далее следовали доклады А. Гиренковой (СПбГУ) «Разработка концепции российско-киргизского спортивного фестиваля с национальным лингвокультурным компонентом», Я. Шевченко (СПбГУ) «Русский язык в цифровую эпоху: апология прагматизма и новые возможности для диалога культур» и Ю. Шатиловой (СПбГУ) «Культурное наследие Российской Федерации как историческая память и архитектурный образ страны».

Вопросам филологии также была посвящена третья секция «Перевод как инструмент межнационального и межконфессионального диалога», представленная докладами А. Зайнуллиной (СПбГУ) «Турецкий писатель Огуз Атай и перевод его романа „Неприкаянные“ на иностранные языки», И. Пекшева (СПбГУ) «Турецкий писатель Назым Хикмет и переводы его произведений на другие тюркские языки» и К. Кашаф (ИСАА МГУ) «Произведения Ч.Т. Айтматова в контексте культурного диалога России, Киргизии и Турции».

Четвертая секция «Тюркские народы и народности России: история, культура, этнография» была представлена тремя докладами. Т. Чолпонкулов (СПбГУ) в докладе «Крымские караимы: история и культура» охарактеризовал основные этапы истории караимского народа. М. Иванова (Московский государственный медико-стоматологический университет (МГМСУ) им. А.И. Евдокимова) в докладе «Верования тюркских народов до исламизации» рассмотрела особенности тенгрианства как религиозно-мировоззренческой системы древних тюрков. Д. Сапрынская (ИСАА МГУ) обратилась к диалогу русской и казахской культур в докладе «Роль России в формировании казахской идентичности в XIX–XX вв.».

Пятая секция «Россия и страны тюркского мира: вопросы межкультурного взаимодействия» объединила доклады по вопросам образования и культуры. Прозвучали доклады Р. Керимова (СПбГУ) «Российско-турецкое сотрудничество в фарватере межкультурного взаимодействия России со странами тюркского мира», У. Долгих (СПбГУ) «Академическая мобильность в странах тюркского мира как инструмент

„мягкой силы“», М. Ивановой (МГМСУ им. А.И. Евдокимова) «Россия и ТЮРКСОЙ: проблемы взаимодействия», Д. Нигмаевой (НИУ ВШЭ) «Перспектива межкультурного взаимодействия тюркских народов в рамках ЕАЭС» и Е. Ладыш (СПбГУ) «Проблема изучения и распространения русского языка в тюркских республиках на примере Азербайджана».

Шестая секция «Российские тюркологи и их вклад в развитие мировой тюркологической науки» была представлена докладами А. Ихсанова (НИУ ВШЭ) «Этапы и методы коммуникации А.Н. Самойловича (1880–1938) и его туркменских информантов», К. Алиевой (СПбГУ) «Кафедра тюркской филологии СПбГУ в лицах: выдающиеся выпускники» и М. Козинцева (ИВР РАН) «С.Г. Кляшторный — выдающийся исследователь Центральной Азии».

На седьмой секции «Проблемы изучения истории и культуры тюркских народов», представленной докладами Н. Абдимиталип уулу (Кыргызско-Турецкий университет «Манас») «Словарь Махмуда Кашгари „Дивани Люгатит Тюрк“ как источник по этнографии тюркоязычных народов Южной Сибири» и М. Козинцева (ИВР РАН) «Раннесредневековые тюркские рукописи Сериндийской коллекции ИВР РАН», рассматривались вопросы прежде всего источниковедческого характера.

27 апреля для участников форума была организована поездка в государственный природный парк Ала-Арча, где они смогли насладиться красотой горных ландшафтов Киргизии.

Работа форума активно освещалась как в российской, так и в турецкой прессе; было опубликовано более 50 материалов в сети Интернет, в том числе на сайтах организаций-партнеров, посольства РФ в Кыргызской Республике, киргизских и турецких новостных порталов.

По итогам форума был опубликован сборник избранных материалов (сост. М.А. Колесникова; науч. ред. д.полит.н., проф. В.К. Белозеров), в который вошли доклады, сообщения и тезисы участников секционных заседаний.

На состоявшейся церемонии награждения наиболее активных участников дискуссий организаторы подвели итоги. Они отметили, что заявленные цели форума были достигнуты, и выразили надежду на то, что подобные встречи молодых специалистов из России и государств тюркского мира в будущем станут традиционными.

International Youth Forum “Russia and the Turkic World: The Outlook of Youth from Russia and Kirghizia”

(Kyrgyzstan, Bishkek, April 26–27, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 118–120)

Received 19.08.2019.

Mark A. Kozintcev

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: turkic studies, young orientalists, research cooperation.

About the author:

Mark A. Kozintcev, Postgraduate Student, Junior Researcher, the Serindica Laboratory, IOM RAS (m.kozintcev@mail.ru).

15-й семинар Международной ассоциации тибетологов

(Франция, Париж, 7–13 июля 2019 г.)

А.А. Туранская

Институт восточных рукописей РАН

А.В. Зорин

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040125

Ключевые слова: тибетология, Международная ассоциация тибетологов, тибетские рукописи.

Статья поступила в редакцию 23.07.2019.

Туранская Анна Александровна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории Сериндика ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (turanskaya@mail.ru).

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kawi@yandex.ru).

© Туранская А.А., 2019

© Зорин А.В., 2019

7–13 июля 2019 г. в Париже прошел 15-й семинар Международной ассоциации тибетологов (IATS). Семинар собрал около 600 участников (не считая слушателей, не выступавших с докладами) из различных международных исследовательских центров тибетской истории, литературы и культуры, прежде всего Франции, США, КНР, Японии, Канады, Великобритании, Германии, Австрии, России, Индии и других европейских и азиатских государств. Конференция прошла в помещениях Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO) в Париже. Рабочими языками конференции были английский и тибетский.

Торжественное открытие семинара состоялось 7 июля в лектории INALCO. На церемонии с приветственным словом выступили бывший президент IATS Самтэн Кармэй, президент INALCO Жан-Франсуа Юше, президент Практической школы высших исследований Жан-Мишель Вердьер, директор Французского института Дальнего Востока Кристоф Марке и директор Центра исследований дальневосточных цивилизаций Сильви Уре.

Дальнейшая работа семинара проходила в формате различных секций, сессий и круглых столов (общим числом немногим менее ста), на которых рассматривались как широкие темы («Урбанизация Западного Китая: формирование национальной идентичности и социальная мобилизация на границе Китая и Тибета», «Тибетские информационные технологии, архивы и цифровые аспекты гуманитарных наук», «Профессиональная деятельность в Тибете: рабочая сила и предпринимательство во времени и пространстве»), так и более узкие, посвященные исследованиям отдельных традиций тибетского буддизма и местной религии бон («Махайога в Тибете», «Под началом иерархов традиции Гелуг», «Тантрийская герменевтика в Тибете», «Многие лики бон: от центра к периферии»), истории и культуры регионов («Культурные исследования Бутана, Сиккима и сопредельных регионов», «Власть и управление в истории Кукунорского региона»), аспектам литературного («Переосмысление *тэр-ма*»), культурного («Музыка и театральное искусство») наследия и т.д.

Петербургская школа классического востоковедения была представлена на семинаре сотрудниками ИВР РАН к.ф.н. А.В. Зориным и к.ф.н. А.А. Туранской, которые выступили на различных секциях. А.В. Зорин сделал доклад «Неизвестная версия сборника песен Шестого Далай-ламы в собрании ИВР РАН» в секции «Гуры: песнопения духовной реализации в тибетской культуре», А.А. Туранская — «Предварительные выводы о тибетских текстах из Хара-Хото в собрании ИВР РАН» в секции «Собрания рукописных памятников Шелкового пути» (доклад сделан в рамках проекта РФФИ № 18-012-00386 «Создание каталога тибетских текстов из Хара-Хото в коллекции ИВР РАН»).

В конференции приняли участие и другие российские исследователи: д.и.н. И.Р. Гарри (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) с докладом «Свидетельство тибетского ламы о религии и политике в Кхаме», д.и.н. Н.В. Цыремпилов (в настоящее время профессор Университета им. Назарбаева, Казахстан) с докладом «Во имя Ламы: как тибетские буддийские иерархи оказались вовлечены в конфликты внутри бурятского духовенства в 1924–1937 гг.», к.и.н. С.Л. Кузьмин и к.и.н. Б.У. Китинов (оба — Институт востоковедения РАН) с докладами «Тибетско-монгольское политическое взаимодействие в первой половине XX в.» и «Российские архивные документы о новом импульсе развития буддизма в Калмыкии в конце XIX — начале XX в.» соответственно.

Отдельно следует упомянуть круглый стол по проблемам и перспективам развития различных коллекций тибетских рукописей, прошедший 12 июля под председательством Буркхарда Куэссела (Британская библиотека, Великобритания) и Сюзан Мейнхейт (Библиотека Конгресса, США). Среди выступавших были кураторы крупнейшей в мире электронной библиотеки тибетских текстов BDRC Ян Ронис (США) и Эли Ру (Франция), коллекции тибетских текстов и танок Дж. Туччи Микела Клементе (Италия), библиотеки центра «Лацэ» Кристина Ди-Льякко (США). Участники круглого стола обсудили необходимость создания единой базы данных справочного характера, в которой бы могли быть размещены активные ссылки на имеющиеся на настоящий момент в открытом доступе тибетские тексты и материалы, а также каталоги коллекций (в том числе рабочие). Данный ресурс, по мнению исследователей, может стать своего рода платформой для работы с материалами малоизвестных собраний.

Из других докладов, прозвучавших на семинаре, следует упомянуть выступления общепризнанных мэтров тибетологии, таких как П. Сёренсен («Пророчества в Средние века в Тибете — политический инструмент и способ выражения и управления

религиозным и политическим дискурсами»), Д. Темплмен («Индийский буддизм глазами тибетцев: колониализм и *rGya gar chos 'byung* Таранатхи»), Р. Джексон («Цонкапа как последователь дзогчена: дискурсы традиции ньингма и источники гэлук»), М. Капстейн («Авторство и передача текста *Tshad ma de kho na nyid bsdu pa*, приписываемого Лонгчен Рапчжампе»), а также высококлассных специалистов среднего поколения — А. Хельман-Важны («Кодикологическое исследование архивных документов из Мустанга, Непал»), Л. Дони («Древняя тибетская молитва: попытка классификации»), К. Ивао («О тибетских буддийских центрах северо-восточного Амдо в постимперский период и их происхождении»), А. Траверс («Защита границ в военное время: роль местных дружин (*yul dmag*) и пограничных застав (*sa srung*) в начале XX в.») и др.

Для участников семинара была подготовлена культурная программа, включавшая посещение Национального музея восточных искусств — музея Гиме. 11 июля в рамках семинара состоялась презентация выставки каллиграфии «Новые волны калама и чернил: современная каллиграфия в Тибете и за его пределами», проходившей в центре Лацэ в Нью-Йорке (куратор Пэма Бум). Также в рамках семинара было продемонстрировано два фильма: легендарная документальная лента «По дороге через Тибет», снятая чехословацкими кинематографистами Владимиром Сисом и Йозефом Ванисом и не демонстрировавшаяся после 1956 г., и драма «Старый пес» тибетского режиссера Пэма Цэдэна, в котором затронуты темы сохранения тибетской идентичности в современных реалиях.

Некоторым участникам семинара посчастливилось посетить Национальную библиотеку Франции и своими глазами увидеть тибетские рукописи, обнаруженные Полем Пелье в пещерах Дуньхуана. Экскурсия в историческое здание Библиотеки с уникальными тибетскими письменными памятниками была любезно организована главным хранителем Отдела восточных рукописей Натали Моне и профессором Мэтью Капстейном (Париж).

На заключительном торжественном обеде было объявлено имя нового президента IATS, которым была избрана проф. Ханна Хавневик (Осло, Норвегия). Следующий семинар пройдет через три года в Карловом университете в Праге.

Report on the 15th Seminar of the International Association for Tibetan Studies

(France, Paris, July 7–13, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 121–123)

Received 23.07.2019.

Anna A. Turanskaia

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Alexander V. Zorin

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Tibetan studies, IATS, Tibetan manuscripts.

About the authors:

Anna A. Turanskaia, Cand. Sci. (Philology), Junior Researcher, the Serindica Laboratory, IOM RAS (turanskaya@mail.ru).

Alexander V. Zorin, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (kawi@yandex.ru).

Восьмые петербургские тибетологические чтения

(Санкт-Петербург, 10 сентября 2019 г.)

А.В. Зорин

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040137

Ключевые слова: тибетология, Я.И. Шмидт, Институт восточных рукописей РАН, дацан Гунзэчойнэй.

Статья поступила в редакцию 14.07.2019.

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kawi@yandex.ru).

© Зорин А.В., 2019

10 сентября 2019 г. в ИВР РАН прошли ежегодные Петербургские тибетологические чтения, организованные при деятельном участии Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй»: со стороны ИВР РАН председателем оргкомитета был А.В. Зорин, секретарем — А.А. Сизова; со стороны дацана Гунзэчойнэй координатором выступила И.В. Васильева. С кратким приветственным словом к участникам и гостям Чтений обратилась директор ИВР РАН проф., д.и.н. И.Ф. Попова.

Восьмые чтения были посвящены 240-летию со дня рождения Якова Ивановича (Исаака Якоба) Шмидта (1779–1847), первого хранителя и каталогизатора тибетской коллекции Азиатского Музея Императорской Академии наук, основателя тибетологии как научной дисциплины в России. Прологом к чтениям стали короткие выступления к.ф.н. А.В. Зорина и проф., д.и.н. В.Л. Успенского (Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета), в которых они охарактеризовали основополагающий вклад академика Я.И. Шмидта в европейскую и российскую тибетологию. Также участники и гости могли ознакомиться с однодневной выставкой, посвященной знаменательной дате (подготовлена А.А. Сизовой и А.В. Зориным). В экспозиции были собраны материалы, связанные с хранительской и каталогизаторской работой академика (в том числе первые описи тибетских и монгольских книг), его научные труды (в частности, грамматика и словарь тибетского языка), тибетские, монгольские и калмыцкие рукописи, на которые опирались его важнейшие

публикации: монгольская летопись Саган-Сэцэна «История восточных монголов» (за ее перевод Я.И. Шмидт был избран в адъюнкт-академики в 1829 г.), тибетская рукопись «Сутра о мудром и глупом» из коллекции П.Л. Шиллинга фон Канштадта (ее Я.И. Шмидт переводил на немецкий язык) и некоторые другие. Насколько мне известно, столь репрезентативная выставка памяти Я.И. Шмидта не имела precedентов в истории отечественного востоковедения.

Дальнейшая программа Чтений состояла из трех заседаний, на которых в общей сложности прозвучало четырнадцать докладов: восемь были сделаны сотрудниками ИВР РАН, по два — представителями дацана Гунзэчойнэй и независимыми исследователями, по одному — сотрудниками Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

Первое заседание, состоявшее из двух частей (председатели — В.Л. Успенский и Б.Б. Бадмаев соответственно), было посвящено буддийской культуре и философии. Открыл его небольшой лекцией, озаглавленной «Сутра сердца и пять путей», настоятель Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» Б.Б. Бадмаев (Ширетээ Лама Джампа Доньед). Это выступление примечательно тем, что в ходе него, вероятно, впервые под сводами Зеленого зала Ново-Михайловского дворца¹ прозвучала «Сутра сердца» — краткий текст, в котором, как считают последователи индо-тибетского буддизма, сосредоточена суть его философского учения. Что касается пяти путей, обозначенных в заглавии, то имелись в виду пять этапов продвижения последователя буддизма махаяны (бодхисаттвы) к достижению состояния совершенного пробуждения. Они неразрывно связаны с освоением махаянского учения Праджняпарамиты о пустоте всех дхарм, т.е. об отсутствии у них самостоятельного существования, кратчайшим изложением которого и является «Сутра сердца».

Главный редактор издательства «Нартанг» А.А. Терентьев в своем сообщении «Некоторые проблемы перевода „Ламрима“ Чже Цонкапы» поделился частными вопросами и сомнениями, возникшими в процессе продолжающегося усовершенствования полного русского перевода знаменитого памятника тибетской религиозной мысли, выполненного А. Кугявичусом и изданного под редакцией А.А. Терентьева². Он рассказал о взаимодействии с буддийскими монахами из России, проходящими обучение в тибетских монастырях Индии и обратившими его внимание на отдельные неточности в переводе. Стоит подчеркнуть, что речь идет именно о тонких деталях, заметить которые могут только специалисты, тщательно исследующие тибетский текст книги. Выступление А.А. Терентьева вызвало живое обсуждение, в котором приняли участие ламы дацана Гунзэчойнэй.

И.В. Васильева, исполнительный директор Фонда развития буддийской культуры, провела презентацию «Реставрация Санкт-Петербургского Дацана. 2010–2019 гг.», в которой подробно осветила все этапы комплексных реставрационных работ в дацане Гунзэчойнэй, проведенных специалистами компании «Возрождение Петербурга». Результаты их оказались настолько впечатляющими, что дацан был включен в почетную Белую книгу Всемирного клуба петербуржцев. В июле 2019 г. состоялась торже-

¹ На это обстоятельство обратила внимание собравшихся Р.Н. Крапивина.

² *Чже Цонкапа*. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения (Ламрим Ченмо) / Пер. с тиб. А. Кугявичуса, под общ. ред. А. Терентьева. В 5 т. СПб.: Нартанг, 1994–1998; 2-е изд., испр. В 2 т. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2007; 3-е изд., испр. В 2 т. СПб.: Нартанг, 2010; 4-е изд., испр. В 2 т. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2015.

ственная церемония вручения золотого «Знака соответствия» на ежегодной ассамблее клуба под председательством его президента М.Б. Пиотровского.

Доклад «Тибетская религиозная культура: „выражение почтения“» Р.Н. Крапивиной (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) был посвящен такому важному структурному компоненту буддийских философских текстов, как выражение почтения Будде, тем или иным бодхисаттвам, тантрическим божествам и т.д. В данном случае тема была рассмотрена на материале праджняпарамитских текстов.

В своей презентации «Религиозная повседневность тибетцев 1930-х гг. в описании Дж. Туччи» Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. ИВР РАН) напомнила собравшимся об основных вехах экспедиционной деятельности выдающегося итальянского тибетолога Джузеппе Туччи (1894–1984) и проанализировала те фрагменты в его книгах-травелогах, где показана культовая сторона повседневной жизни тибетцев в период накануне коренных преобразований и исчезновения старого Тибета.

Второе заседание, посвященное истории Тибета и тибетологии (председатель А.А. Терентьев), было открыто выступлением проф., д.и.н. В.Л. Успенского (и.о. заведующего Кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ) на тему «Монгольский историк XVIII века Гомбоджаб о китайско-тибетских контактах в области буддизма». Гомбоджаб, хорошо знавший литературу китайского буддизма и сыгравший большую роль в развитии тибетского и монгольского книгоиздания в Пекине, в своем сочинении «История буддизма в Китае» стремился смягчить распространенную точку зрения, что в результате известного диспута между индийским и китайским наставниками в монастыре Самье в конце VIII в. китайская форма буддизма была признана тибетцами «неправильной». По мнению Гомбоджаба, речь шла не о признании ошибочности или ущербности воззрения и практики китайской школы *чань*, а о попытке проповеди китайским наставником столь сложного и глубокого учения неподготовленным массам.

В продолжение вопроса о пересмотре некоторых аспектов, укоренившихся в тибетской историографии, прозвучал доклад Е.Ю. Харьковской (к.и.н., независимый исследователь) «Был ли Самье первым буддийским монастырем Тибета?». Согласно традиционной тибетской точке зрения, строительство Самье стало возможным после прибытия йогина Падмасамбхавы, усмирившего местных демонов, которые мешали возведению цитадели буддизма. Однако в некоторых текстах о жизни Падмасамбхавы содержится информация, что по пути в Самье он основал еще один монастырь, который, если эта информация будет верифицирована, и должен считаться первым в истории Страны снегов.

Доклад А.В. Зорина (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) «О тибетских лексиконах Д.Г. Мессершмидта в связи с вопросом об авторстве таблицы „*Harmonia Linguarum*“ (1730)» можно рассматривать как отклик на недавно опубликованную статью А. Манастера Рамера и Л.Д. Бондарь, посвященную двум таблицам с базовой лексикой восточных языков: одна находится в архиве Д.Г. Мессершмидта, другая была опубликована его спутником по сибирской экспедиции Ф.И. Страленбергом в 1730 г.³ Углубленный анализ тибетской лексики, проведенный с привлечением других документов из фонда

³ Манастер Рамер А., Бондарь Л.Д. Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф.И. Страленбергом // Миллеровские чтения–2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Составитель и ответственный редактор И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 395–427.

Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, подтвердил связь между двумя таблицами, однако выявил наличие некоторых уникальных особенностей таблицы Страленберга, у которого, очевидно, имелся еще один источник сведений по лексике тибетского языка.

Последнее, третье заседание имело заголовок «Коллекции» и состояло из двух частей (председатели А.А. Сизова и А.В. Зорин соответственно). Начала заседание Н.С. Яхонтова (к.ф.н., с.н.с. ИВР РАН) сообщением «Тибетская рукопись „Истории о Молон-тойне“ из коллекции Ц. Дамдинсурэна». В нем был представлен предварительный анализ указанного в названии списка известной апокрифической сутры о том, как ученик Будды Маудгальяна (Молон-тойн) спускался в ад, куда попала в своем новом рождении его мать. Для текстологической характеристики рукописи были привлечены списки сутры из коллекции ИВР РАН. Тибетская версия сутры интересна тем, что совпадает с ойратской (имеется в коллекции ИВР РАН), которая принципиально отличается от монгольской, известной по ксилографическим изданиям.

Доклад «Обзор тибетских текстов в Сериндийском фонде ИВР РАН», сделанный А.А. Сизовой (м.н.с. ИВР РАН), подвел итог первичной стадии обработки тибетской части указанного фонда, объединившего тексты, найденные преимущественно в Восточном Туркестане. Однако некоторые единицы хранения, также центральноазиатского происхождения, попали в него по ошибке, в результате смешения различных коллекций. Одной из возможных причин этого была названа эвакуация части рукописей Азиатского Музея в Саратов осенью 1917 г. из-за угрозы германской оккупации Петрограда.

Выступление А.А. Туранской (к.ф.н., м.н.с. ИВР РАН) «Фрагменты сутр Праджняпарамиты в тибетской коллекции из Хара-Хото в ИВР РАН»⁴ также отчасти касалось смешения рукописей различного происхождения (в данном случае из Хара-Хото и Дуньхуана). Фрагменты праджняпарамитских текстов, рассмотренные в докладе, имеются как среди дуньхуанских рукописей (в конце 2018 г. переведенных в соответствующий фонд), так и среди рукописей из Хара-Хото. В презентации были представлены образцы этих фрагментов, которые удалось идентифицировать и описать.

Вторую часть заседания открыл сообщением на тему «Дар Лубсан-Жимбы Ахалдаева Академии наук» Д.В. Иванов (к.и.н., старший хранитель МАЭ РАН). Речь шла о небольшой иконе с изображением божества Вайшраваны, подаренной Санкт-Петербургской Имп. АН выдающимся деятелем бурятского буддизма, основателем Тамчинского (Гусиноозерского) дацана, III Пандита Хамбо-ламой Л.-Ж. Ахалдаевым через переводчика Иоганна Иерига. Последний посещал Гусиноозерский дацан, и от него лично в Кунсткамеру также поступила икона из этого важного центра буддизма в Забайкалье. Стилистическое сходство двух изображений позволяет предположить, что они могли быть созданы одним мастером, либо допустить, что у данного монастыря в тот период имела особая иконописная школа.

Презентация Л.И. Кряжиной (ведущего художника-реставратора ИВР РАН) «Принципы хранения отреставрированных калмыцких рукописных свитков-вложений ритуальных молитвенных барабанов в тибетском фонде ИВР РАН»⁵ была посвящена такому важному аспекту консервации весьма сложного объекта — большого руко-

⁴ Исследование проводилось в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 18-012-00386, «Создание каталога тибетских текстов из Хара-Хото в коллекции ИВР РАН».

⁵ Исследование проводилось в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 18-012-00457, «Консервация и текстологическое исследование калмыцких свитков XVIII в. из собрания ИВР РАН».

писного свитка XVIII в. из Калмыкии, — как создание особого футляра, который сочетает возможности бережного хранения рукописной книги с отсылками к ее функциональному использованию в культовой практике буддизма. Это достигается как эстетическими средствами (красновато-оранжевый цвет, тактильно приятная фактура, обозначение тибетского наименования памятника), так и конструктивными особенностями (воссозданный валик, на который накручен полностью отреставрированный и оцифрованный свиток, и две выемки внутри футляра, с помощью которых он удобно и прочно крепится).

Завершила работу Чтений С.С. Сабрукова (к.ф.н., м.н.с. ИВР РАН) выступлением на тему «О некоторых общих аспектах технической обработки книг тибетского фонда ИВР РАН». Доклад основан на опыте почти непрерывного (начиная с 2007 г.) и зачастую очень тяжелого труда по инвентаризации одного из крупнейших мировых собраний тибетских книг. Достаточно упомянуть такой тип работы, как установление точного количества листов в той или иной единице хранения: нередко номера повторяются или, наоборот, сдваиваются, многие листы представлены двумя и более экземплярами. Особую сложность таят экземпляры, где лицевые и оборотные стороны напечатаны на отдельных листах тонкой бумаги, не склеенных друг с другом. Поскольку листы в тибетских книгах, как правило, не скрепляются друг с другом, они нередко могут обнаруживаться в других единицах хранения или среди разрозненных материалов, и тогда, после заполнения лакуны, требуется производить перенумерацию листов в целом томе.

Разнообразие и высокий профессиональный уровень докладов, прозвучавших в ходе Восьмых петербургских тибетологических чтений, как обычно, приятно сочетались с подлинно дружеской атмосферой, с помощью которой создается благоприятная среда для развития научных исследований и сотрудничества, в том числе между учеными и буддийской сангхой в Санкт-Петербурге.

The Eighth St. Petersburg Tibetological Seminar

(St. Petersburg, September 10, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 124–128)

Received 14.10.2019.

Alexander V. Zorin

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Tibetan studies, I.J. Schmidt, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Gunzechoinei *datsan*.

About the authors:

Alexander V. Zorin, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (kawi@yandex.ru).

Научно-практический семинар по маньчжуроведению

(Германия, Мюнхен, 17–18 сентября 2019 г.)

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040149

Ключевые слова: маньчжуроведение, Мюнхенский университет, маньчжурский язык, маньчжурская история.

Статья поступила в редакцию 06.11.2019.

Пан Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2019

17–18 сентября 2019 г. в Мюнхенском университете имени Людвиг-Максимилиана прошел научно-практический семинар по маньчжуроведению, организованный Восточным факультетом Мюнхенского университета и Школой востоковедения и африканистики Лондонского университета (SOAS). Руководители семинара Андреас Зигел (Andreas Siegel, Мюнхенский университет) и Ларс Лааман (Lars Laaman, SOAS) собрали маньчжуроведов со всего мира, чтобы те обменялись опытом по переводу текстов с маньчжурского языка. Поскольку общим рабочим языком был английский, переводы предлагалось сделать на этот язык, а акцент ставился на правильности понимания текста оригинала и адекватности перевода грамматических конструкций. За неделю до начала работы участники семинара разослали выбранные ими тексты коллегам для предварительного ознакомления. Всего собралось десять человек из Англии, США, Германии, России, КНР и Тайваня.

Каждому участнику семинара отводился один час, в течение которого он должен был представить текст, рассказав историю его создания, охарактеризовав его историческое значение, специфику бытования, а затем предложить свой перевод выведенного на экран текста, который могли прокомментировать все участники семинара.

В первый день было запланировано семь презентаций. Сначала Ларс Лааман (Lars Laaman, преподаватель SOAS) сделал доклад о преподавании маньчжурского языка в царской России на основе «Маньчжурской хрестоматии» А.О. Ивановского. Докладчик дал краткую характеристику изучения тунгусо-маньчжурских языков Восточной Сибири и Северного Китая, выделив три направления исследований: лингвистику, этнографию и религию и основные, с его точки зрения, работы: «Маньчжурскую хрестоматию» А.О. Ивановского (Петербург, 1895), «Социальную организацию маньчжур» С.М. Широкогорова (Шанхай, 1924) и перевод Нового Завета С.В. Липовцова (СПб., 1835). В качестве материала для перевода Ларс Лааман предложил перевод текста из «Маньчжурской хрестоматии».

Высоко оценивая вклад российских востоковедов в изучение истории и культуры Востока, организаторы семинара пригласили выступить профессора Восточного факультета СПбГУ д.и.н. И.В. Герасимова с лекцией «История изучения Ближнего Востока и Центральной Азии в России». Докладчик подробно рассказал о возникновении востоковедения в России и преподавании восточных языков в Санкт-Петербургском университете, об основных научных экспедициях и создании восточных коллекций Азиатского Музея и Кунсткамеры. Лекция вызвала большой интерес слушателей, большинство из которых не имели представления о роли российского востоковедения и его влиянии на европейскую науку. Лекция И.В. Герасимова была дополнена докладом Т.А. Пан о формировании и составе маньчжурской коллекции рукописей и ксилографов, хранящейся в ИВР РАН.

Доклад Т.А. Пан (к.и.н., в.н.с. ИВР РАН) был посвящен стихам императора Цяньлуна на портретах выдающихся маньчжурских военачальников. Пять портретов из коллекции Государственного Эрмитажа относятся к серии портретов, созданных по приказу Цяньлуна после его победоносных походов против Джунгарского ханства. На портретах имеются посвящения на маньчжурском и китайском языках. Докладчик дала перевод каждого стиха, показав, что тексты не являются дословными переводами, а написаны по правилам маньчжурского и китайского стихосложения.

Шань Сыпин (Shan Siping — аспирант SOAS) представил доклад трону, который сделал Нян Гэньяо, один из видных деятелей периода правления Юнчжэна. Текст доклада хранится в коллекции Государственного музея Гугун в Пекине. В нем объясняется возможность мирных переговоров цинского правительства с джунгарами и дается план организации военных сил маньчжуров в северной части Китая. Шань Сыпин сделал попытку определить границы Цинской империи в период правления Юнчжэна и их изменения в зависимости от развития цинско-джунгарских отношений. Часть доклада Нян Гэньяо и его перевод на английский язык были представлены на обсуждение слушателей.

Аспирантка Практической школы высших исследований (EPHE, Париж) Алиса Краутер (Alice Crowther) рассказала о проекте Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France) по исследованию христианских текстов на маньчжурском языке, остановившись на маньчжурском календаре святых на первые пятнадцать дней января (шифр: BnF Mandchou 253). Как выяснилось, набор имен святых в этом календаре не совпадает со списком из подобного китайского календаря, составленного Ж.-М. А.-М. де Майллом в 1718 г. Вероятно, выбор биографий святых для маньчжурского календаря был определен интересами маньчжурской знати, которую иезуиты знакомили с христианством. Для доклада и перевода Алиса Краутер

выбрала биографию святой Евфросинии Александрийской, отказавшейся выйти замуж и жившей в монастыре под видом монаха-мужчины.

Аспирантка Гарвардского университета Сара Браммау-Рамуси (Sara Brammao-Ramos) рассмотрела в своем докладе маньчжурский перевод китайских новелл Пу Сун-лина “Simacuka bithei boode encu babe ejehe bithe” 聊齋志異. На основе текстологического анализа перевода докладчица доказала наличие двух редакций переводов Ляочжая на маньчжурский язык.

Последним в этот день выступал младший научный сотрудник Института современной истории Академии Синика (Тайвань), выпускник Гарвардского университета Мартин Сёдерблом-Саарела (Mårten Söderblom-Saarela), представивший текст доклада трону, поданного в 1762 г. императорским посланником в Синьцзяне, по поводу ареста китайского ссыльного Чжан Чжие. Этот доклад интересен тем, что в нем обсуждается проблема, можно ли незнаменным китайцам пользоваться маньчжурским языком, особенно ссыльным в далеком Синьцзяне. В документе показано, что Чжан Чжие сам выучил язык и использовал его только в утилитарных, торговых сделках, а не в военных целях.

Во второй день было заслушано три выступления. Лян Юн (Liang Yong, Тюбингенский университет) продемонстрировал прекрасное владение староманьчжурской письменностью и свободное чтение документов из «Старого маньчжурского архива». Такие тексты представляют определенную трудность, так как написаны скорописью и без диакритических знаков. Для презентации Лян Юн выбрал отрывок текста, посвященного образованию маньчжурского государства и узакониванию самоназвания «маньчжуры» императором Хун Тайчжи в 1635 г.

Грегор Ваймар (Gregor Weimar, Санкт-Августин) предложил для рассмотрения маньчжурский перевод доклада, представленного трону христианскими миссионерами, по вопросу китайских церемоний и проблеме их толкования иезуитами. Латинское название этого документа — *Brevis relatio*, китайский текст был написан А. Томасом, Ф. Гримальди, Т. Перейрой, Ж.-Ф. Жербийоном, маньчжурский — Хэсихэном. В тексте обсуждается отношение миссионеров к культу предков и способы перевода слова «Бог» на китайский и маньчжурский языки (маньчж. *dergi di* / кит. 上帝).

Последнее выступление Энди Хёлцля (Andi Hölzl) было посвящено диалекту маньчжурского языка, известному как «кякала» (*kyakala*), на котором говорят в нескольких деревнях на северо-востоке Китая. Тексты на «кякала» записаны китайскими иероглифами, и докладчик на примере «Свадебной песни» дал расшифровку текста и соответствия письменному маньчжурскому языку.

Таким образом, на семинаре разбирались различные по стилю и содержанию маньчжурские тексты, были представлены жанры официальных документов, художественная прозаическая и поэтическая литература, переводы христианских текстов, примеры бесписьменных диалектов маньчжурского языка. Все участники семинара имеют базовое китаеведное образование, что обязательно для чтения и понимания маньчжурских текстов цинского периода. Поскольку маньчжуроведение является редкой специальностью и специалисты, читающие по-маньчжурски, разбросаны по всему миру, то подобные семинары исключительно полезны и плодотворны. Проведенный в Мюнхене семинар показал, что в настоящий момент выделяются два центра по подготовке маньчжуроведов — Гарвардский университет в США и Лондонский университет в Великобритании.

Manchu Research Workshop

(Germany, München, September 17–18, 2019)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 129–132)

Received 06.11.2019.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Manchu studies, Munich University, the Manchu language, Manchu history.

About the author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Рецензия на книгу:

С.А. Полхов

Законодательные уложения Сэнгоку даймё:

Исследования и переводы

М.: Кругъ, 2015. 648 с. —

(Новые исследования по японской культуре. Кн. 2). —

ISBN 978-5-7396-0381-4

В.Ю. Климов

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040150

Ключевые слова: законодательные уложения сэнгоку даймё, обычное право, законы военных домов, законы военных правительств Камакура и Муромати, законодательное уложение «Госэйбай сикимоку», даймё Оути, Имагава, Датэ, Такэда, Юки, Роккаку.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019.

Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (klimov-vadim26@gmail.com).

© Климов В.Ю., 2019

В 2015 г. вышла в свет монография Святослава Александровича Полхова «Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы». Впервые были сделаны полный перевод на русский язык и детальный анализ сводов законодательных актов удельных правителей позднего средневековья Японии XV–XVI столетий. В результате отечественные исследователи и все те, кто интересуется японской историей, получили возможность ознакомиться с правом, судебной практикой, политическим и социальным устройством Японии того времени.

В отечественном японоведении исследователи и раньше немало внимания уделяли проблемам права в Японии в древности, Средние века и Новое время. Образцом исследования юридических документов можно считать монографию Константина Алексеевича Попова (1903–1990) «Законодательные акты средневековой Японии» (в ней представлены переводы, комментарии письменных памятников VII–VIII вв.

«Конституция Сётоку» и «Манифест Тайка»¹, а также двухтомник «Свод законов „Тайхорё“. 702–718 гг.» и «Свод законов „Тайхо рицурё“. 702–718 гг. Рицу (Уголовный кодекс)»². Их дополняет монографическое исследование Михаила Васильевича Воробьева (1922–1995) «Японский кодекс „Тайхо Ёро рё“ (VIII в.)»³.

В 1998 г. Александр Викторович Филиппов опубликовал книгу «Стостатейные установления Токугава 1616 г. и „Кодекс из ста статей“ 1742 г.»⁴. Два этих письменных памятника отражают законодательство позднего феодализма эпохи Токугава (1603–1868) и представляют отчасти итог эволюции феодального правотворчества в Японии. Наконец, в 2010 г. вышла в свет книга В.Н. Еремина «История правовой системы Японии»⁵. В ней исследователь дал полную картину истории японского права с древности по новейшее время, не рассматривая подробно законодательство позднего средневековья.

До сих пор было слабо изучено японское право периодов Камакура (1192–1333) и Муромати (1333–1573). К настоящему времени на русский язык был переведен только судебный кодекс военного правительства Камакура «Госэйбай сикимоку»⁶, известный также под названием «Дзёэй сикимоку» (1232 г.). Таким образом, недавно вышедшая в свет монография С.А. Полхова значительно обогатила наши знания по данному вопросу, и была закрыта лакуна в изучении права периода междоусобных войн и феодальной раздробленности, именуемого *сэнгоку дзидай* (1573–1603).

Крупные военные дома, контролировавшие обширные территории, создали свои законодательные уложения. Отсутствие их переводов на русский язык до настоящего времени объяснялось рядом причин. Во-первых, средневековые законодательные тексты написаны либо на камбуне (своды домов Такэда, Роккаку, Миёси), либо на старояпонском языке смешанным стилем: иероглификой и каной (уложения домов Сагара, Имагава, Датэ, Юки) и читаются с большим трудом. Во-вторых, тексты эти изобилуют юридической терминологией, которую и сами японские специалисты, всю свою профессиональную жизнь занимающиеся этой проблематикой, не всегда однозначно интерпретируют. В-третьих, сам перевод на русский язык с языка оригинала — невероятно трудная задача, с которой может справиться только специалист высокого профессионального уровня, мотивированный в наших условиях не материально-финансовыми перспективами вознаграждения за проделанную работу, а чисто научно-познавательными интересами. В-четвертых, даже такая заинтересованность не гарантирует достижения сколько-нибудь удовлетворительного результата, если исследователь не вооружен лингвистическими, историческими, правовыми и прочими знаниями по Японии того времени, а также невероятным терпением и преданно-

¹ Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии / Пер. с яп., вступит. ст., коммент. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 108 с.

² Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. Вступит. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. В 2 т. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. Т. 1 — 368 с.; т. 2 — 266 с.; Свод законов «Тайхо рицурё». 702–718 гг. Рицу (Уголовный кодекс) / Вступит. ст., пер. с древнеяп., коммент. и словарь К.А. Попова. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 112 с.

³ Воробьев М.В. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 284 с.

⁴ Филиппов А.В. Стостатейные установления Токугава 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г.: Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 186 с.

⁵ Еремин В.Н. История правовой системы Японии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 293 с.

⁶ Толстогузов А.А. Госэйбай сикимоку // Восток. 1992. № 1. С. 127–139.

стью избранному делу. И Станислав Александрович Полхов как нельзя лучше отвечает всем предъявляемым требованиям.

Кроме того, автору пришлось преодолеть и другие трудности, не связанные непосредственно с изучением права позднего средневековья: не секрет, что библиотеки в последние годы гораздо хуже комплектуются и далеко не все научные работы, изданные за рубежом, поступают в наши книгохранилища. Поэтому порой самому исследователю приходится добывать нужные издания за свой счет. Помимо этого, после того как исследовательская работа завершена, зачастую нужно находить возможности опубликовать результаты своего многолетнего труда. Кстати, и книга С.А. Полхова издана благодаря поддержке Фонда изучения японской культуры имени Умэда Ёсими, а не за счет государственных средств.

Монография состоит из Введения, восьми глав, переводов на русский язык основных законодательных уложений военных домов позднего средневековья и Заключение. Введение занимает 53 страницы монографии, в нем формулируются «цели и задачи исследования» (с. 14–22), оно раскрывает читателю тему исследования («Уложения сэngoку даймё: предварительные замечания», с. 22–29), в сжатой форме представлен историографический обзор самых ценных научных работ на русском, японском и западноевропейских языках («Уложения сэngoку даймё в отечественной и зарубежной историографии», с. 29–41), большой объем информации содержится в приводимых после непосредственно текста Введения ссылках с библиографическим описанием и комментариях к наиболее значимым научным исследованиям (с. 42–53). Фактически Введение само по себе является полноценным исследованием, перекрывающим бытующее представление о вступительной части монографии.

Правовую основу военного сословия, правившего на протяжении трех сёгунатов, с 1192 по 1868 г., заложил законодательный свод периода Камакура (1192–1333) «Госэйбай сикимоку». Ему, естественно, отведена первая глава: «„Госэйбай сикимоку“ и уложения периода „воюющих провинций“: опыт сопоставления» (с. 54–98), которая логично разбита на следующие части: «Место „Госэйбай сикимоку“ в истории японского права» (с. 54–56), «Законы рицурё и право военных домов» (с. 56–58), «„Госэйбай сикимоку“ и уложения сэngoку даймё: сходство и различия» (с. 58–70), «Законы „Госэйбай сикимоку“, не оказавшие влияния на своды сэngoку даймё» (с. 70–90). Завершают эту главу сноски на использованную литературу и письменные источники (с. 90–97).

Последующие вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая главы соответственно посвящены военным домам Оути, Имагава, Датэ, Такэда, Юки и Роккаку. В них дан исторический очерк рассматриваемых домов и подробный анализ текстов законодательных актов. В конце каждой главы приводятся ссылки на использованную литературу и письменные источники. В последней, восьмой главе автор монографии подводит некоторые итоги, рассматривая такие актуальные темы, как «Между самоуправством и законом: запрет стычек, месть и „самосуд“ в уложениях периода Сэнгоку», «Наставления и увещания как способ предотвращения ссор» (с. 401–404), «Месть и „самосуд“: недозволенное и дозволенное» (с. 404–417).

Впервые на русский язык переведены уложения пяти военных домов. 1. Кодексы дома Имагава: «Свод [законов] дома Имагава — «Имагава канамокуроку», 33 статьи (с. 425–436); «Дополнения к своду [законов] дома Имагава — «Имагава канамокуроку цуйка», 22 статьи (с. 437–448); «Судебные установления [дома Имагава]» — «Сосё дзёмоку», 13 статей (с. 449–454); 2. Уложение дома Датэ («Собрание множест-

ва соринок» — «Дзинкайсю»), 171 статья (с. 455–502); 3. Кодекс дома Такэда («Законы [провинции] Каи» — «Косю хатто сидай»), 55 статей и две дополнительные (с. 503–519); 4. Свод законов дома Юки («Новые законы клана Юки» — «Юки-си синхатто»), 104 статьи основной части уложения и две статьи, добавленные позже (с. 520–559); 5. Законы дома Роккаку («Уложение клана Роккаку» — «Роккаку-си сикимоку»), 67 статей основного текста, клятвы вассалов соблюдать законы, закрепленные монограммами, — пять пунктов, а также быть преданными даймё — три пункта и шесть дополнительных статей (с. 560–593). Не лишним будет еще раз подчеркнуть, что введены в научный оборот важные историко-юридические источники по японскому праву позднего средневековья. Нельзя недооценивать работу исследователя-переводчика, которая в данном случае являет неразрывную связь с научным изысканием, расшифровкой и интерпретацией текстов.

Хочется высказать несколько соображений, которые носят, скорее, рекомендательный характер:

1) синтоистские культовые сооружения, на взгляд рецензента, лучше именовать «синтоистскими святилищами», в то время как буддийские — «храмами» или «монастырями»;

2) вероятно, в будущем потребуется провести исследование по лично зависимым слоям населения и попытаться, насколько позволяют исторические источники, провести разделение между *гэнин* («несвободные, находившиеся в личной зависимости» — с. 423), *касэгимоно*, или *касэмоно* («слуги, по статусу сопоставимые с *гэнин* и часто упоминаемые вместе с ними» — с. 423), *фудай* (наследственные [холопы], несвободные — с. 427), *гэдзэ* (прислужница, холопка, также несвободная — с. 427), *хикан* (слуга — с. 440), *кубонин* (княжеский слуга — с. 444), *нухи* и *дзонин* (слой несвободного населения — с. 447) и т.д. Велико искушение соотнести эти термины с русскими, но без предварительного рассмотрения корректности такого сравнения можно совершить ошибку, уйдя от реального их наполнения, допустив подмену понятий, вытекающих из японских реалий, понятиями из русской истории;

3) без расшифровки терминов *тансэн* 段錢 и *мунабэцусэн* 棟別錢 (читается также и *мунэбэцусэн*, *мунэбэтисэн*) (с. 446) даже японистам, не посвященным в средневековые реалии системы налогообложения, не говоря уже об обычных читателях, интересующихся историей Японии, невозможно понять их сути;

4) представляется, что не стоило выносить в заголовки сокращенные названия уложений, к примеру: «Типы документов в ОСО» (с. 105). Возможно, лучше было дать другой заголовок — «Типы документов в Установлениях дома Оути». Тогда читателю было бы легче ориентироваться в довольно насыщенном терминами тексте;

5) вероятно, придется еще не единожды возвращаться к переводам уложений, потому что со временем может возникнуть потребность в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, и благодаря новым полученным знаниям дать иную интерпретацию статей закона. К примеру, статья 12 «Новых законов клана Юки» переведена на русский язык следующим образом: «Если нет доказательств [вины] (...[лакуна в японском тексте. — В.К.]), божьим судом судить и [решить], отпустить на волю или казнить» (с. 527). Бином *синрэ* (神慮) переведен как «божий суд». Но не лучше ли перевести: «[явленной] воле богов». И тогда перед исследователем возникает вопрос, каким образом синтоистские божества давали знать о своей воле. По всей видимости, в этом случае можно говорить о нерасчлененности религиозного и правового сознания.

Кроме того, требуется более четко сформулировать по-русски некоторые статьи уложений, которые, кстати говоря, по-японски не отличаются лапидарностью и изложены витиевато. И в этом как раз кроются немалые трудности для исследователя-переводчика. В качестве примера можно привести статью 19 «Свода [законов] дома Имагава»: «Установлены законы, и вершится правление. Однако, если, оглядываясь на свои связи, не направляют жалобы, допускают беззаконие. Опираясь на закон, выдвигать иск, невзирая на близость отношений, — проявление верности [по отношению к даймё]. Отныне выступающие с иском без оглядки [на родственные или иные связи] должны вознаграждаться» (с. 445).

Работа проделана титаническая, исследователь проштудировал огромное количество материалов, Библиография занимает 23 страницы (с. 608–630). Для удобства читателя книга снабжена указателем имен (с. 611–639) и словарем терминов (особая благодарность автору за этот труд! Он, несомненно, облегчает понимание сути юридических текстов того времени. Однако, на взгляд рецензента, его следовало бы расширить) (с. 601–607).

Исследователь приходит к логичному выводу: несмотря на то что наблюдается влияние указов удельных правителей периода феодальной раздробленности страны (конец XV — XVI в.) на право в последующий период правления сёгунов из дома Токугава, рассматриваемые в монографии уложения не стали фундаментом для кодексов княжеств (*хан*) или военного правительства (*бакуфу*) Токугава по причине того, что династии удельных правителей позднего средневековья были либо уничтожены, либо потеряли власть в ходе междоусобных войн в процессе объединения страны.

Таким образом, можно поздравить не только автора с отлично проделанной работой, но и всю научную общественность с новым достижением в отечественном японоведении. Историкам, юристам и другим специалистам стал доступен в переводе на русский язык ценный материал периода позднего средневековья Японии.

Review of the book:

Polhov S.A.

Law Codes of Sengoku Daimyo: Researches and Translations

Moscow: Krug, 2015, 648 pp. (New Researches on Japanese Culture. Book 2).
ISBN 978-5-7396-0381-4 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 133–137)

Received 09.10.2019.

Vadim Yu. Klimov

Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: law codes of Sengoku Daimyo, customary law, laws of the Kamakura and Muromachi bakufu, legal code of “Goseibai shikimoku”, daimyo Ouchi, Imagawa, Date, Takeda, Yuki, Rokkaku.

About the author:

Vadim Yu. Klimov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (klimovvadim26@gmail.com).

Рецензия на книгу:

А.В. Беляков.

**Ураз-Мухаммед ибн Ондан
и Исиней Карамышев сын Мусаитов.
Опыт совместной биографии.**

Алматы: АБДИ Компани, 2019. — 208 с. —
(серия «Казахи. История и культура»). —
ISBN 978-9965-832029-1

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.7868/S1811806219040162

Ключевые слова: Московское царство, Казахское ханство, Касимовское ханство, Смутное время.

Статья поступила в редакцию 18.07.2019.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства НИУ ВШЭ, РФ; 198099, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17 (rpochekaev@hse.ru).

© Почекаев Р.Ю., 2019

Доктор исторических наук Андрей Васильевич Беляков — один из ведущих специалистов по истории потомков Чингис-хана в России XV–XVII вв. Его очередная книга, вышедшая в Казахстане, с одной стороны, является продолжением и развитием данной тематики, с другой же — представляет собой весьма любопытное исследование в достаточно оригинальном жанре «совместная биография» и может в равной степени представлять интерес как для исследователей отечественной истории, так и для востоковедов.

Героями книги выступают казахский султан Ураз-Мухаммед, проведший большую часть жизни в Московском царстве и, в конце концов, занявший трон Касимовского ханства (1600–1610), и сибирский мурза Исиней Карамышев. Соединение в рамках одной монографии двух персонажей, имевших, как выясняется, столь много общего

(приблизительно одно время жизни и деятельности, пребывание в одних и тех же регионах, участие в одних и тех же политических событиях, даже претензии на одни и те же владения!), соперничавших, но при этом, по-видимому, лично не встречавшихся, вызывает ассоциации со знаменитыми «Сравнительными жизнеописаниями» греческого историка Плутарха. Однако, в отличие от популярных очерков античного автора, книга А.В. Белякова представляет собой весьма качественное историческое исследование.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, приложений, а также вспомогательного аппарата — именного и географического указателей, глоссария и генеалогических таблиц семейств героев книги.

Во введении автор дает характеристику ранее проведенных исследований жизни и деятельности своих героев, справедливо отмечая гораздо большую известность султана Ураз-Мухаммеда по сравнению с мурзой Исинеем, обосновывает причину выбор жанра «совместной биографии».

Первая глава — «Из казахских степей в касимовские цари» — самая объемная (с. 18–86), раскрывает биографию Ураз-Мухаммеда, включая его происхождение, обстоятельства, при которых казахский султан оказался сначала в Сибирском ханстве, а затем — и в Московском царстве. Во второй главе — «Свойственники Кучума» — автор описывает родословную и семейные связи своего второго героя — Исинея Карамышева, который, как отмечает сам автор еще во введении, до сих пор практически не привлекал внимания исследователей (с. 17). Третья глава — «Смута», — как следует из ее названия, посвящена драматическим событиям истории России в начале XVII в. и участию в них обоих героев книги, обстоятельствам гибели касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Наконец, в четвертой главе — «Мнимая победа» — повествуется о последующей судьбе Исинея Карамышева, казалось бы сумевшего укрепить позиции после смерти своего соперника, однако под конец жизни попавшего в опалу и подвергшегося ссылке, в которой он и умер ок. 1618 г.

В заключении А.В. Беляков прослеживает судьбу потомков своих героев, а также подводит общие итоги проделанной работы, совершенно обоснованно отмечая: «В судьбе наших героев как в зеркале отразилась эпоха России рубежа XVI–XVII вв.» (с. 137) и намечая направления возможного продолжения тематики своего исследования.

Нельзя не отметить обширность библиографии, привлеченной автором в рамках исследования такой, казалось бы, специфической темы. Она состоит из разделов: «Архивные источники» (ряд фондов РГАДА, отдельные фонды Государственного архива Ярославской области и архива Института истории материальной культуры РАН), «Опубликованные источники» и «Литература». Последний раздел включает как «классические» издания с XIX в. по советский период, так и новейшие публикации 2010-х годов. Также А.В. Беляков в своей работе использовал и многочисленные собственные наработки, ранее нашедшие отражение в научных статьях и публикациях документов, большинство из которых выходили в малотиражных и труднодоступных для многих читателей изданиях. Благодаря рецензируемой книге интересующиеся данной тематикой имеют возможность получить представление о предыдущих изысканиях автора по истории жизни и деятельности своих героев, которыми он стал заниматься за 15 лет до ее выхода в свет (с. 16), а также могут обратиться к самим этим публикациям, поскольку А.В. Беляков скрупулезно включил их в библиографию.

ческий список (5 публикаций документов, 28 статей и 3 монографии, в том числе в соавторстве).

Логичное дополнение к исследованию, вместе с тем имеющее и самостоятельную ценность, — публикация 21 документа из фондов РГАДА, из которых только пять были опубликованы прежде, в том числе и самим А.В. Беляковым. Указатели имен и географических объектов дают возможность удобной работы с монографией. Глоссарий, содержащий объяснения устаревших русских и восточных терминов, также существенно облегчает восприятие нередко специфического материала рецензируемой книги. Наконец, генеалогические таблицы в конце книги составляют весьма полезное «визуальное» дополнение к генеалогическим аспектам биографий ее героев, достаточно подробно освещенным автором.

А.В. Беляков в первую очередь известен как профессиональный источниковед, строящий изложение материала преимущественно (а во многих случаях — и исключительно) в строгом соответствии с изучаемыми им архивными источниками XVI–XVII вв. При ознакомлении с рецензируемой книгой поначалу создается впечатление, что автор книги «не жалеет» читателя, стремясь довести до его сведения информацию этих исторических памятников, нередко весьма и весьма специфическую. Порой автор и в собственном тексте, кажется, даже до некоторой степени передает и саму стилистику составителей документов начала Нового времени.

Однако по прошествии некоторого времени это впечатление проходит, и, по мере привыкания к особенностям изложения материала, начинаешь испытывать интерес и даже удовольствие от ознакомления с содержащимися в книге сведениями. В отличие от более ранних работ других авторов, посвященных хану Ураз-Мухаммеду, А.В. Беляков не ограничился изложением политической биографии своего героя, а постарался осветить все стороны его жизни и деятельности, известные по источникам. В результате перед нами предстает, по сути, повседневная жизнь казахского султана — касимовского хана: его карьерный рост, обязанности при дворе и в рамках государственной службы, властные prerogatives в Касимове и пр. Также дается характеристика его владений, доходов и расходов, приводится даже описание его парадных одеяний, доспехов и других личных вещей (в книге имеются и их изображения), наконец освещаются вопросы и семейной жизни героя.

Автор сумел очень ярко и выразительно показать противоречивость событий Смутного времени и, как следствие, «метания» своих героев: их переход из одного политического лагеря в другой, попытки использовать нестабильность ситуации к собственной выгоде и т.д. В результате, как представляется, А.В. Белякову удалось показать исторических персонажей, которым он посвятил книгу, не просто как абстрактных «государственных деятелей», а именно как живых людей со свойственными им человеческими достоинствами и недостатками, стремлениями, жизненными позициями и пр.

При этом А.В. Беляков, всегда добросовестно опираясь на исторические источники, не пытается «достраивать» биографии своих героев, если не имеет хотя бы косвенных оснований для подобного рода предположений. Например, он прямо указывает, что статус Ураз-Мухаммеда в Сибири «не понятен» (с. 31), что «за период с 1603 по 1604 г. сведений о Чингизиде нет» (с. 98) и т.д.

Главной особенностью биографии Ураз-Мухаммеда является то, что он, несмотря на то что был казахским султаном, большую часть жизни провел за пределами своей

родины — в Сибирском ханстве и Московском царстве. Таким образом, он стал в большей степени деятелем российской, а не казахской истории. Тем не менее, думается, выход рецензируемой книги в Казахстане объясняется не только происхождением ее героя: А.В. Беляков уделяет немалое внимание роли Ураз-Мухаммеда в политических взаимоотношениях Московского государства как с Казахским ханством, так и с другими государствами Чингизидов — Сибирским и Бухарским ханствами в конце XVI в. (с. 40–44). Впрочем, нельзя не отметить, что именно этот аспект биографии казахского султана и обусловил интерес к нему его современных соотечественников и, как следствие, был и прежде освещен достаточно подробно, в связи с чем А.В. Беляков вполне обоснованно не стал сосредоточиваться на нем так же пространно, как на других сторонах жизни и деятельности своего героя.

Автору книги удалось выявить несколько важных деталей, связанных с биографией хана Ураз-Мухаммеда. Так, во-первых, он приходит к выводу, что казахский султан во время пребывания в Сибирском ханстве являлся не пленником у Кучума (каковым его прежде представляли исследователи), а играл определенную политическую роль в этом государстве. Исследователь обосновывает свою позицию ссылкой на запутанные династические связи Кучума с соседними правителями и представителями властной элиты собственного ханства: в результате сложных и постоянно изменявшихся связей его родственников отношения хана и с самим Ураз-Мухаммедом варьировались от союзнических до откровенно враждебных (с. 24–31). Во-вторых, А.В. Беляков высказал вполне обоснованные сомнения в утвердившейся в историографии версии о том, что Кадыр-Али-бек Джалаири, автор сочинения «Джами аттаварих» (составленного в начале XVII в. при дворе Ураз-Мухаммеда в Касимове), и известный по русским летописям «карача», т.е. советник, сибирского хана Кучума — одно и то же лицо, обратив внимание на ряд нестыковок в доводах исследователей. К таковым он относит, во-первых, необъяснимый переход «карачи» из казахских степей на службу к Кучуму, во-вторых, последующее невысокое правовое положение Кадыр-Али-бека при касимовском дворе и, наконец, выявленное недавно настоящее имя советника хана Кучума — Мамет. Соответственно, автор приходит к логичному выводу, что сибирский «карача» и Кадыр-Али-бек — совершенно разные личности (с. 31–33).

Занявшись такой специфической темой, автор книги, конечно же, не мог в равной степени уделить внимание всем аспектам жизни и деятельности своих героев, поэтому допустил пару незначительных ошибок.

Так, давая характеристику властных прерогатив Ураз-Мухаммеда в Касимове, А.В. Беляков пишет: «Можно предположить, что на татар распространялось как традиционное степное (яса, шариат) право, так и русское» (с. 69). Однако указанные источники права вовсе не относились к «традиционному степному праву»: яса (или Великая Яса) — это совокупность принципов и норм права Монгольской империи, установление которых приписывалось Чингис-хану; шариат же — это мусульманское право, основанное на Коране и Сунне. Что касается традиционного степного права, то оно в разных исторических памятниках обозначалось терминами «адат» (*ар.*), «юсун» (*монг.*) и «зан» (*тюрк.*). Кроме того, вызывает сомнение, что в маленьком Касимовском ханстве, изначально вассальном по отношению к московским монархам, могла быть востребована яса, актуальная лишь в период существования обширных «степных империй» потомков Чингис-хана с многочисленным населением, разнообразным по языку, куль-

туре, религии, образу жизни, правовым традициям и пр. Скорее уже, Ураз-Мухаммед и его подданные могли действительно опираться на степные правовые обычаи и шариат, тем более что сам автор книги дальше пишет о деятельности «абызов» (хафизов), т.е. представителей мусульманской правовой школы (с. 69–70).

Исследуя семейные связи Исинея Карамышева, А.В. Беляков высказывает предположение, что один из его родственников (или свойственников), Безерген абыз Байцын, «мог быть как выходцем из Средней Азии (сартом)», которые по словам исследователя составляли «костяк окружения Кучума», так и «представителем сибирской родо-племенной знати» (с. 94–95). Однако сартами назывались, по мнению одних исследователей, жители Средней Азии таджикского происхождения, по мнению других — просто-напросто оседлое, преимущественно городское, население (в отличие от кочевников). Помимо сартов в Средней Азии проживала и другая категория населения — узбеки, потомки кочевников, обосновавшихся в этом регионе в результате завоеваний на рубеже XV–XVI вв. Соответственно, Безерген (как следует даже из его имени), скорее, являлся представителем тюркского народа узбеков, а не сартов, имевших персидско-таджикское происхождение. Да и «костяк окружения» Кучума также, по всей видимости, составляли именно среднеазиатские узбеки, а не сарты.

Однако эти ошибки не имеют принципиального значения для содержания и, как следствие, несколько не влияют на общий высокий исследовательский уровень книги А.В. Белякова.

В заключение хотелось бы опять вернуться к вопросу об особенностях судьбы Ураз-Мухаммеда и ее освещения в источниках. Несмотря на его восточное происхождение и довольно активное участие в «восточной» политике в период пребывания в Сибири, а затем и в России, большинство сведений об этом казахском султаны содержится в официальных актовых материалах и иных исторических памятниках русского происхождения и даже некоторых западных. Что касается восточных документов, то Ураз-Мухаммед лишь эпизодически упоминается в переписке московских и казахских властей в 1594–1595 гг., причем даже документы казахского происхождения сохранились только в русском переводе. Таким образом, фактически единственным восточным источником об Ураз-Мухаммеде является вышеупомянутое сочинение «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека Джалаири, составленное при дворе самого хана в Касимове и до сих пор недостаточно изученное. Тюркский оригинал его публиковался И.Н. Березиным еще в 1854 г. (в Казахстане он также издавался в 1997 г.). Переводы и публикации отдельных кратких фрагментов этого исторического памятника предпринимали различные специалисты, привлекавшие его в рамках собственных исследований (в том числе сам И.Н. Березин, Ч.Ч. Валиханов, В.В. Вельяминов-Зернов, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов, М.А. Усманов). В связи с этим к числу перспективных направлений дальнейшего изучения тематики, поднятой А.В. Беляковым в рецензируемой книге, несомненно, следует отнести необходимость перевода и комментирования данного источника.

Review of the book

A.V. Belyakov.

***Uraz-Muhammad b. Ondan and Isiney Karamyshev, Son of Musait.
An Attempt at Joint Biography.***

Almaty: ABDI Company, 2019. 208 pp. ISBN 978-9965-832029-1 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 138–143)

Received 18.07.2019.

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics,
ul. Promyshlennaia 17, St. Petersburg, 198099 Russian Federation.

Key words: Moscow State, Kazakh Khanate, Kasimov Khanate, Time of Troubles.

About the author:

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (rpochekaev@hse.ru).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90 — <https://naukapublishers.ru>

Подписано к печати 25.12.2019. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 11,7

Усл. кр.-отт. 13,0. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 500 экз. Зак. №

Отпечатано: ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6